

ВЛ. СЕМЕНОВЪ

ЦАРИ ВОЗДУХА

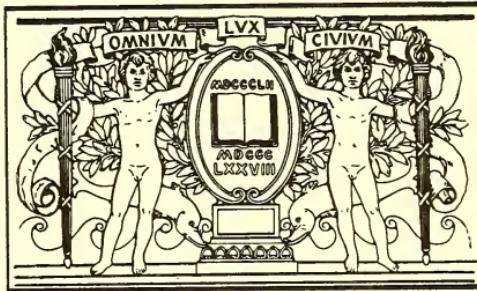
РОМАНЪ-ФАНТАЗІЯ

ПРОДОЛЖЕНІЕ

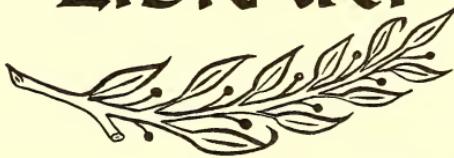
«ЦАРИЦЫ МИРА»

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
СПБ. и МОСКВА
1909

BOSTON
PUBLIC
LIBRARY

ЦАРИ ВОЗДУХА

ПРОДОЛЖЕНИЕ

«ЦАРИЦЫ МИРА»

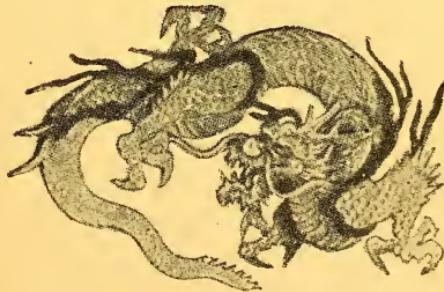
ВЛ. СЕМЕНОВЪ

ЦАРИ ВОЗДУХА

РОМАНЪ-ФАНТАЗІЯ

ПРОДОЛЖЕНІЕ

«ЦАРИЦЫ МИРА»

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
СПБ. и МОСКВА

1909

Русская Библиотека Землемера
167-190

Земельная книга

Р63470
337578
1909бж

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФИИ
Ф.А.Л.-О.ВОЛЬФЪ
Санкт-Петербургъ. Еас. Фестр. 16 линія соб. Адмір.

I.

Вмѣсто предисловія.—Café Montretout.

Какъ это ни странно на первый взглядъ, но безпристрастный лѣтописецъ не могъ не отмѣтить факта, что при дѣлѣ наслѣдства разгромленной „Царицы Mира“ никакой міровой свалки не произошло, и дипломаты, заранѣе учитывавши какія-то обязательства, оказались въ довольно глупомъ положеніи.

Апологеты „Короля Нibelунговъ“ любятъ приписывать ему эту заслугу—предотвращенія всемірной войны—любятъ говорить, что его вдохновенное слово, принятное какъ завѣтъ „мира всего міра“, предотвратило жестокую распрю... Но врядъ-ли это справедливо.

Исторія не дѣлается словами, и красивыя фразы часто прикрываютъ собою грубый, но зато вѣрный расчетъ.

Въ дѣйствительности, послѣ рѣшительной побѣды, одержанной воздушнымъ флотомъ міровой коалиціи надъ воздушнымъ флотомъ „Царицы Mира“, послѣ того, какъ Англія вынуждена была покинуть свою мечту—„владѣть міромъ“—и націи оказались свободными, — побѣдители остановились въ недоумѣніи передъ вопросомъ: что же дѣлить?..

Народы?—Но примѣръ Франціи явно доказывалъ,

что никакой „настоящій народъ“ въ карманъ не положиши...

Территорії?—Но развѣ можно было намѣтить ихъ границы въ воздухѣ?..

Въ ближайшіе моменты эти вопросы казались неразрѣшимыми, а потому, хотя всѣ ихъ чувствовали, но офиціально они игнорировались.

Не только правительства, но и массы (можно бы сказать—само человѣчество) хотѣли выиграть время, нѣсколько оглядѣться, разобраться въ совершенно новыхъ условіяхъ жизни, создавшихся послѣ того, какъ тайна generatorа сдѣлалась общимъ достояніемъ, а человѣкъ—царемъ воздуха.

При такомъ положеніи вещей единственнымъ выходомъ являлась формула, предложенная „Королемъ Нibelунговъ“ конгрессу императоровъ, королей и президентовъ республикъ, „слетѣвшихся“ въ Луксорѣ и заѣдавшихъ въ его храмахъ, служившихъ колыбелью цивилизациі.

Онъ говорилъ такъ:

— Все человѣчество, забывъ національную и религіозную вражду, объединилось въ святомъ стремленіи стряхнуть съ себя гнетъ поработителей міра, и великія жертвы принесены были за осуществленіе права каждого—быть самимъ собою! Осуществивъ это право, пойдемъ ли по стопамъ тѣхъ, противъ кого возстали? Вчерашніе рабы, которымъ Богъ далъ силу свергнуть иго, сдѣлаемся ли мы сами насильниками, возложимъ ли ярмо на побѣжденныхъ?—Нѣть! Миръ Божій, право и справедливость да царствуютъ на землѣ! — Долой насилие! Мѣсто знамени честнаго

труда!—Осуществимъ мечту первыхъ вѣковъ христіанства: „Да не будетъ среди настъ ни рабъ, ни свободный, ни эллинъ, ни іудей, но всяческая и во всѣхъ Господъ!“

Это красивое, но туманное и (по существу) ни къ чemu не обязывающее рѣшеніе было принято едино-гласно.

Въ душѣ же всякий думалъ: „Поживемъ—увидимъ; спѣшить некуда; посѣшишь—людей насмѣшишь“.

Съ того момента, какъ тайна generator'а была объявлена достояніемъ всего человѣчества, всѣ капиталы, вся энергія предпринимателей, всѣ силы техники—ринулись въ сферу воздушного кораблестроенія.

Не прошло и шести мѣсяцевъ послѣ конгресса въ Луксорѣ, какъ въ самыхъ далекихъ точкахъ земной поверхности начали подниматься въ воздухъ первые корабли, построенные съ цѣлями чисто коммерческими, а дальше—что ни день—число ихъ все увеличивалось. И это было вполнѣ понятно.

Раньше (скажемъ для примѣра) пароходъ-грузовикъ совершалъ путь изъ Европы на Дальній Востокъ (черезъ Сuezкій каналъ) въ срокъ около 60 дней, при чемъ каждыя сутки оцѣнивались въ сумму 500—600 рублей, а весь рейсъ—30—40 тысячъ рублей.

Теперь, пока техника еще не выработала типа воздушного гиганта съ грузоподъемной силой въ 10.000 тонкъ (но съ каждымъ днемъ эта цѣль становилась все ближе, все достижимѣе) приходилось довольствоваться первообразомъ, созданнымъ въ „Долинѣ Тайнѣ“. Но даже и онъ, этотъ первообразъ, приспособленный

для торговыхъ цѣлей, кореннымъ образомъ измѣнилъ ранѣе существовавшія условія товаро-обмѣна. Правда, что для доставки того же груза изъ Европы на Дальній Востокъ приходилось снаряжать не одинъ пароходъ, а 5—6 воздушныхъ кораблей, причемъ сutoчное содержаніе каждого стоило 200—250 рублей, но вѣдь зато, слѣдя кратчайшимъ путемъ отъ порта отбытія къ порту назначенія, они находились въ пути (для того же рейса) всего 5—6 сутокъ! — Срокъ доставки товара сокращался въ 6 разъ, а стоимость перевозки— въ 5 разъ!..

Люди коммерческіе сразу же оцѣнили всѣ выгоды, представляемыя новымъ способомъ передвиженія, и, вполнѣ естественно, верфи, строящія воздушные корабли, росли, какъ грибы послѣ теплаго весеннаго дождика. Юмористическіе журналы предсказывали, что скоро въ воздухѣ будетъ такъ тѣсно, какъ никогда не было на поверхности суши и моря...

Зато правительства не на шутку обезпокоились. Ужъ если сейчасъ всѣ сколько-нибудь предпримчивыя фирмы стремятся производить товаро-обмѣнъ по воздуху, то что же будетъ, когда воздушные корабли, по мѣрѣ совершенствованія, достигнутъ такой же грузоподъемности, какъ былие океанскіе пароходы, когда прямая выгода, прямой коммерческій расчетъ все международное сообщеніе перенесутъ на воздухъ, низведя водные и желѣзнодорожные пути сообщенія на ту же роль, какую нѣкогда, по отношенію къ этимъ послѣднимъ, играли подъѣздные пути и—даже хуже—проселочные дороги?..

Уже теперь дѣятельность таможенъ становилась

крайне затруднительной, несмотря на снабжение пограничной стражи быстроходными аэромобилями, несмотря на еще державшуюся среди солидныхъ торговыхъ фирмъ традицію — не только не уклоняться, но даже идти навстрѣчу таможенному досмотру. Со дня на день эта традиція могла быть признана смѣшнымъ пережиткомъ прошлого.

Въ самомъ дѣлѣ! вѣдь такъ заманчиво было перелетѣть границу ночью, поднявшись повыше и закрывъ всѣ огни, а потомъ, въ укромномъ мѣстѣ, сдать грузъ туземному воздушному кораблю и самому летѣть дальше...

Со зломъ пробовали бороться требованіемъ, чтобы всякий воздушный корабль въ мѣстѣ разгрузки предъявлялъ документы, визированные на границѣ, но и это не помогло, такъ какъ пышный расцвѣтъ техники, конечно, не могъ не коснуться и той ея отрасли, которая именуется фальсификацией. Въ результатахъ (подобно тому, какъ это было въ Россіи, въ началѣ XX вѣка съ паспортной системой) всѣ эти предъявленія, прописки, отмѣтки, удостовѣренія создавали массу хлопотъ, задержекъ и убытковъ людямъ „ вполнѣ благонамѣреннымъ“, но никакъ не беспокоили контрабандистовъ, у которыхъ всегда всѣ документы были въ полномъ порядке и даже въ нѣсколькихъ комплектахъ.

Мало-по-малу становилось очевиднымъ, что границы государствъ существуютъ только на географическихъ картахъ, а потому содержаніе таможень и пограничной стражи являлось ничѣмъ неоправдываемой роскошью. И ихъ упраздили вовсе, возложивъ взиманіе

пошлины съ привозимыхъ товаровъ на особые биржевые комитеты, образованные въ каждомъ пунктѣ, имѣющимъ хоть какое-нибудь торговое значеніе.

Однако и эта мѣра не достигла цѣли. Нельзя же было всю страну покрыть сѣтью агентовъ и каждому изъ нихъ дать возможность въ любой моментъ и въ самое глухое мѣсто вызвать вооруженный аэромобиль (правительственный) для того, чтобы воспрепятствовать разгрузкѣ или перегрузкѣ, Богъ вѣсть откуда, прилетѣвшаго корабля?..

Государства со слабо развитой обрабатывающей промышленностью, въ бюджетѣ которыхъ таможенный доходъ являлся большимъ подспорьемъ, а протекціонная система была единственнымъ средствомъ поддержки собственныхъ промышленныхъ предпріятій,— оказались въ положеніи почти безвыходномъ...

Но все это было еще не такъ страшно, какъ сознаніе, что пока „только цветочки, а ягодки будуть впереди“, что колеблются самые устои тысячелѣтіями выработанного порядка жизни, что надвигается что-то страшное, неотвратимое, какая-то всемирная гроза... Пусть послѣ тьмы еще ярче засіяетъ солнце, но пережить эту тьму, этотъ хаосъ, эту анархію... кому доведется?.. кто будетъ строить жизнь по-новому?.. какъ она сложится?..

Мужи совѣта и разума, засѣдавши въ различныхъ комиссіяхъ „для выработки мѣръ предупрежденія и пресеченія“ усиленно занимались разрѣшеніемъ вопросовъ текущаго дня, стараясь не заглядывать въ будущее...

Но всѣ „это“ чувствовали...

И многіе, многіе изъ мирныхъ, довольныхъ своею судьбою, жителей поверхности земли, поглядывая на рѣюція въ вышинѣ чудища, невольно думали:— „А что если ему придется въ голову... Ну, что я съ нимъ сдѣлаю?..“

Café Montretout, излюбленное мѣсто сборища „авіаторовъ“ всѣхъ странъ и народовъ, было переполнено публикой.

Въ воздухѣ стоялъ разноязычный говоръ, но преобладающимъ въ немъ являлось особое нарѣчіе, само собой выработавшееся изъ смѣшенія всѣхъ языковъ свѣта, носившее название „airspoke“. Основой его былъ англійскій языкъ, получившій самое широкое распространеніе во времена владычества „Царицы Мира“, но сильно искаженный и дополненный отдѣльными словами и оборотами, взятыми отовсюду. Мечта „эсперантистовъ“ доброго стараго времени осуществилась, какъ только осуществленіе ея сдѣжалось насущно-необходимымъ.

Хлопали пробки; звенѣла посуда; лились рѣкой дорогія вина; подавались такія primeur'ы, о которыхъ при прежнихъ способахъ сообщенія могли мечтать только миллиардеры; роскошные наряды, блескъ драгоценныхъ камней, дѣланно-пугливые возгласы и неестественно громкій смѣхъ женщинъ—все создавало атмосферу какого-то угара, какого то безудержнаго вевелья... Но это только казалось.

Въ то время, какъ молодежь перекидывалась беспечными шутками между собою и обмѣнивалась недвусмысленными замѣчаніями со своими случайными со-

сѣдками, а на эстрадѣ очаровательная miss Nelly Smock-Sansdessous, въ костюмѣ древне-египетской танцовщицы, чуть прикрыта прозрачной тканью, подъ мелодичные звуки флейтъ исполняла „танецъ среди мечей“,—за многими отдалыми столиками велись разговоры далеко не игриваго свойства, и ни грація плисуньи, ни задорныя выходки разряженныхъ, полуобнаженныхъ женщинъ не въ силахъ были разсѣять того выраженія угрюмаго недовольства и мрачной рѣшимости, которое лежало на лицахъ собесѣдниковъ.

— Да... такъ я и говорю — собачья жизнь!.. — заключилъ свою рѣчь невысокій, коренастый Вань-Дрюеръ. — Цари воздуха!.. Кто эти цари? — да тѣ, что по воздуху устраиваютъ пикники въ такія мѣста, куда воронъ костей не заносилъ... Шикарно, видите ли, проглотить десятокъ [свѣжихъ устрицъ и запить ихъ стаканомъ шабли на сѣверномъ полюсѣ, или покушать земляники съ девонширскими сливками на вершинѣ Демавенда... Такія сопоставленія щекочатъ ихъ нервы... Пресыщенные благами жизни, они ищутъ чего-нибудь новенькаго, а мы, труженики воздуха, создатели ихъ благополучія, возимъ ихъ... развѣ на воздушныхъ корабляхъ, которыми командуемъ? — Нѣтъ! — На своей спинѣ возимъ!

Грузный кулакъ голландца съ такой силой опустился на мраморную доску столика, что запрыгали и зазвенѣли стоявшіе на ней стаканы, а сосѣди стали тревожно оглядываться на знаменитаго коммодора и его двухъ не менѣе знаменитыхъ товарищей.

— Ну, ну, старый чортъ! — успокоительнымъ тономъ заговорилъ одинъ изъ нихъ, японецъ Симидзу.—

Люблю тебя, когда ты излагаешь свои идеи, тяжело, но убедительно, словно столетние дубы съ корнемъ выворачиваешь, но столы ломать и посуду бить — это не идетъ къ твоей солидности... Правда, баронъ?

Третій, котораго назвали барономъ, сосредоточенно обтиравшій пальцемъ капли росы, выступавшія на поверхности его стакана съ замороженнымъ питьемъ, только качнуль головой не то утвердительно, не то отрицательно.

— Къ чему привели мечты о „мирѣ всего міра?“ Во имя чего мы рылись въ землѣ, словно кроты, а потомъ бросились, очертя голову, въ драку съ „поработителями?..“ Или въ тѣ дни, когда Эдуардъ держалъ въ кулакѣ всю эту компанію, хуже было? — По моему — лучше! — продолжалъ Ванъ-Дрюеръ. — Лучше потому, что еслибы даже на мѣстѣ Эдуарда оказался человѣкъ, не заслуживающій названія джентльмена, а прирожденный грабитель, такъ и то ему было бы довольно „съ міру по ниткѣ“, а когда приходится удовлетворять аппетиты сотенъ тысячъ эксплоататоровъ, такъ тутъ... не то что послѣднюю рубашку — шкуру снимутъ...

— Правильно, правильно! — перебилъ его сангвіничный японецъ. — Царица Міра подошла къ идеалу почти вплотную; казалось, близокъ моментъ, когда личный трудъ сдѣлается единственной цѣнностью... Но мы дали увлечь себя красивыми словами, и — все рухнуло!.. Забыли великое изреченіе вашего-же евангелія „Не всякий, говорящій мнѣ: Господи! Господи! внидетъ въ царство небесное“... — Кажется такъ?... Правда, баронъ?

Но баронъ, отъ котораго, повидимому, упорно добивались слова его товарищи, только еще ниже склонилъ голову надъ запотѣвшимъ стаканомъ, всецѣло занятый собираниемъ отдѣльныхъ капель росы...

Ванть-Дрюйеръ недовольно крякнулъ и шумно вздохнулъ, а Симидзу не выдержалъ и, отбросивъ всякую дипломатію, пошелъ прямо къ цѣли.

— Ты не пробуй отмалчиваться!—заговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.—Ты самъ соглашался, что дальше такъ жить нельзя!—Вѣдь это—твои слова?—Когда же отъ словъ мы перейдемъ къ дѣлу? Когда же цари воздуха перестанутъ быть рабами мѣшковъ съ золотомъ, которые они могутъ въ любой моментъ либо захватить въ свои руки, либо уничтожить?.. Вѣдь если мы объединимся, то всѣ эти гады, ползающіе по поверхности земли, наши повелители сегодня будутъ нашими рабами завтра!..

— Такъ, такъ...—горько засмѣялся баронъ. — Ты говоришь: „Если мы объединимся...“—А возможно ли это? Или ты думаешь, что среди „насъ“ не найдется людей, которые продадутъ свое первенство за чечевичную похлебку? Повѣрь, что ихъ будетъ много, очень много! что они, эти прирожденные холопы, окажутся въ большинствѣ и, за подачку изъ золотого мѣшка, пойдутъ противъ насъ, какъ противъ мятежниковъ!.. Насъ раздавятъ численностью, а уцѣлѣвшихъ будутъ травить, какъ хищныхъ звѣрей!.. Правъ ты, или не-правъ—разсудитъ исторія, но девизъ дня—„горе побѣжденнымъ!..“

— Добрую корпорацію можно уничтожить, но по-

бѣдить нельзя!—перебилъ его Ванъ-Дрюйеръ, видимо давно собиравшійся высказать свою мысль.

— Опять слова! тѣ самыя красивыя слова, надъ которыми глумился Симиизу! Ты позабылъ вѣками взращенную привычку благоговѣть передъ тѣмъ, кто можетъ грозить карой! забылъ, что это стадо...

Продолжать ему не пришлось изъ-за невѣроятнаго шума, поднявшагося въ залѣ.

По началу невозможно было понять, въ чемъ дѣло. Всюду виднѣлись возбужденныя лица, угрожающія позы, поднятыя руки; апплодисменты, шиканье, свистъ, крики „браво“ и крики „долой“ сливались въ какой-то хаосъ; музыка прекратилась; miss Nelly, стоя у самой рампы, тоже что-то кричала и размахивала руками...

Неожиданно на одномъ изъ столовъ появилась стройная красавица съ лицомъ бронзоваго цвѣта.

— Лакмэ! Лакмэ!—заревѣли кругомъ.—Лакмэ проситъ слова!—Слушайте, что скажетъ Лакмэ!—Долой!—Слушайте!

Стало пѣсколько тише.

— Господа! — крикнула индусска, и ея могучій контрапальто покрылъ послѣдніе отголоски перебранки.—Это я сказала, что такъ не танцуютъ „среди мечей“, что у насть за такую пляску баядеркѣ обрили бы голову и плетьми выгнали бы изъ храма! Это я сказала! и отъ своихъ словъ не отступлюсь!

— А ты станцевала бы лучше?—перебилъ ее чей-то голосъ.

— Я то?..—и, гордо откинувъ голову, она бросила въ сторону говорившаго:—Магараджи ползали у моихъ ногъ!..

Восторженный ревъ поднялся въ публикѣ.

— Браво, Лакмэ! — Станцуй сама! — На сцену Лакмэ! — Пусть докажетъ! — Тащите ее! — Нечего хвастать!..

Гибкая, какъ пантера, индусска вспрыгнула на сцену и скрылась за кулисами.

— Бѣжала! — Держите двери! — кричали зрители, вскакивая со своихъ мѣстъ и бросаясь за нею.

Но компанія, въ которой до того была Лакмэ, опредила своихъ противниковъ и съ револьверами въ рукахъ преградила имъ дорогу.

Въ партерѣ тоже замелькали револьверы. Администрація и служащіе скрылись. Оркестръ бѣжалъ. Кровопролитіе казалось неотвратимымъ, такъ какъ никто никого не слушалъ, — всѣ кричали разомъ и грозили другъ другу, не различая ни друзей, ни враговъ...

По счастью какому-то, огромнаго роста, дюжему воздухоплавателю удалось вскочить на крышу суплерской будки и рявкнуть голосомъ, способнымъ заглушить шумъ сраженія:

— Стойте! Она сейчасъ будетъ танцевать! Она вовсе не бѣжала! Човѣрте слову Блэка!

Толпа отхлынула.

— Блэкъ не соврѣтъ! — слышались голоса...

— Слушайте, что говорить Лакмэ! — продолжалъ Блэкъ. — Она подтверждаетъ, что у нея на родинѣ за такой танецъ, какой показала Нелли, танцовщицѣ обрили бы голову и плетью выгнали бы изъ храма; Она предлагаетъ вамъ поступить съ ней по этому обычаю, если протанцуетъ не только хуже, но даже

въ ровную, даже немногимъ лучше Нелли, но если за ней будетъ несомнѣнная, неоспоримая побѣда, — то этой карѣ подвергнется ея соперница! — Нелли! принимаешь ли вызовъ?

— Принимаю! — смыло отвѣтила та, блѣдная какъ полотно, но не покинувшая сцены.

Громъ апплодисментовъ покрылъ ея гордую реплику.

— Становится интересно, — пробормоталъ Симидзу, щуря глаза.

— А теперь, господа, по мѣстамъ! — закончилъ Блэкъ, слѣзая со своей импровизированной трибуны. — Тишина и спокойствіе!

— Да, что она дѣлаетъ за кулисами? — протестовали подозрительные и нетерпѣливые.

— Просто переодѣвается! Нельзя же ей танцевать въ корсетѣ и въ длинномъ платьѣ! Рассаживайтесь, господа, разсаживайтесь, какъ раньше!

Мало-по-малу порядокъ возстановлялся; оружіе было спрятано, и люди, только что собиравшіеся истреблять другъ друга, мирно обмѣнивались замѣчаніями относительно предстоящаго „состязанія баядерокъ“. Ихъ спутницы, порядкомъ натерпѣвшіяся страху, уже смыялись и готовились быть самыми строгими судьями.

— Найдется ли подходящій костюмъ? — А гдѣ жъ музыканты? — Позвать директора! — Вернуть музыкантовъ! — раздавалось то тутъ, то тамъ.

— Не надо ни директора, ни музыкантовъ! Минутку терпѣнія — вотъ все, что нужно! — донеслось изъ-за кулисъ. — Я сейчасъ выйду!

И она дѣйствительно вышла почти вслѣдъ за этими словами...

Словно порывъ вѣтра на мгновеніе всколыхнулъ толпу, а затѣмъ—все замерло.

Почтенный Блэкъ былъ не совсѣмъ правъ, заявивъ, что она „переодѣвается“...

Передъ изумленными зрителями, чаруя ихъ красотою своихъ формъ, появилась какъ бы статуя, отлиная изъ темной бронзы, но... живая статуя...

Жестомъ, полнымъ сладостной иѣги, закинувъ скрещенные руки за голову, она однимъ движениемъ очутилась въ серединѣ трехугольника, усаженного ослѣпительно сверкающими въ потокахъ электрическаго свѣта, остроотточенными клинками мечей, укрепленныхъ стоймъ, лѣниво качнулась вправо-влѣво... и замѣла. Сначала тихо, потомъ все громче и громче... Это была унылая, дикая пѣсня, странно-жуткая въ ея переходахъ полутонами...

Индусы, находившіеся въ толпѣ (какихъ только національностей не было въ средѣ воздухоплавателей) стали ей вторить... И въ тактъ пѣсни, двигаясь всѣмъ туловищемъ, она начала танцевать... Только ступни ногъ оставались неподвижными, да скрещенные пальцы рукъ словно впились въ затылокъ...

Но вотъ эти руки высоко взметнулись; ноги сдвинулись съ мѣста; широко открылись огненные глаза; пѣсня зазвучала восторгомъ безумія... Индусы вторили все громче, сами себя прерывая криками — „Дева! Дева!..“

Темпъ все учащался, а плясунья все быстрѣе и быстрѣе кружиласъ на „ложѣ смерти“...

— Ой! відьма!—воскликнулъ какой-то хохолъ и въ страхѣ перекрестился...

На него никто не обратилъ вниманія...

Рѣзкій гортанный крикъ... Что-то мелькнуло въ воздухѣ... И зрители увидѣли Лакмэ, продолжающую пляску уже на рукахъ...

Всѣ затаили дыханіе; только индусы вполголоса, словно подъ сурдинку, тянули какой-то мрачный мотивъ, мѣрно ударяя въ ладоши...

Плясунья двигалась на рукахъ по „ложу смерти“; извивалась, какъ змѣя... Ея точенія ноги то поднимались кверху, плотно-скатыя, и вся она вытягивалась, какъ стрѣла, — то безпомощно падала за спину такъ низко, что пятки едва не касались затылка...

Всѣ чувствовали, всѣ понимали, что одно невѣрное движеніе — и она упадетъ, и жадныя, острыя лезвія вошются въ это бронзовое тѣло, и хлынетъ красная кровь...

Новый крикъ пронесся надъ заломъ; вновь что-то мелькнуло... Глубокій вздохъ облегченія вырвался у присутствующихъ.—Она стояла невредимой!.. Грудь ея судорожно вздымалась; каждый мускуль тѣла дрожалъ; широко раскрытые глаза, казалось, видѣли что-то, незримое простымъ смертнымъ... И вдругъ — высоко, къ небу, вскинувъ свои трепещущія руки, она запѣла гимнъ, въ которомъ звучало и торжество побѣды, и благодарность за избавленіе отъ жестокой гибели...

Цѣломудренный богатырь, Ванъ-Дрюйеръ, сидѣлъ весь красный, съ открытымъ ртомъ, и дѣлалъ видъ, что не смотритъ на сцену, но его толстыя руки при每一天но дрожали. Симиизу, весь поглощенный зреющимъ, качалъ головой въ тактъ пѣсни и прищелкивалъ

пальцами. Даже усталые, холодные глаза барона загорелись какимъ-то страннымъ огнемъ...

Miss Nelly нарушила очарование.

— Идіоты! Идіоты! — пронзительно закричала она, подбѣжавъ къ рампѣ. — Почему вы уставились, какъ бараны, на эту желтую выдру, на эту канатную плясунью? — Потому, что она имѣла безстыдство сорвать съ себя послѣднюю тряпку! Да! Да! — Въ безстыдствѣ она меня побѣдила!

Пѣсня оборвалась.

Лакмѣ быстрѣе молнии вырвала одинъ изъ кинжаловъ, укрѣпленныхъ въ полу сцены, и ринулась на обидчицу... Но та успѣла соскочить въ публику... Баядерка — за ней...

Дальнѣйшее не поддается описанію...

Нагая женщина, отмахиваясь отъ преслѣдователей тяжелымъ, обоюдоострымъ мечомъ, гонялась по залу за другої, полуобнаженной, убѣгавшей отъ нея въ паническомъ страхѣ и молившей о защитѣ..

— Проиграла закладъ! — Исполнить договоръ! — Обрить! Обрить! — ревѣли одни...

— Вздоръ! — Акробатскій фокусъ — не танецъ! — Ее выгнать на улицу! — отвѣчали имъ.

— Дайте оружіе англичанкѣ! — Пусть подерутся! — Пусть рѣшать поединкомъ! — кричали нейтральные.

При самомъ началѣ этой сцены баронъ досадливо передернулся плечами и, порывисто вставъ съ мѣста, направился къ выходу. Товарищи послѣдовали за нимъ.

— Ты что говоришь? — переспросилъ Симидзу, видя, что губы барона шевелятся, но ничего не слыша за шумомъ.

Всльдъ имъ несся грохотъ опрокидываемыхъ столовъ, звонъ стекла, испуганные (теперь уже неприворные) крики женщинъ... гремѣли выстрѣлы... слышались стоны раненыхъ и яростная восклицанія держущихся, уснащенные проклятиями на всѣхъ языкахъ свѣта.

— Я говорю: вотъ они—твои „цари воздуха“, которые избиваютъ другъ друга, чтобы имѣть право надругаться надъ одной изъ этихъ женщинъ, которыхъ ихъ же тѣшили!..

Вызванные администрацией отряды полицейскихъ уже спѣшили къ мѣсту побоища. Для нихъ это было дѣломъ обычнымъ. Рѣдкій вечеръ заканчивался безъ „происшествія“. Таковъ ужъ народъ эти авіаторы, швыряющіе золото пригоршнями и постоянно забывавшіе, что они въ Европѣ, а не въ Новой Гвинеѣ или Патагоніи, откуда только что прибыли.

— Кажется идетъ игра!? — оживленно крикнулъ одинъ изъ начальниковъ отрядовъ, едва не наткнувшись на тяжело шагавшаго голландца.

— А вотъ сунься, миленький! Тамъ тебѣ покажутъ!—сердито проворчалъ тотъ.

Нѣкоторое время пріятели, герои войны за „миръ всего міра“, славные сподвижники „Короля Нibelунговъ“, связанные тѣсными узами боевого братства,шли молча, направляясь къ горѣвшему огнями „воздушному порту“, гдѣ грузились ихъ корабли.

— Такъ ты... не съ нами? — спросилъ японецъ внезапно дрогнувшимъ голосомъ.

— Нѣть! — рѣшительно прозвучало во тьмѣ. — И даже хуже... можетъ быть — противъ васъ!.. Я съ

восторгомъ шелъ жертвовать собою, шелъ на войну за „миръ всего міра“... Мечта не осуществилась... Однаково ошиблись и Эдуардъ, взявшийся съ одного конца, и Вильгельмъ, взявшийся съ другого... Но то, что вы затѣяете теперь — это будетъ война всѣхъ противъ всѣхъ, это будетъ анархія... И ужъ если воевать окажется неизбѣжнымъ, то я, конечно, пойду войной противъ анархіи...

— Твое дѣло... Нѣтъ такой компаніи, которая бы не расходилась... Не поминай лихомъ...

— Прощай...

— Постойте, я тоже хочу сказать...—заговорилъ Ванъ-Дрюйеръ, какъ всегда, солидно и не торопясь.— Я не хочу сказать—„Прощай!“—Я навѣрно знаю, что когда все это будетъ, и ты увидишь... то ты придешь къ намъ и будешь тотъ самый, котораго ожидали...

Прежніе боевые товарищи, а въ будущемъ возможные враги, обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ и разстались.

II.

Пираты воздуха.—Конгрессъ въ Вѣнѣ.—„Universal Airkingdom's Regulation“.—Отзывъ „Короля Нибелунговъ“.

На воздушныхъ путяхъ сообщенія стали замѣтно „пошаливать“.

Чаще и чаще пропадали безъ вѣсти воздушные корабли съ цѣннымъ грузомъ.

Сначала это приписывали „полосѣ несчастья“; за-

гѣмъ пошли слухи о какихъ-то „пиратахъ воздуха“, которые, проявляя свирѣпость и неумолимость мавровъ XVI столѣтія, превосходили ихъ тѣмъ, что выступали во всеоружії техники XX вѣка.

Кромѣ того существенной разницей между ними и пиратами доброго старого времени являлось то обстоятельство, что корабли послѣднихъ плавали по водѣ и обладали ограниченнымъ райономъ дѣйствій, въ центрѣ котораго обычно находился ихъ портъ-убѣжище, а потому, когда подвиги этихъ вольныхъ рыцарей моря начинали становиться слишкомъ громкими, то спаряжались карательныя экспедиціи, безъ труда разыскивавшія и уничтожавшія разбойничье гнѣздо, послѣ чего, на время, наступало успокеніе. При нѣкоторыхъ, особенно дерзкихъ, нападеніяхъ—организовывалась погоня и, часто, небезуспѣшно.

Въ данныхъ условіяхъ эти прѣемы приходилось оставить, какъ недостигающіе цѣли.

Любая точка земного шара, отъ полюса до полюса, могла теперь сыграть роль порта-убѣжища, лишь бы тамъ были заранѣе устроены склады необходимыхъ припасовъ; о погонѣ, о выслѣживаніи—нечего было и думать, такъ какъ даже при ясномъ небѣ, съ наступлениемъ темноты, они становились невозможными, а при облачномъ небѣ, даже и среди блѣла дня, стояло лишь нырнуть въ тучи, чтобы замести всякой слѣдѣ.

Что касается сбыта награбленнаго, то какія подозрѣнія могъ возбудить корабль, имѣвшій въ полномъ порядкѣ всѣ документы (?), согласно которымъ (скажемъ для примѣра) грузъ былъ принятъ въ Гаванѣ и доставленъ въ Буэносъ-Айресъ, хотя бы въ дѣйстви-

тельности онъ былъ „благопріобрѣтенъ“ на перелетъ черезъ Тибетское плоскогорье?—Если даже дѣло оказалось изъ особенно громкихъ, о которомъ безпроводочный телеграфъ уже успѣлъ оповѣстить всѣ уголки міра,—и тогда большихъ затрудненій не было: слѣдовало только не слишкомъ дорожиться, а охотниковъ пріобрѣсти за дешевую цѣну грузъ, съ формальной стороны совершенно чистый, оказывалось сколько угодно.—Мало-по-малу, начала нарождаться и специальная (конечно, негласная) агентура для такого рода сдѣлокъ...

Если же такому, документально чистому кораблю, нужно было что-нибудь купить, пополнить какие-нибудь запасы (которыхъ не удалось получить упрощеннымъ способомъ), такъ ужъ тутъ, разумѣется, никакихъ затрудненій не оказывалось, особенно, если капитанъ не торговался.

Надо помнить, что право постройки и покупки воздушныхъ кораблей было объявлено свободнымъ, принадлежащимъ любому гражданину любого государства, и, при широкомъ развитіи товаро-обмѣна и быстротѣ перемѣщенія воздушныхъ кораблей изъ одного конца свѣта въ другой—точная регистрація ихъ все еще не могла наладиться, а, по мнѣнію многихъ специалистовъ, являлась и вовсе неосуществимой...

Всѣ воздушные корабли строились по одному типу, различаясь только размѣромъ и внутреннимъ устройствомъ. Стоило кораблю перекраситься въ другой цвѣтъ—и самъ его владѣлецъ, и даже человѣкъ, долго прослужившій на немъ, не были бы въ состояніи опознать его по внѣшнему виду.

Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, „воздушные пираты“ отнюдь не зарывали награбленныхъ сокровищъ въ какихъ-нибудь пустыняхъ и дикихъ мѣстахъ, но расходовали ихъ въ свое удовольствіе, смѣло прилетая въ самые людные, самые фешенебельные курорты, гдѣ, обычно, посѣтители смыкаются, какъ узоры въ калейдоскопѣ, и гдѣ рѣшительно нельзя сказать: кто въ самомъ дѣлѣ знатный путешественникъ, а кто— самозванецъ...

Словно вернувшись ко временамъ давно-прошедшемъ, суда коммерческаго флота начали вооружать артиллерией, снабжать запасами метательныхъ бомбъ, комплектовать ихъ экипажемъ изъ людей смѣлыхъ, рѣшительныхъ, хорошо оплачиваемыхъ, но зато всегда готовыхъ вступить въ отчаянный бой съ пиратами. Однако, такая мѣра послужила только къ выгодѣ послѣднихъ. Раньше хоть по вооруженію можно было уличить ихъ (конечно, захвативъ врасплохъ) теперь— и эта примѣта потеряла свое значеніе.

Ноговаривали даже, что многіе корабли пропадаютъ безъ вѣсти вовсе не потому, что ихъ захватываютъ пираты, а потому, что сами они дѣлаются пиратами.

Не вѣрили этому слуху растерявшіеся „солидные люди“, изъ поколѣнія въ поколѣніе жившіе благочестивой мыслью, что каждый ихъ служащій, согласно Св. Писанію, грѣхъ передъ ними (передъ хозяевами) почтаетъ грѣхомъ передъ Господомъ Богомъ и не захочетъ погубить души своей, лишиться богатства нетлѣннаго ради присвоенія себѣ малой части того земного богатства, которымъ они (хозяева) владѣютъ по милости Божией...

Однако же, довольно скоро и эта послѣдняя надежда—надежда на благочестіе воздухоплавателей—была разбита.

Въ одинъ прекрасный день представитель торгового дома „Вильсонъ, Диксонъ и Комп.“, съ нетерпѣніемъ ожидавшій прибытія изъ Ю. Америки цѣлой воздушной флотиліи съ весьма цѣннымъ грузомъ, получилъ такое письмо.

„М. Г.! Зрѣло обсудивъ всѣ доводы „за“ и „противъ“, мы пришли къ убѣжденію, что хозяиномъ воздушного корабля долженъ быть его экипажъ, ибо и въ Писаніи сказано—„Трудящійся да ясть!“—Откуда слѣдуетъ, что нетрудящійся, но „ядущій“, поѣдаетъ чужой хлѣбъ и совершаєтъ великій грѣхъ. Преисполненные къ вамъ глубокимъ расположениемъ, рѣшили мы снять съ вашей души это тяжелое бремя, предоставивъ вамъ, согласно великому завѣту, „въ потѣ лица своего добывать хлѣбъ свой“.

Дальше слѣдовали подписи четырехъ капитановъ и post-scriptum: „Ну-ка, полетай самъ, старый чортъ!“

Конечно, благоразумиѣ было-бы и самое письмо, въ которомъ его преступные авторы такъ грубо и неостроумно потѣшались надъ человѣкомъ, довѣрившимся ихъ чести, и въ особенности post-scriptum сохранить въ тайнѣ,—но глава фирмы былъ такъ взволнованъ, такъ возмущенъ этимъ фактомъ, что поступилъ какъ разъ обратно и огласилъ его. Въ результатѣ—вечеромъ того же дня письмо попало въ газеты; на завтра—телеграфъ разнесъ его по всему свѣту, а... вѣдь примѣръ заразителенъ...

Оставаться дольше въ выжидательномъ положеніи оказывалось невозможнымъ. Необходимо было принять рѣшительныя мѣры.

Для выработки этихъ мѣръ собрался международный конгрессъ, но на этотъ разъ въ составѣ дипломатовъ, имѣвшихъ надлежащія полномочія.

Императоры, короли и президенты не нашли удобнымъ прибыть самолично. Почему? Причинъ тому было много, по первой, покрывающей всѣ остальные, являлась высказанная императоромъ Вильгельмомъ, со свойственной ему солдатской прямотой и природнымъ юморомъ: „Я не перепелъ и не пойду подъ сѣтку! Вѣдь для нашихъ воздушныхъ анархистовъ это былъ бы богатѣйший случай накрыть настъ всѣхъ разомъ! А на дипломатовъ они покушаться не станутъ! — Дичь не стоитъ заряда!“

Пожалуй, что онъ былъ правъ, такъ какъ во-первыхъ — никакой попытки помѣшать работамъ конгресса сдѣлано не было, а во-вторыхъ...

Вирочемъ не будемъ забѣгать впередъ.

Какъ водится, первыя засѣданія конгресса были чисто дѣловыя: выборъ президіума, выясненіе программы работъ въ самыхъ общихъ чертахъ и выборъ комиссій, немедленно выдѣлившихъ изъ своей среды соотвѣтственные подкомиссіи.

Долго думали надъ кардинальнымъ вопросомъ: „Какъ опредѣлить то зло, съ которымъ нужно бороться?“

Думали обѣ этомъ еще много раньше, чѣмъ „слетѣться“ на конгрессъ, но ничего не придумали; думали „слетѣвшись“, — и опять бы ничего не вышло,

если бы не спасло застольное остроуміе одного русскаго дипломата. — Извѣстно, что съ древнѣйшихъ временъ дипломаты этой національности пріобрѣтали извѣстность, даже славу, своими „mots“.

Въ какомъ бы скверномъ положеніи они не оказывались — всегда умѣли отшутиться! А въ этомъ — секретъ успѣха.

Одного изъ нихъ совсѣмъ было загрызли послѣ русско-японской войны.

— Какъ вы допустили? Какъ вы позволили? Безумная авантюра! Зарвавшіеся флибустьеры! — говорили ему.

— Совсѣмъ нѣтъ. Вовсе не безумная авантюра, а дѣльное предпріятіе. Удавалось же англичанамъ!..

Но что вы хотите, если во главѣ дѣла оказался Безобразовъ? Ничего не могло выйти кромѣ „безобразія!“

— Epatant! Voilà un homme ^{съ профилью} d'esprit! — смеялись кругомъ.

— Но вы забываете, что для такихъ предпріятій у англичанъ были люди, стоявшіе на высотѣ положенія,—пробовали спорѣть нѣкоторые. — Например... хотя бы Сесиль Родсъ! почти геній!

— Если вы изволили сказать „почти“, то и у насъ былъ такой приготовленъ...

— Кто-же?

— Алексѣевъ Евгений!..

Возможно ли было состязаться съ человѣкомъ до такой степени находчивымъ?..

Но къ дѣлу.

Вопросъ, мучившій дипломатовъ, былъ разрѣшенъ совершенно неожиданно и удивительно просто (можно

сказать—по вдохновенію) за ужиномъ у Захера (конгрессъ имѣлъ мѣсто въ Вѣнѣ).

— Все-таки это странно... — задумчиво говорила очаровательная графиня Меттернихъ, происходившая по прямой линіи отъ знаменитаго предка, а потому считавшая своимъ священнымъ долгомъ интересоваться „высокой политикой“ и высказывать о ней свои компетентныя сужденія.—Вы до сихъ поръ не формулировали: — противъ чего, именно, необходимо принять мѣры!—*Au moins, c'est drôle!* (*По меньшей мере это смешно!*)

— C'est idiot! — рѣшительно заявила госпожа Тетгофъ, которую во вниманіе къ заслугамъ того, чье имя она носила, въ обществѣ называли „адмиральшей“.

Почтенный дипломатъ, сидѣвшій между ними, низко склонилъ свою лысину, словно безъ мѣры угнетенный такими нападками... а на самомъ дѣлѣ для того лишь, чтобы поймать то „mot“, основная идея котораго уже мелькнула въ его мозгу, уже поднималась откуда-то изъ глубины, но слабо, разрозненно, подобно пузырькамъ газа, поднимавшимся со дна его бокала...

Оркестръ игралъ вальсъ изъ „Веселой Вдовы“— „Тихо качайтесь, качели“... — А почему это такъ заманчиво, такъ много говоритъ сердцу?..—Да потому, что, какъ бы высоко ни взметывались на качеляхъ всѣ эти dessous, онѣ все же прикальпали къ землѣ, вернутся къ ней!..

И рѣшеніе было найдено.

— Mesdames!—проговорилъ старецъ, поднимая голову и окидывая не только сосѣдокъ, но и весь столъ, такимъ взглядомъ, по которому всѣ поняли, что готовится „событие“.—Я собирался сказать это завтра,

но, разъ вы настаиваете, скажу сегодня: — Мы призваны бороться противъ „безпочвенности“... Понимаете? — противъ „безпочвенности!“ — Люди не должны терять связи съ „ почвой“, на которой родились, на которой сдѣлали первые свои шаги! Какъ только человѣкъ поднимается въ воздухъ такъ wysoko, что его близкіе кажутся ему ничтожными букашками, города — муравейниками, вѣковые лѣса — лишайми, какъ только онъ начинаетъ чувствовать себя вѣдь предѣловъ досягаемости той благодѣтельной власти, которая обитаетъ на поверхности земли, которая, опираясь на спасительную силу и пользуясь ею для всеобщаго блага, караетъ и милуетъ по заслугамъ, — съ того момента онъ теряетъ связь съ „ почвой“, и отсюда — всѣ наши бѣдствія! — Тѣхъ, кто желаетъ пользоваться благами жизни на землѣ, надо вернуть на лоно ихъ прародительницы, а кто не желаетъ подчиниться — тотъ вѣнъ закона! — И мы сумѣемъ это сдѣлать! — Чего не сдѣлаетъ дружное единеніе всѣхъ правительствъ міра?!

Эта краткая рѣчъ, къ которой прислушивались даже и за сосѣдними столами, вызвала взрывъ восторга.

Все стало совершенно ясно.

Почему такъ? А вспомните, какъ въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія изъ долины Янцекіанга двинулась на міръ страшная эпидемія: тогда тоже всѣ заволновались, но — стоило докторамъ сказать, что это „инфлуэнца“ — и всѣ успокоились, хотя число смертныхъ случаевъ отнюдь не уменьшилось отъ присвоенія болѣзни новой клички взамѣнъ такой старой, такой надобившей — „гриппъ“...

Надо принять мѣры противъ безпочвенности!—
C'est le deracinement qui nous fait tant des embarras!—
C'est ça!—C'est ça!—слышалось кругомъ.

Только „адмиральша“ осталась при особомъ мнѣніи, заявивъ, что — „Il ne sauront jamais être si dupes!“— а по поводу восторговъ слушателей пожала плечами и добавила излюбленное — „C'est idiot!“

У всякой машины есть своя „мертвая точка“, и напрасно говорятъ, что у машинъ новѣйшей конструкціи ея не существуетъ вовсе. Это неправда, и утверждать это могутъ лишь тѣ мечтатели, которые и по сейчасъ вѣрятъ въ возможность изобрѣтенія „рерптиум mobile“. — Мертвая точка—это необходимая принадлежность всякаго механизма, то положеніе, когда всѣ силы, дѣйствующія на его составныя части, находятся въ равновѣсіи, взаимно парализуютъ другъ друга. Не будь возможности такого положенія, мы имѣли бы дѣло съ машиной, способной самое себя уничтожить, безгранично развивая разъ сообщенную ей энергию. Если наши машины не останавливаются на „мертвой точкѣ“, то лишь потому, что побочные, дополнительные механизмы (прообразъ которыхъ — маховое колесо) не позволяютъ имъ замереть на ней. И вѣдь въ большинствѣ случаевъ этотъ животворящій толчокъ является ничтожнымъ по своей абсолютной величинѣ.

Ноль—стопъ машина.

Безконечно-малая величина—ходъ (впередъ или назадъ, но все же движеніе)...

Такъ было и на конгрессѣ.

Мужи совѣта и разума, собравшіеся на конгрессъ, застыли на мертвѣй точкѣ и цѣлыми кипами нотъ и меморандумовъ старались прикрыть свое искреннѣе недоумѣніе: — съ чѣмъ, собственно, они призваны бороться? — когда крылатое слово, брошенное за ужиномъ у Захера, пустило машину въ ходъ.

Человѣчество, взвившееся къ небу, порвавшее священныя связи съ поверхностью земли, орошенной потомъ и кровью несмѣтнаго числа поколѣній предковъ, надо было вернуть на эту землю! внушить благомыслившимъ, что только здѣсь, подъ защитой законовъ, они могутъ быть счастливы! — безумцевъ же... истребить!

Все стало ясно.

Заработали подкомиссіи и комиссіи; высоко продуктивными оказались и пленарныя засѣданія конгресса...

Всевишній Уставъ всесущнаго Чартиста
Позволимъ себѣ лишь вкратцѣ изложитъ здѣсь то самое „Universal Airkingdom's Regulation“, о которомъ упомянуто въ заголовкѣ.

1) Въ огражденіе интересовъ благонамѣренныхъ гражданъ міра и для обузданія злонамѣренныхъ — правительства всѣхъ странъ обязывались возстановить боевые воздушные флоты и постоянныя арміи.

2) Въ интересахъ процвѣтанія товаро-обмѣна устанавливались особые пути слѣдованія коммерческихъ судовъ, патрулируемые боевыми флотами, а въ пунктахъ разгрузки и нагрузки обезпеченные подземными крѣпостями отъ всякаго покушенія со стороны пиратовъ, причемъ:

а) всякий добропорядочный торговый корабль обяза-

занъ былъ слѣдоватъ указаннымъ путемъ не выше 20 метровъ надъ горизонтомъ торгового тракта, а всякий, прибывающій съ высоты, почитался существомъ „внѣ закона“.

б) Городъ, община или селеніе, оказавшіе гостепріимство таковымъ (прибывшимъ не по тракту) почитались соучастниками оныхъ и подвергались либо полному уничтоженію, либо (если будутъ признаны смигчающія вину обстоятельства) соотвѣтственной экзекуціи.

3) Строительство воздушныхъ кораблей объявлялось правительственной монополіей, а владѣніе оными—правомъ лицъ и компаний, получившихъ на то законное разрѣшеніе.

Примѣчаніе: частныя верфи и заводы могли продолжать свое существованіе на тѣхъ же условіяхъ (приблизительно), какъ нѣкогда существовали въ Россіи частновладѣльческіе винокуренные заводы при введеніи винной монополії.

4) Расходы по содержанію надлежащей охраны и постройкѣ многочисленныхъ подземныхъ крѣпостей покрываются специально для сей цѣли взимаемыми пошлинами съ грузоотправителей и грузополучателей.

5) Въ виду возможности (изъ-за вздорожанія воздушного фрахта) возобновленія перевозки товаровъ по поверхности суши и моря, желѣзнодорожнымъ поездамъ и океанскимъ пароходамъ рекомендуется собираться въ караваны, кои (за опредѣлениое вознагражденіе) будутъ конвоироваться отрядами воздушного флота, ограждающими ихъ отъ всякихъ случайностей въ пути.

И т. д., и т. д.

Почтенные знатоки международного права, поймавъ руководящую идею, ухватившись за ниточку, конечно, не затруднились замотать ее въ такой клубокъ, разрубить который было бы по плечу развѣ Александру Македонскому.

Самъ профессоръ Мартенсъ, прочтя договоръ въ окончательной его редакціи, воскликнулъ: — „Нынѣ отпушаеши!.. Лучше мы ничего не напишемъ!..“

Но былъ человѣкъ, который не удовлетворился этимъ трактатомъ.

Это былъ „Король Нидерландовъ“, говорившій нѣ-когда, что идеть умирать за „право каждого быть са-мимъ собою“.

И когда имперскій канцлеръ докладывалъ ему о результатахъ работъ конгресса, онъ перебилъ его на самомъ интересномъ мѣстѣ не то гнѣвнымъ, не то скорбнымъ возгласомъ:

— Вздоръ!.. Не то!.. Такъ я и думалъ!..

— Осмѣлюсь доложить, — проговорилъ старый дипломатъ, почтительно склоняя голову, — что, вѣроятно, по моей винѣ, основная идея нового международного законодательства, тотъ исходный пунктъ, который былъ нами принятъ, остался неяснымъ для вашего величества. Не скрою, что всѣ эти параграфы и при-мѣчанія къ нимъ только затемняютъ дѣло, но вѣдь такъ нужно! — Безъ этой скрупулезной регламентациі невозможна никакое міровое соглашеніе! — Суть же настоящаго (для васъ) можетъ быть формулирована въ двухъ краткихъ положеніяхъ, которыми мы руково-

дились: — Primo — большинство и понынѣ обитаетъ на поверхности земли, дорожитъ благами жизни, готово принести всѣ жертвы для поддержанія порядка, выработанного тысячелѣтіями; большинство, особенно сплотившееся передъ лицомъ общей опасности, это — реальная сила, на которую мы всегда можемъ опереться. — Secundo — меньшинство, взвившись къ небу, потеряло связь съ почвой, исповѣдуетъ принципы анархіи, но, конечно, легко можетъ быть обуздано подавляющимъ, тѣсно-сплоченнымъ, большинствомъ. Кажется, я выразился достаточно ясно, но, разумѣется, былъ бы счастливъ освѣдомиться объ иномъ способѣ разрѣшенія дилеммы, буде таковое имѣется...

— Такъ... такъ... — перебилъ его собесѣдникъ. — Все — какъ по нотамъ... А помните ли вы то время, когда безъ различія званій, состояній и даже національностей собирались подъ моимъ знаменемъ первые „Нибелунги“? — Развѣ сила, организація, само „большинство“ не было противъ насть? Но мы — побѣдили!.. Стадо буйоловъ можетъ затоптать спящаго льва, но горе имъ, если онъ во-время проснется!.. Вы думаете въ сотняхъ миллионовъ пресмыкающихся найти надежную опору противъ сотенъ тысяч орловъ? — Напрасная надежда!..

— Но... ваше величество... что же вы сами предложили бы для борьбы съ надвигающимся бѣдствіемъ, если наше рѣшеніе вѣсть не удовлетворяетъ?..

— Ничего!.. И если бы долгъ чести не удерживалъ меня на моемъ посту, я... былъ бы съ ними!.. Возможно, что первое время успѣхъ будетъ на вашей сторонѣ, — продолжалъ онъ съ какимъ-то мрачнымъ

вдохновеніемъ,—возможно, что вамъ удастся подрѣзать имъ крылья... Но... вѣдь крылья отростаютъ!..

— Соединенія усилия и планомѣрная дѣятельность всѣхъ правительствъ міра... Что могутъ противопоставить имъ разрозненные разбойничіи шайки?..

— Ага! вотъ когда вы сказали настоящее слово— „разрозненный“!.. А если они объединятся?.. А если царство воздуха пойдетъ войною, настоящей войною, на царство земли?.. И если война будетъ на жизнь и смерть, то кто окажется побѣдителемъ—трусливое большинство, приникнувшее къ землѣ, или отважное меньшинство, поднявшееся надъ нею?..—Рабы всегда были въ большинствѣ, но никогда не господствовали!..

— Ваше величество... можно подумать...

— Думайте, что хотите, утѣшайтесь мыслью, что, Богъ дастъ, и они тоже „думаютъ“... Старайтесь не допустить ихъ объединенія... Это—главное... Можетъ быть, на вашъ вѣкъ и хватитъ этого раздумья и розни...

III.

Начало борьбы.—Baron von Deutschkopf.—Противъ анархіи.—„Прискорбный случай“.

По всему лицу земли закипѣла работа.

Странная работа!—Милліарды готовились оборо няться (!) отъ нападенія тысячъ.—Самая эта идея не была ли залогомъ пораженія первыхъ и торжества послѣднихъ?

Человѣчество, рванувшееся къ небу, устрашилось

своей дерзости и снова проникло къ землѣ... Воздушные корабли, которымъ, казалось бы, никакіе пути не были заказаны, шли опредѣленными трактами, такъ низко, такъ низко надъ землей, что вершины могучихъ дубовъ грозили имъ крушенiemъ, встрѣчали ихъ негодующимъ ропотомъ...

Да что дубы!..—Тощая, жесткая осока, и та глумилась надъ ними:—„Я, корнемъ моимъ тѣсно привязанная къ землѣ, тянусь вверхъ, истощая свои силы, рвусь къ небу, къ солнцу, къ свободѣ, дальше отъ моего болота, отъ его слизняковъ, жабъ, лягушекъ и даже мошкаръ, уже поднявшейся надъ нимъ...—А вы?..—рады были бы зарыться въ немъ!.. Жабы! Жабы!.. Прирожденная пресмыкающіяся!..“

Но не понимали люди ни говора могучихъ дубовъ, ни шелеста слабой травы... Негодующій голосъ природы не находилъ отзвука въ ихъ сердцѣ, полномъ только одной жажды—жажды наживы, жажды личнаго благополучія, руководящаго правиломъ—„урвать что можно, а тамъ—хоть потопъ!..“

И, казалось, правъ былъ вѣнценосный герой, родившійся не то на иѣсколько столѣтій позже, не то на иѣсколько столѣтій раньше, чѣмъ слѣдовало, скавшій:—„Тѣшьтесь!.. можетъ быть, на вашъ вѣкъ хватитъ!..“

При новыхъ условіяхъ „Пираты воздуха“ измѣнили свою тактику.

За отсутствиемъ дичи въ воздушномъ царствѣ они оказались вынужденными охотиться за ней на поверхности земли.

Конечно, не на „трактахъ“ (хотя и тутъ иной
Вл. Семеновъ. Цари воздуха.

разъ происходили жестокія битвы съ конвоирами), но главнымъ образомъ въ сторонѣ отъ нихъ, въ городахъ и селеніяхъ, не имѣющихъ охраны.

Являлся отрядъ и требовалъ контрибуціи, угрожая уничтоженіемъ.—Что было дѣлать?—Сопротивленіе, при отсутствіи боевого воздушнаго флота, было бы безуміемъ, самоубійствомъ („они“ никогда не задумывались привести свою угрозу въ исполненіе)...—Взыывать о помощи?—Но много ли надо было времени, чтобы смести съ лица земли тѣхъ, кто бы осмѣлился на такой поступокъ?—Въ большинствѣ случаевъ пластили безпрекословно...—А на полученные деньги всегда можно было, въ другомъ глухомъ мѣстѣ, получить все необходимое, подъ той же угрозой...

Тщетно пытались боевые флоты великихъ державъ разыскать и уничтожить самыя гнѣзда хищниковъ—земля оказывалась слишкомъ огромной, чтобы возможно было покрыть ее достаточно густой сѣтью агентовъ, а безъ этого для „пиратовъ воздуха“ оставалось довольно такихъ мѣстъ, где, хотя бы на время, они чувствовали себя вполнѣ спокойно.

По существу это была даже не война, а лишь попытка бойкота царей воздуха рабами земли...

Правило, гласившее, что „городъ, община или селеніе, оказавшіе гостепріимство (вообще вступившіе въ сношенія съ воздушными пиратами), считаются соучастниками оныхъ и подлежать уничтоженію“—примѣнялось съ неумолимой жестокостью.

Часто страдали невинные, но... ~~злѣсь~~ рубятъ—щепки летятъ...

Настоящее имя „барона“, съ которымъ читатели имѣли случай познакомиться въ Café Montretout, было Сергѣй Петровичъ Дьячковъ, и въ жилахъ его не текло ни капли нѣмецкой крови.

Будучи студентомъ послѣдняго курса рижскаго политехникума, онъ оказался однимъ изъ первыхъ иностранцевъ, откликнувшихся на гордый призывъ императора Вильгельма и вступившихъ въ ряды Нibelунговъ.

Блестящій умъ въ соединеніи съ физической силой и ловкостью, при желѣзной волѣ и врожденномъ дарѣ командованія, не могли остаться незамѣченными. Во время непродолжительной, но жестокой, войны за освобожденіе народовъ изъ-подъ ига „Царицы Mira“, имя его прогремѣло по всему свѣту, а къ моменту всеобщаго разоруженія онъ былъ начальникомъ цѣлой эскадры, любимымъ адмираломъ „Короля Нibelунговъ“, командовавшаго воздушными силами союзниковъ.

Что касается прозвища, то онъ вывезъ его изъ Риги, гдѣ однажды, въ горячемъ спорѣ, любимецъ молодежи, профессоръ Иванъ Дмитріевичъ Пантелеевъ, заявилъ, что у него вовсе не славянскій складъ ума и характера, что это „не Дьячковъ, а Дейтскопфъ, да еще и не простой, а изъ бароновъ!“—и закончилъ предположеніемъ, что Сергѣя Петровича какой-то хитрый чортъ въ дѣствѣ подмѣнилъ покойникомъ изъ склепа Митавскаго замка.—Товарищи много смыялись надъ такимъ выпадомъ, но не могли не признать мѣткости сравненія, и кличка оказалась плотно привѣшенной, а въ дальнѣйшей карьерѣ превратилась въ nom de bataille. (въ боевую книгу)

Не только современники, знаяше о немъ лишь по наслышкѣ, но даже и люди, хвалившіеся близкимъ знакомствомъ съ этимъ человѣкомъ, давали о немъ самые разнорѣчивые отзывы:—Выходецъ изъ могиль средневѣкового рыцарства.—Воинъ-гражданинъ далекаго будущаго.—Романтикъ, живущій сердцемъ.—Реалистъ, слуга холодного расчета.—Полагающій душу свою за единаго изъ малыхъ сихъ.—Способный, не моргнувъ глазомъ, быть свидѣтелемъ гибели всего человѣчества.—Воплощеніе страсти.—Идеалъ безчувственной машины...

Въ этихъ оцѣнкахъ не было „золотой средины“, но только крайности, которыя... *qui se touchent...*

Только настоящіе друзья, бывшіе боевые товарищи, знали кое-что подлинное, скрытое на днѣ его души, и вотъ почему, ни на мгновеніе не задумавшись, они раскрывали передъ нимъ свои планы, заранѣе увѣренные, что, если даже онъ будетъ не съ ними, а противъ нихъ, то ужъ во всякомъ случаѣ не продасть и не выдастъ!—И вотъ почему съ горечью, но безъ гнѣва и раздраженія, Симидзу сказалъ свое— „Не поминай лихомъ“—а Ванъ Дрюйеръ заявилъ— „Ты придешь къ намъ и будешь тотъ, котораго ожидали!“

Эти знали съ кѣмъ имѣютъ дѣло, знали, можетъ быть, лучше, чѣмъ самъ онъ, всегда хвалившійся строгой обоснованностью принимаемыхъ имъ решений...

Баронъ (будемъ называть его такъ) шагалъ изъ угла въ уголъ своего кабинета, и странныя мысли—

не мысли, а какие-то образы вставали передъ нимъ, плыли несвязной чередой.

Въ сумеркахъ особенно часто случается, что вдругъ картины прошлого такъ ярко, такъ отчетливо воскрепляютъ въ памяти... и не всѣ, а лишь тѣ, которыя важны и нужны...—Многое изъ того, что когда-то хотѣлось твердо, навсегда запомнить,—забывается, кажется вздоромъ, а вотъ какиे-то пустяки, внезапно вслывшіе изъ тьмы забвенія,—волнуютъ, тревожатъ... что-то подступаетъ къ горлу... что-то застилаетъ туманомъ глаза... но въ этомъ туманѣ только яснѣе видишь...

Безумный восторгъ гимназиста при чтеніи манифеста Эдуарда VII—„Миръ всего міра!“... Не будь онъ по природѣ „Дейтшкопфъ“, онъ тогда же сбѣжалъ бы волонтеромъ въ эти „священные дружины!..“—Обманъ!—Все оказалось обманомъ!..—Новый подъемъ духа—призывъ „Короля Нibelунговъ!“—Тутъ онъ не выдержалъ.—Онъ былъ уже совершенно лѣтнимъ и могъ располагать самимъ собою!..—Вспомнился старый профессоръ Пантелеевъ, въ семье котораго онъ былъ своимъ человѣкомъ, его слова:—„Что Эдуардъ? что Вильгельмъ?—силою вещей всѣ придуть къ одному концу—къ тому, чтобы сильная организація господствовала надъ слабой организаціей.—Куда лѣзете? на какой рожонъ, и чего ради?“—Но развѣ можно было, въ то время, слушать такія слова безъ гнѣва?..—И еще помнить онъ (такъ хорошо помнить) маленькую Вѣрочку, еще ненадѣвшую длиннаго платья, которая благословляла его на „великій подвигъ“ и плакала горькими слезами потому, что ни она, ни ея братъ,

Ѳедя, не могли слѣдовать за нимъ „на службу человѣчеству“ изъ-за себѧлюбивой маніи отца, этого „тирана“, не задумавшагося даже полицію предупредить о возможности съ ихъ стороны попытки къ бѣгству...

— Какъ глупо! — для самого себя неожиданно, вслухъ промолвилъ баронъ. — Тутъ — дѣло, а въ голову лѣзетъ какая то дрянь...

Но не было силъ отвязаться отъ этой „дряни“.

Онъ не могъ не вспомнить, не пережить вновь того волненія, съ которымъ, работая въ подземныхъ верфяхъ Вестфаліи, онъ получилъ (какимъ труднымъ, какимъ окольнымъ путемъ) маленький крестикъ, съ вырѣзанной на немъ надписью: — „Спаси и сохрани!“

— Да нѣтъ! не то! совсѣмъ не то! — сердито отмахивался онъ...

А неумолимая память нашептывала: — Какъ не то? Развѣ не помнишь, какъ въ бою надъ Глазгоу ты подносилъ руку къ этому крестику, одѣтому на шею, какъ ты шепталъ: — „Господи! Спаси и сохрани!“

— Было! Было! Но... — Отвяжись! — Прошло и забыто, основательно забыто!..

Не сумерки только такъ — (выражаясь грубо) „расстормошили“ этого человѣка, передъ непоколебимостью рѣшеній котораго преклонялись всѣ его окружавшіе... (Одни — съ ужасомъ, другіе — съ благоговѣніемъ, но преклонялись — всѣ).

Когда, согласно пунктамъ трактата „великаго конгресса“, возстановлены были военные (воздушные) флоты и постоянныя арміи (на поверхности земли) — „Баронъ“, вѣрный слову, былъ однимъ изъ первыхъ,

предложившихъ свои услуги для борьбы съ нарождающейся анархией.

Это была тяжелая служба, особенно тяжелая потому, что въ основѣ своей являлась оборонительной.

Инициатива нападенія всегда была въ рукахъ этихъ разбойничихъ шаекъ, неизвѣстно откуда появлявшихся и неизвѣстно куда исчезавшихъ.

Рѣдко, очень рѣдко, рѣшались пираты нападать открытой силой, а одно имя „Барона“ было почти всегда вѣрнымъ обезпеченіемъ каравана, который онъ конвоировалъ.

Было ли то слѣдствіемъ славы его непобѣдимости, или... просто прежніе боевые товарищи *не хотели* (по старой дружбѣ) встрѣчаться съ нимъ?..—Какъ знать?..

Самъ онъ не разъ задумывался надъ этимъ, да и теперь странная мысль опять пришла въ голову:—„А что, если найдется человѣкъ, который объединить ихъ? Вѣдь и сейчасъ, *de facto*, нападаютъ они...—Что, если они поймутъ все преимущество такой позиціи, сознательно перейдутъ въ наступленіе?..“

Но досадливое воображеніе отрывало его отъ обсужденія вопросовъ высокой важности, рисовало передъ нимъ картины прошлаго... уже недавняго.—„Это“ случилось всего нѣсколько дней тому назадъ.

Тайные агенты донесли правительству, что какая то деревушка въ горахъ Шварцвальда не только приняла у себя отрядъ пиратовъ, но даже снабдила ихъ огромными запасами живности и свѣжей провизіи, конечно, за щедрую плату, хотя для видимости было симулировано насилие. По счастью, простодушные

горцы плохо разучили свои роли и высокоопытнымъ чинамъ слѣдственной комиссіи не стоило никакого труда вывести ихъ на свѣжую воду.

Важнѣе всего было то, что уличенные, прижатые къ стѣнѣ, деревенскіе старики не только не проявили чистосердечнаго раскаянія въ содѣянномъ преступленіи, но даже позволили себѣ высказывать сужденія о справедливости или несправедливости дѣйствующихъ законовъ...

— Почему я не имѣю права продать моихъ запасовъ человѣку, который даетъ за нихъ хорошія деньги?

— Но эти люди—враги общества!

— Какіе же враги!—За все заплатили, никого пальцемъ не тронули, солидныхъ людей пивомъ угостили, а молодежи подарковъ надавали...—Нѣть!.. это вы—напрасно!.. „Общество“ очень ими довольно...

— Да не о вашемъ обществѣ рѣчь!—гнѣвно перебилъ старосту предсѣдатель слѣдственной комиссіи.—Они враги государства! Само правительство объявило ихъ виѣ закона, а вы являетесь ихъ соображеніками!

— Мы продаемъ—они покупаютъ...

— Не смѣете продавать! Вотъ если бы они перебили васъ и захватили ваше имущество силой...

— Помилуй Богъ! Лучше добромъ отдать...

— Не разговаривать! Скоро узнаете, что „лучше!“ Мятежники!..

Во вниманіе къ дикости обитателей (смягчающее вину обстоятельство) приказано было не вовсе смести деревушку съ лица земли, а лишь произвести нѣко-

торую „экзекуцію“ для искорененія вредныхъ идей, въ надеждѣ, что, почувствовавъ надъ собою карающую руку, деревенскіе философы сразу одумаются.

Баронъ не участвовалъ въ этой экспедиціи.—Онъ вообще уклонялся отъ порученій подобнаго рода, а начальство, высоко цѣни его способности, не навязывало ему ихъ.

Въ данномъ случаѣ его и не подумали беспокоить.—Полицейскій аэромобиль, бросившій въ деревушку нѣсколько бомбъ, оказался достаточной силой, чтобы къ начальству полетѣли самыя отчаянныя и смиренныя мольбы о пощадѣ... Зато, для большаго эффекта (а можетъ быть и тайного страха ради—вдругъ нагрянуть пираты), правительственный комиссаръ отправился вершить судъ и расправу, казнить и миловать, въ сопровожденіи цѣлой эскадры, предводительствующей самимъ „Барономъ“.

Какъ только они прибыли на мѣсто преступленія, онъ сразу же узналъ эту деревушку, сразу вспомнилъ...

— Да, да... конечно, здѣсь!..—и суровое лицо воина, закаленнаго въ бояхъ, озарилось мягкой улыбкой...

Онъ вспомнилъ...—Это было?.. кажется въ августѣ?..—Эскадра возвращалась послѣ долгаго труднаго крейсерства,увѣнчавшагося рѣдкимъ успѣхомъ—посчастливилось выслѣдить врага, найти одно изъ его прибѣжищъ (увы!—одно изъ многихъ...) и послѣ жаркаго бол—все уничтожить...

Имъ такъ приглянулась эта деревушка, прильпившаяся на склонъ горы...

— А что, если бы остановиться ненадолго, поразмять ноги, выпить деревенского пива да закусить сыромъ на самомъ мѣстѣ его производства?— предложилъ ему командиръ его флагманскаго корабля, тоже бывшій „Нибелунгъ“, кавказецъ Ибрагимъ-Магометъ Риза-Ханъ, больше известный подъ кличкой „Джигитъ“.

— Почему нѣтъ? Намъ не къ спѣху...

Затрещалъ аппаратъ безпроволочнаго телеграфа,— и не прошло получаса, какъ горная деревушка закипѣла жизнью.

Неожиданный пикникъ всѣмъ по душѣ пришелся. Съ дежурнаго корабля, парившаго высоко въ воздухѣ, и ежеминутно готоваго подать сигналъ о тревогѣ, чуть покажется что-либо подозрительное (здѣсь вѣдь не было подземныхъ батарей, охранявшихъ обычныя мѣста отдыха воздушнаго флота), не столько наблюдали за горизонтомъ, сколько глядѣли внизъ, на главную площадь, гдѣ, подъ звуки деревенскаго оркестра музыкантовъ-любителей, крутились пары, а въ тѣни деревьевъ все увеличивалось и увеличивалось число бѣлыхъ пятенъ—вновь и вновь появлявшіеся столики, накрытые чистыми скатертями, за которыми расположились люди солидные.

— А вдругъ мы—переодѣтые пираты!—шутіль „Баронъ“, принимая кружку пѣнистаго пива изъ рукъ хорошенькой Эльзы, дочери старшины, въ видѣ особыаго почета, лично услуживавшей знаменитому гостю.

— Ну такъ что же? Я бы не испугалась, если и пираты такие учтивые кавалеры!—отпариowała дѣвушка, кокетливо играя ножкой, обутой въ черный чулокъ и туфельку съ блестящей серебряной пряжкой.

(Изъ-подъ короткой красной юбки нога была видна почти до колѣна).

— А если мы васъ похитимъ?

Но въ отвѣтъ она такъ задорно, такъ лукаво смѣялась, какъ будто даже и похищеніе не казалось ей особенно страшнымъ...

— Да вѣдь не я похищу!—въ томъ же тонѣ продолжалъ „Баронъ“.—Я старый песъ, и вы меня, конечно, подъ башмакъ уберете! А вотъ онъ—страшный „Джигитъ“!—По ихъ закону у него ужъ есть четыре законные жены, а вы будете пятой, незаконной!

— Видалъ, какъ вретъ!—отозвался Джигитъ...

Но Эльза не потерялась.

— Пятая?—И отлично!—заявила она.—Значить всѣмъ четыремъ—разводъ, и я буду—первой...

— ...И единственной...—не сдержался кавказецъ, но тотчасъ же добавилъ:—Если будешь!..

Всѣ такъ смѣялись... И въ самомъ дѣлѣ было превесело...

Да .. да... все это онъ живо вспомнилъ, еще только спускался къ деревнѣ...

Они шли по безлюднымъ улицамъ, направляясь къ домику, носившему громкое название ратгауза.—Хотя бомбъ было брошено только „нѣсколько“, но, несмотря на всѣ старанія обывателей, безропотно покорившихся своей судьбѣ, изъ всѣхъ силъ старавшихся приготовить высокимъ гостямъ должный пріемъ,—всюду видны были слѣды разрушенія... Трупы конечно успѣли убрать, и даже лужи крови были присыпаны свѣжимъ

песочкомъ, но именно эти-то пятна и бросались въ глаза своей свѣжестью...

Внезапно „Баронъ“ чѣмъ-то заинтересовался, отдѣлился отъ торжественнаго шествія и свернулъ во дворъ полуразрушенаго дома... Предметъ, привлекшій его вниманіе—была нога въ очень высокомъ черномъ чулкѣ, обутая въ черную же туфельку съ серебряной пряжкой, торчавшая изъ обломковъ... Она казалась совсѣмъ живой, такой изящной, такъ задорно вытянувшей своей узенькой носокъ... Подойдя ближе, онъ понялъ:—это былъ обрывокъ человѣческаго тѣла, который не доглядѣли, не успѣли прибрать... Нога, несомнѣнно женская, оторванная выше колѣна... А черный чулокъ, который казался такимъ высокимъ, какихъ въ деревняхъ не носятъ, это была сплошная масса мухъ, жадно накинувшихся на добчу... Не сразу догадавшись, онъ наклонился, и въ лицо ему ударило отвратительнымъ трупнымъ запахомъ, а потревоженные мухи черной тучей, съ сердитымъ жужжаніемъ, закружились передъ глазами... Даже теперь... только вспомнивъ объ этомъ, онъ болѣзненно передернулъ плечами, словно ежась отъ холода, а тогда... онъ чуть не упалъ, услышавъ за спиной не то растерянный, не то недоумѣвающій возгласъ:—„Скажи пожалуйста!.. совсѣмъ ея нога!..“—Это говорилъ Джигитъ, неотступно слѣдовавшій за Барономъ въ тѣхъ случаяхъ, когда полагалъ, что любимому начальнику можетъ угрожать опасность.

И все оказалось сплошнымъ недоразумѣніемъ, вызваннымъ чрезмѣрнымъ усердіемъ агентовъ тайного

надзора.—Никакие пираты никогда не заглядывали въ деревушку.—Единственная воздушная эскадра, на-вѣстившая ее -- это была его собственная эскадра, подъ его личнымъ начальствомъ!..

— Прискорбный случай!..—вспомнилась ему фраза правительственноаго комиссара.

— Хорошъ „случай!“—говорилъ онъ самъ себѣ.

И этотъ человѣкъ, не исповѣдывавшій никакой религіи, но жадно всей душой, всѣмъ сердцемъ вѣровавшій въ Творца вселенной, Всевѣдущаго и Всеблагого, близкій къ отчаянію, взывалъ къ Нему:

— Вѣрую, Господи!—помоги моему невѣрію!.. Манифестъ Эдуарда, призывъ Вильгельма, наконецъ—эта борьба противъ надвигающейся анархіи—все по завѣту Твоему, все во имя блага страждущаго человѣчества!..—А въ результатѣ—никакого облегченія! Все новыя и новыя муки! Все хуже и хуже!.. Или Ты отступилъ отъ насъ? Или здѣсь, на землѣ, „Князь міра сего“ сильнѣе Тебя?.. Куда Ты ведешь насъ? Укажи намъ путь Твой, путь истины!.. Если мы—образъ Твой и подобіе Твое—нельзя же такъ глумиться надъ нами!.. Если же нѣть—ко мнѣ „Князь міра сего!“—Сдѣлаемъ счастливыми смертныхъ!—Не будемъ думать о безсмертії!..

IV.

Хорошо придумано!—Тотъ, котораго ждали.

Сумерки сгущались; въ кабинетѣ стало почти темно, а онъ все еще ходилъ порывистыми шагами

изъ угла въ уголъ, обуреваемый тяжелыми думами, чувствуя себя на порогѣ какого то рѣшенія, къ которому толкала его неумолимая сила вещей..

Рѣзко задребезжалъ звонокъ телефона.

— Я слушаю. Откуда говорятъ?

— Не узнаете по голосу? Еслиничѣмъ не заняты, заходите поскушать за рюмкой вина...

— Благодарю очень... Непремѣнно...

Все это были условныя фразы, означавшия:— „Министру необходимо васъ видѣть немедленно. Ждеть на дому“.

— Простите, адмиралъ, что васъ побеспокоилъ, и дослушайте до конца, раньше чѣмъ начать сердиться.— Вы вѣдь хорошо знаете, до какой степени положеніе натянуто, какъ мало увѣрности въ томъ, что въ любомъ задушевномъ разговорѣ за словами преданности не скрывается предательства... Мы живемъ въ такое странное время.— Будемъ надѣяться, что опо переходное, что вскорѣ же труды наши увѣнчаются успѣхомъ, и все измѣнится къ лучшему. Основная причина малоуспѣшности нашей борьбы со злонамѣренными элементами,—это невозможность захватить главарей движениія, которые, не рѣшаясь выступить открыто, искусно руководятъ имъ, хотя не изъ „подполья“ (какъ говорили раньше), а наоборотъ—изъ „поднебесья“...

И онъ засмѣялся, видимо, весьма довольный своей остротой.

Баронъ слушалъ молча, по опыту зная, что подавать реplики, пытаться остановить потокъ министер-

скаго краснорѣчія — значило бы только подливать масла въ огонь и дать поводъ къ новому ряду закрученныхъ фразъ.

Къ тому же онъ чувствовалъ себя такимъ усталымъ...

— Я подумалъ, что въ такомъ дѣлѣ единственныи человѣкъ, на которого можно положиться, это вы, если только вы лично за него возьметесь...

Баронъ, до сихъ поръ слушавшій краемъ уха, насторожился.

— Этотъ фонъ-Кранцъ, про котораго положительно затрудняешься сказать, какое высокое положеніе болѣе соотвѣтствуетъ его талантамъ (висѣлица или скамья министровъ?)—сътворилъ почти чудо...

— А именно?

— Онъ какъ то втерся въ ихъ компанію, помогъ имъ организоваться, убѣдилъ ихъ устроить „слетъ“ для выработки общей программы дѣйствій, и—въ результатѣ—мы можемъ прихлопнуть ихъ всѣхъ разомъ...

— Фонъ-Кранцъ? бывшій капитанъ „Бадена“?

— Онъ самый, никому другому это не могло бы удастся!

— Я почтительнѣйше попросилъ бы дать мнѣ краткую и точную инструкцію,—проговорилъ Баронъ.

— Ну, конечно, вы ее получите!—отозвался министръ, явно недовольный тѣмъ, что его прерываютъ.—Вы знаете заводъ и главный складъ „Universal Generator's Company“ близъ Познани?—Да?—Прекрасно. Такъ вотъ именно тамъ назначенъ слетъ предводителей шаекъ. Они прибываютъ въ строжайшемъ инкогнито. Совѣщанія происходятъ въ чердачномъ помѣщеніи зданія главныхъ систернъ, куда, изъ

опасенія взрыва по неосторожности, никто обычно не допускается. Планъ—выработать соглашеніе, возмутить экипажи воздушныхъ кораблей, прибывшихъ за грузомъ generator'а (а ихъ тамъ всегда множество), вывезти огромные запасы его въ какое-нибудь глухое мѣсто, и оттуда, какъ изъ базы, идти войной (настоящей войной!) противъ существующихъ правительства!.. Забылъ сказать, что боевое снабженіе почти обеспечено, а чего не хватитъ—надѣются добыть аналогичнымъ путемъ, открытой силой овладѣвъ слабо-защищеннымъ арсеналами...

— Чего же вы желаете собственно отъ меня?

— Ихъ уничтоженія...

— То-есть?..

— Нѣсколькими бомбами соотвѣтственной силы взорвать зданіе главныхъ системъ.—Остальныя—детонируютъ. Все, и сразу, будетъ кончено.

— Но вѣдь при этомъ взрывѣ на добрую милю кругомъ все живое будетъ уничтожено!

— Тѣмъ лучше, такъ какъ погибнутъ не только явные мятежники, но и тѣ, которые еще колеблятся, которые могли бы примкнуть къ нимъ... Это будетъ жестокій, но спасительный урокъ... Поймите, что терроръ только тогда достигаетъ цѣли, когда онъ дѣйствительно заслуживаетъ своего названія!

— Но рабочіе завода, ихъ жены, дѣти, окрестное населеніе?.. Развѣ они тоже виновны?

Министръ пожалъ плечами.

— Хотя бы заподозрѣны?..

— Уважаемый адмиралъ, я въ свою очередь обращусь къ вамъ съ вопросомъ:—Возможно ли захватить

(или просто истребить) всю милую компанию, пославъ для этой цѣли войска?—Вѣдь, нѣтъ?—Вѣдь, они выпорхнутъ изъ своего гнѣзда при первой тревогѣ, и нашимъ молодцамъ придется спѣть, какъ караби-нерамъ Оффенбаха—„*Nous arrivons toujours trop tard!*“ Я глубоко сочувствую вашему сентиментальному порыву, готовъ преклоняться передъ нимъ (тѣмъ болѣе, что не ожидалъ его отъ васъ), но... что жъ дѣлать? Не пустить же ихъ гулять по свѣту подъ страхомъ, что они не сегодня-завтра попытаются осуществить планы, подсказанные имъ Кранцемъ?..

— Такъ... такъ... И этотъ приговоръ—результатъ единоличнаго доноса г. фонъ-Кранца о заговорѣ, имъ же провоцированномъ?

Министръ поморщился.

— Ну... знаете... въ такихъ дѣлахъ... нельзя же требовать протоколовъ... И зачѣмъ это громкое слово „приговоръ“?—Просто, случился взрывъ... Вѣдь разсказывать, какъ и что, некому будетъ... Потому-то я и обратился къ вамъ лично...

— А Кранцъ?..—спросилъ Баронъ.

— Вы забыли, что онъ будетъ съ ними...—засмѣялся его собесѣдникъ,—такъ что и на его молчаніе можно положиться... Остаемся—вы да я... Впрочемъ мы попусту теряемъ время, а дѣйствовать придется (конечно, если вы принимаете на себя порученіе) сегодня же.

— Значитъ надо торопиться?

— Не слишкомъ, но все же. Согласно послѣднему донесенію Кранца, ждутъ только Вань-Дрюйера (а вѣдь это и есть самая крупная рыба!). Общее собраніе

назначено въ 2 ч. пополуночи сегодня (или завтра, если Вань-Дрюйеръ запоздаетъ); къ этому времени (а можетъ быть придется прождать и третью ночь) вамъ надо держаться поблизости. Когда на небольшомъ холмѣ, къ югу отъ главныхъ воротъ завода (вы помните мѣстность?) около 2 ч. ночи загорится красный огонь—это сигналъ—„всѣ въ сборѣ“.—Тогда дѣйствуйте.—Сигналъ будетъ поданъ Кранцемъ...

— Значить онъ, хоть и предатель, но сознательно жертвуетъ собой?

— Вотъ то же! Наоборотъ—онъ увѣренъ, что по его сигналу со всѣхъ сторонъ горизонта къ заводу ринутся воздушные корабли, переполненные десантомъ, произойдетъ свалка, а тѣмъ временемъ онъ, на спеціально за нимъ присланномъ аэромобилѣ, успѣетъ скрыться и остатокъ дней своихъ проведеть, наслаждаясь всѣми благами жизни, конечно, подальше отъ арены его подвиговъ и подъ чужимъ именемъ... Это былъ его планъ, а мой, не правда ли, нѣсколько проще?

— Безусловно!..

— Ну вотъ, мы и сговорились! Пусть меня обвиняютъ въ самохвальствѣ, но я сумѣлъ выбрать человѣка, которому можно довѣриться! Знаете ли, что говоря „вы да я“,—я ни на іоту не солгалъ? Даже императоръ, и тотъ не посвященъ въ тайну! Остается Кранцъ, но этотъ—ненадолго! Ха-ха-ха!.. И такъ?..

— Я отправляюсь немедленно на моемъ аэромобилѣ-одиночкѣ. Тайна обезпечена. Ждите извѣстій.

— А хорошо придумано?

— Такъ хорошо, особенно въ отношеніи Кранца,

что я боюсь, не будете ли вы сами слѣдить за моимъ аэромобилемъ, чтобы своевременно уничтожить послѣдняго свидѣтеля...

— Дорогой адмиралъ! Вы—сердцевѣдецъ! Вы подслушали мою самую сокровенную мечту! Но, увы!—она неосуществима!.. Если бы я сумѣлъ прослѣдить за вами и уничтожить васъ,—проще было бы самому выполнить ту задачу, которая теперь на васъ возложена!..

— Вотъ это убѣдительно!

Они обмѣнялись дружественнымъ рукопожатиемъ и разстались.

— Подозрителенъ!.. ой, ненадеженъ!..—самъ себѣ говориль одинъ, только что проводившій гостя.—Но, впрочемъ, пусть сдѣлаетъ свое дѣло, а тамъ—посмотримъ...

— Какой глубокій цинизмъ и какое искреннее убѣжденіе въ своей правотѣ!—думалъ другой, собираясь въ таинственную экспедицію.—А впрочемъ—посмотримъ...

Человѣкъ, осторожно прокрадывавшійся между чахлыхъ кустовъ ивняка, только что добрался до вершины пригорка, расположеннаго неподалеку отъ главныхъ воротъ завода, и, пріоткрывъ дверцу краснаго фонаря, робко обвелъ его лучомъ южную часть горизонта...

Тихій шелестъ вверху заставилъ его вздрогнуть и поднять голову. Какая-то черная тѣнь повисла невы-

соко надъ нимъ, и что-то мягко хлестнуло по землѣ, совсѣмъ близко, почти рядомъ... Конецъ веревочной лѣстницы!.. Онъ жадно уѣхпился за нее и замеръ отъ радости, забывъ, что надо дѣлать.

— Ну? Что тамъ? Ползи, чортъ? Не то брошу!— прозвучалъ сверху сдержанній голосъ.

Онъ опомнился, бросилъ фонарь на землю и началъ подыматься...

Аэромобиль, медленно кружась, взвивался выше и выше къ облачному небу.

— Фонъ-Кранцъ?—спросилъ воздухоплаватель.

— Баронъ! — восторженно отозвался подобранный. — Вы здѣсь? Вы руководите? — Тогда — игра выиграна!..

— Не болтай вздора.—Всѣ тамъ?

— Всѣ.

— Ванъ-Дрюйеръ?

— Тоже.

— Гдѣ именно?

— На чердакѣ надъ главными систернами...

— Самъ видѣлъ? Какъ могъ пройти?

— Пароль „Ванъ-Дрюйеръ“ открываетъ всѣ заставы...

— Хорошо!.. Покажи мѣсто, чтобы не ошибиться!..

Дважды, никѣмъ незримые, они пронеслись надъ угруюмымъ зданіемъ.

— Отлично. Теперь—знаю.

Аэромобиль стремительно ринулся кверху. Вотъ ужъ первая грида облаковъ...

— А гдѣ-же эскадра?—Торопитесь! Они могутъ

замѣтить мое отсутствіе, заподозрить опасность, скрыться...

— Постѣши же къ нимъ, чтобы ихъ успокоить!— прозвенѣло во тьмѣ...

— Баронъ!.. Что такое?.. Зачѣмъ?..— лепеталъ предатель, внезапно оказавшійся повисшимъ надъ бездной...

Только чьи-то желѣзныя руки поддерживали его за вывернутые локти...

— Пощадите!.. Вѣрнѣе слуги у васъ никогда не будетъ!.. Приказывайте!.. Я исполню!..

— Передай Ванъ-Дрюйеру, чтобы меня ждали! Ты прибудешь къ нимъ раньше меня!..

Руки разжались... Дикій вопль прорѣзалъ заоблачную тишину...

— ...Я совершенно чуждъ ложной скромности, но, какъ честный солдатъ, долженъ сказать вамъ, что вы ошиблись въ выборѣ!— Командовать кораблями, отрядами, даже эскадрами—берусь!—Сумѣю!— Но быть чѣмъ-то въ родѣ короля или президента—не могу, не сумѣю!..—Неужто нельзя найти достойнаго?— говорилъ Ванъ-Дрюйеръ.—Для такого дѣла нужна настоящая голова!—понимаете?—la tête, а не „ко-кось“!—закончилъ онъ, хлопнувъ себя по затылку широкой ладонью.

— Однако же добрый кокосъ легко прошибеть любую голову!—неожиданно раздался въ дверяхъ чей то незнакомый голосъ.

— Что?—Кто такой?—Откуда?—Измѣна!— Тревога!—послышалось кругомъ...

Хватались за оружие...

— Стойте! Стойте! — заревъль Ванъ-Дрюйеръ, восторженно вскинувъ къ потолку свои могучія руки.— Стойте и радуйтесь! Онъ пришелъ! Пришелъ тотъ, котораго мы ждали!

— Баронъ съ нами! Банзай! Банзай! — крикнулъ Симидзу, спрыгивая съ эстрады и бросаясь навстрѣчу къ новоприбывшему...

— Ну, да! Я—съ вами! — заявилъ баронъ. — Но тише! — Нѣтъ времени для лишнихъ словъ! Къ дѣлу, какъ было намѣчено! Сейчасъ же, не теряя ни минуты! Симидзу! — снять всѣ окрестныя телеграфныя и телефонныя станціи! Ванъ-Дрюйеръ! — готовь боевую эскадру! Остальные! — по кораблямъ своимъ и чужимъ—грузитесь на-спѣхъ! Несогласныхъ — не надо! Въ плѣнъ — не братъ! Живой души не выпускать изъ района завода!

Вспыхнули электрическіе огни. — Закипѣла работа...

Пришелъ тотъ, котораго ждали!..

V.

Паденіе великихъ царствъ. — Великій „перелетъ“ народовъ. — Старый профессоръ. — Отецъ и дочь.

Разрозненные шайки пиратовъ, объединенныхъ могучей волей и принявшихъ гордый титулъ „Царей Воздуха“, — перешли въ открытое наступленіе.

Силы ихъ, конечно, были значительно слабѣе мобилизованныхъ военныхъ флотовъ государствъ всего міра, на борьбу съ которыми они рѣшились, но зато на сторонѣ ихъ оказывалось неизмѣримое преимущество—иниціатива дѣйствій всецѣло принадлежала имъ.

Да не посѣтуютъ читатели, если на нѣсколько минутъ ихъ вниманіе будетъ отвлечено разсмотрѣніемъ этого специально-военного вопроса.

Правительственные флоты и арміи были, по самой природѣ своей, прикованы къ поверхности земли, такъ какъ цѣнности, которыхъ они охраняли отъ хищниковъ, находились либо подъ ней, либо на ней, либо очень невысоко надъ ней. Передвиженія этихъ силъ, сосредоточеніе ихъ на томъ или иномъ пути, въ томъ или иномъ пункѣ—не могло быть сохраняено въ тайнѣ, такъ какъ, благодаря широкому примѣненію безпроволочного телеграфа, не было ничего легче, какъ сообщить необходимыя свѣдѣнія депешей на условномъ языке.

Въ то же время—гдѣ и когда въ своихъ тайныхъ убѣжищахъ сосредоточивались силы „Царей Воздуха“? На какой пунктъ земной поверхности направляли они, въ данный моментъ, свой ударъ? Какое число ихъ воздушныхъ кораблей должно было принять участіе въ экспедиції? Отчаянная атака въ одномъ мѣстѣ не являлась ли демонстраціей для оттяжки силъ отъ того пункта, которому этотъ рѣшительный ударъ готовился? Вотъ вопросы, на которые за рѣдкими (очень и очень рѣдкими) исключеніями вожди правительственныхъ отрядовъ не могли имѣть не только отвѣта, но даже хотя бы сколько-нибудь обоснованной догадки.

Поставить каждую пядь суши подъ надзоръ агентовъ?—Но вѣдь это значило бы все человѣчество завербовать въ полицейскую службу! Да и того не хватило бы!.. Закрыть пути сообщенія въ воздушномъ океанѣ, окружающемъ землю?—Несбыточная мечта!..

Неумолимой силою вещей правительственные флоты и арміи обрекались оборонительному способу дѣйствій, а этотъ способъ, примѣнимый въ крѣпостяхъ, въ отдельныхъ укрѣпленныхъ пунктахъ, оказывался совершенно непригоднымъ для обеспеченія безопасности гигантскихъ территорій современныхъ государствъ... Всѣ чудеса военной техники были направлены къ разрешенію основной задачи:—„въ любомъ пункѣ имѣть возможность успѣшно сопротивляться врагу, пока не подоспѣютъ подкрѣпленія“. Но задача эта оказывалась неразрѣшимой, такъ какъ: во-первыхъ, не было известно, какой именно пунктъ находится подъ угрозой, а во-вторыхъ, никто не зналъ, какими силами онъ будетъ атакованъ.

Часто случалось, что могучая эскадра, сосредоточившаяся въ районѣ подземной крѣпости, готовая по первой тревогѣ ринуться на врага, присутствіе кото-раго подозрѣвалось по близости,—среди глубокой ночи получала по безпроволочному телеграфу ироническое извѣщеніе:—„Спите спокойно. Мы уже кончили и не скоро сюда заглянемъ.—Пока оципанные вновь ее обрастутъ пухомъ.—Недалеко—3—4 часа пути.—Справьтесь для донесенія по начальству“.

Это подшучивали „Цари Воздуха“, возвращаясь послѣ удачнаго налета, незримые въ безднѣ ночного неба...

Бандиты не лишены были остроумія!..

Безспорно, что съ военной точки зрењія система разбррасыванія силъ — наихудшая система, а потому, лишенная возможности охранять всю территорію государства, вооруженные силы правительства, вполнѣ естественно, начали стягиваться къ главнѣйшимъ пунктамъ страны, чтобы хотя ихъ обеспечить отъ разгрома, тѣмъ болѣе, что „Цари Воздуха“, перейдя въ наступленіе, весьма охотно атаковывали слабо-вооруженные позиціи и въ этихъ случаяхъ, видимо, гнались не столько за добычей, сколько за моральнымъ успѣхомъ—нанести пораженіе „жандармеріи тирановъ“.

Между тѣмъ налогъ на содержаніе „государственной охраны частной собственности“ взыскивался со всѣхъ гражданъ, пропорціонально ихъ личному имуществу, не принимая во вниманіе, гдѣ это имущество находится—въ столицѣ, въ захолустье, въ деревнѣ... Равнымъ образомъ и сборы съ грузоотправителей и грузополучателей, взыскиваемые на мѣстахъ, поступали въ государственное казначейство на организацію обще-государственной охраны, а не на охрану данной мѣстности.

Провинціальные жители стали роптать.

Какой-нибудь хуторянинъ, съ котораго любой, случайно заглянувшій къ нему аэромобиль царей воздуха могъ взять, шутки ради, любую контрибуцію, съ полнымъ основаніемъ заявлялъ, что платить за безопасность „господъ“ онъ не согласенъ! Что, если берутъ деньги—пусть даютъ дѣйствительную охрану всякому, кто исправно вноситъ налоги!

Обуздать чернь и разныхъ „мелкопомѣстныхъ“, конечно, было бы не трудно, но протестъ ихъ былъ энергично поддержанъ и крупными помѣщиками, и богатыми общинами, и даже городами, которые считали себя обездоленными въ пользу привилегированныхъ мѣстностей...

Всколыхнулись массы самаго благонамѣреннаго, самаго консервативнаго элемента — людей средняго достатка, этой надежнѣйшей опоры всякаго правительства...

Вопросъ ставился ребромъ, и правительствамъ пришлось покориться. Принципъ общегосударственной организаціи охраны былъ отвергнутъ. Восторжествоваль (пока только въ этомъ отношеніи) принципъ полной децентрализаціи. Города, обшины, группы частныхъ собственниковъ и даже отдѣльные лица получили самое широкое право самообложенія и расходованія получаемыхъ средствъ на самооборону.

Не трудно догадаться къ чему это повело.

Богатый городъ, имѣвшій собственную воздушную эскадру, собственную милицію (а иногда и постоянное войско), ополсавшійся собственными подземными батареями, содержа все это на свой счетъ изъ доходовъ отъ собственной промышленности и торговли,—если и терпѣль присутствіе правительеннаго чиновника (градоначальника или губернатора), назначаемаго центральнымъ правительствомъ, то единственно... по традиції, чтобы не ссориться съ метрополіей, отъ которой онъ почти ничего не получалъ (кромѣ указовъ и циркуляровъ) и которой почти ничего не давалъ.

Городъ меньшаго значенія, въ той же мѣрѣ, осво-

бодился отъ вліянія своего крупнаго сосѣда, а въ захолустъяхъ — просто силою вещей населеніе раздѣлилось на рабочихъ, просившихъ охраны, и на воиновъ, взявшихъ на себя обязанность такой охраны, съ условіемъ, чтобы первые работали за нихъ. Надо ли говорить, что вскорѣ же это равенство въ обмѣнѣ труда нарушилось? Люди огня и желѣза цѣнили свою кровь дороже трудового пота, и требовали, чтобы оберегаемые работали не только „за нихъ“, т.-е. выполняли бы ихъ долю труда, но „для нихъ“, т.-е. своимъ трудомъ давали бы имъ больше, нежели сами они могли бы заработать.

Въ общемъ, этотъ періодъ жизни человѣчества очень напоминалъ собою такъ называемую эпоху господства феодализма, но только теперь, благодаря безприволочному телеграфу и телефону, фантастической быстротѣ перемѣщенія изъ одного конца свѣта въ другой, чудесамъ техники въ дѣлѣ созиданія и разрушенія — въ рукахъ современныхъ феодаловъ были такія средства, о которыхъ и не снилось ихъ далекимъ предкамъ, которые, одѣвши латы и шлемъ, вооружившись мечомъ и копьемъ и сѣвъ на боевого коня, пускались странствовать по бѣлу свѣту въ поискахъ славы и богатства.

Если въ средніе вѣка разные бароны, фюрсты, вольные города и проч., и проч., и проч... воевали между собою, заключали договоры и нарушали ихъ, вовсе не заботясь о томъ, что скажетъ по этому поводу ихъ сюзеренъ, съ которымъ они связаны только... рыцарскимъ словомъ, а по существу всегда могутъ посадить его на мель, не явившись, въ критической

моментъ, подъ его знамена „людны, конны и оружны“, — если такими свободными чувствовали себя люди, ограниченные въ скорости передвиженія ходомъ коня, а въ дальности личныхъ переговоровъ — силой человѣческаго голоса, — то при современномъ укладѣ жизни это врожденное чувство независимости, неминуемо, должно было проявиться еще ярче.

Вѣдь какой-нибудь Лайбахъ (Крайна, Австро-Венгрия) могъ такъ легко и совершенно самостоятельно договориться о своихъ дѣлахъ съ Бана-Бланка (Аргентина), вовсе не прибѣгая къ посредству патентованыхъ дипломатовъ, засѣдавшихъ въ Вѣнѣ и въ Буэносъ-Айресѣ!..

Нельзя не признать, что если главы государствъ, *de facto*, превратились въ сузереновъ, у которыхъ было больше почета передъ ихъ могучими вассалами, нежели дѣйствительной власти надъ ними, то, такъ называемые, дипломаты сошли на роль... людей, посвятившихъ себя изученію благородной науки — геральдики...

Въ ней, въ этой „благородной наукѣ“ только и продолжали еще существовать величія царства. На дѣлѣ, въ жизни, они сами собой упразднились...

Миръ возвратился къ древнему, полузабытому строю — весь разбрілся на крошечныя республики и монархіи, среди которыхъ Санть-Марино и Монако, явившіяся мишенью для остротъ праздныхъ болтуновъ конца XIX вѣка, вовсе не третировались какъ „*qualit es negligeables*“ (*недостойные величина*)

— А что же дѣлали въ это время пресловутые „Цари Воздуха“? — спросятъ читатели. — Или, закончивъ возложенную на нихъ миссію, они слились съ массой?

Отчасти да, отчасти нѣтъ.

Многіе изъ нихъ вошли въ ряды наемныхъ войскъ, служа по контракту и честно его исполняя, какъ средневѣковые ландскнехты, рейтеры и т. п...

Инымъ же такъ полюбилась ихъ жизнь „внѣ закона“ (въ родѣ сѣчевиковъ-запорожцевъ), что они по-жалѣли разстаться съ ней, сохранили свои боевые братства и жили „вольными людьми“, сорганизовавшись въ какія-то военные республики.

По поводу оборудованія ихъ тайныхъ резиденцій ходило по свѣту не мало легендъ. Рассказывали, что въ своихъ набѣгахъ они захватываютъ не только богатства, но и живыхъ людей, обращаемыхъ въ рабство, что гдѣ-то въ ущельяхъ недоступныхъ горъ, на островахъ, затерянныхъ въ океанѣ, чуть-ли не въ окрестностяхъ полюсовъ земли, воздвигнуты дворцы, своимъ великолѣпіемъ превосходящіе сады Семирамиды, гдѣ собрано все, что можетъ дать міръ для иѣги и наслажденія, гдѣ происходятъ оргіи, передъ которыми поблѣднѣли бы безумства пировъ Валтасара!..

Конечно, тутъ было много преувеличенія, но много и правды...

Третью, и наиболѣе многочисленную, категорію представляли собою „Цари Воздуха“, осѣвшіе на землю, подѣлившіе поверхность ея между собою, являясь въ качествѣ вѣрныхъ защитниковъ мирнаго, трудящагося населенія при условіи признанія ихъ господства.

Произошло иѣчто подобное « тому, что иѣкогда

уже было, въ эпоху „великаго переселенія народовъ“, когда немногочисленные, но могучіе завоеватели, истребивъ обветшалую, изнѣжившуюся и развращенную туземную аристократію, занимали ея мѣсто, и, слившись съ массой кореннаго населенія, образовывали множество мелкихъ, но почти самостоятельныхъ владѣній, которая въ дальнѣйшемъ теченіи сплачивались въ государства. Такъ саксы поступили съ англами; такъ норманы подѣлили между собой англо-саксовъ, а варяги заложили основы Россіи.

Мы сказали „нѣчто подобное“ потому, что въ данномъ случаѣ нельзя было говорить о „тождественности“ явлений. Они слишкомъ рѣзко разнились по масштабу. Тогда это было „переселеніе“, а теперь—„перелетъ“. Норманы завоевали Англію, но не имѣли физической возможности высадиться... хотя бы въ Японіи!.. и варяги не появились бы въ Новгородѣ, если бы родиной ихъ была Мексика... Теперь же дружина удалцовъ, составленная изъ уроженцевъ Канады, свободно могла искать себѣ „вотчину“ въ Южной Африкѣ, а удалымъ ярославцамъ не заказанъ былъ путь въ Парагвай или Патагонію.

Въ первый моментъ разложенія великихъ царствъ на составные элементы, вполнѣ естественно, еще дѣйствовали, какъ бы по инерціи, традиціи, вѣками впитавшейся въ плоть и кровь человѣчества. Исчезли границы географическія,—создались границы этнографическія... Но и эти держались недолго. — Безпрерывно эволюціонируя, онѣ измѣнялись изъ расовыхъ въ национальныя, изъ национальныхъ — въ племенные, изъ племенныхъ — въ общиныя, изъ общиныя — въ ро-

довыя... — Но какъ было разобраться въ этихъ послѣднихъ? — Бразилецъ, осѣвшій въ Кантонѣ и женившійся на китаянкѣ, развѣ не являлся полноправнымъ членомъ семейства, принявшаго его въ свою среду? — Нѣкогда сабинянки предотвратили кровопролитіе, грудью заслонивъ своихъ похитителей отъ сородичей, явившихся для мести, но развѣ не могли выполнить ту же роль француженки и англичанки, ставшія индусскими и перуанками? — Такіе случаи, несомнѣнно, были.

Еще два слова о тѣхъ „Царяхъ Воздуха“, которые остались „незамиренными“.

Свѣдѣнія объ ихъ образѣ жизни и даже о самомъ мѣстѣ ихъ пребыванія были, какъ уже сказано, весьма смутны. Несомнѣннымъ являлось лишь то, что ядро организаціи, присвоившей себѣ эту гордую кличку, продолжало существовать и не только не имѣло ничего общаго съ отдѣлившимися отъ него отрядами флибустьеровъ, но даже нерѣдко выступало противъ нихъ, неизмѣнно слѣдя своей первоначальной программѣ.

Въ то время какъ флибустьеры то нанимались на службу (совершенно не считаясь съ тѣмъ, кому служатъ сегодня и кому будутъ служить завтра, т.-е. по окончанію контракта), то предпринимали военные экспедиціи на собственный рискъ и страхъ (попросту — жили разбоемъ), то, наскучивъ бродяжничествомъ, приобрѣтали осѣдлость въ роли завоевателей какой-нибудь общини или города, — настоящіе „Цари Воздуха“ оставались вѣрными себѣ, ведя постоянную войну со всякой попыткой централизаціи.

Самая невѣроятная исторія разсказывались про

ихъ предводителя, про его непобѣдимость, неуязвимость, способность парализовать врага однимъ взглядомъ... Говорили, что онъ заключилъ договоръ съ дьяволомъ и далъ страшную клятву за себя и за товарищѣй—не слагать оружія, пока каждый человѣкъ не сдѣлается королемъ въ своемъ собственномъ домѣ, пока изъ всѣхъ видовъ подчиненія не останется только одно—сознательное и добровольное.—Онъ считалъ себя призваннымъ обуздывать всякое насилие.—Весь міръ (передача извѣстій была такъ легка, благодаря беспроволочному телеграфу и телефону) помнилъ его суровый отвѣтъ на жалобу какого-то разгромленного города: — „Только грабителей я граблю, разорителей разорю, истребителей истребляю и рабовладѣльцевъ дѣлаю рабами!“

Кто былъ этотъ странный человѣкъ, обладавшій такою властью?—никто не зналъ достовѣрно. Кличекъ у него было много; его звали—„Неукротимымъ“, „Неумолимымъ“, „Мстителемъ“, „Заступникомъ“, „Царемъ царей“, „Гнѣвомъ Божіимъ“.—Какъ его призывали?—тоже оставалось загадкой, но только онъ никогда не опаздывалъ явиться на призывъ въ должную минуту...

Суевѣрные люди утверждали, что, въ виду его связи съ дьяволомъ, достаточно было хоть мысленно произнести опредѣленное заклятие, чтобы онъ услышалъ...

Всякому владѣнію, самостоятельности котораго угрожало возрастающее могущество сосѣда, онъ неизмѣнно приходилъ на помощь, но истиннымъ праздникомъ для него были тѣ случаи, когда его звали для содѣйствія образованію новой вольной общины или города, рѣшившихся выйти изъ подчиненія своей метрополіи...

Въ самомъ началѣ „эпохи паденія великихъ царствъ“, Рига, увлеченная общимъ движениемъ, объявила себя вольнымъ городомъ, но—увы! — такое выступленіе оказалось преждевременнымъ. Прибалтійскій союзъ еще имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточныхъ силы, и предпріятіе закончилось жестокимъ (какъ тогда было принято) разгромомъ... Въ тѣ времена побѣда отмѣчалась полнымъ истребленіемъ побѣжденныхъ, какъ во времена библейскія... Та же участъ ждала и обитателей Риги, предводители которыхъ, въ своемъ самомнѣніи, даже и не подумали обезпечить себя могущественной поддержкой „Царей Воздуха“.

„Непобѣдимый“ узналъ о неудачѣ смѣлаго выступленія изъ третьихъ рукъ, находясь гдѣ-то въ Южной Америкѣ, слишкомъ поздно, чтобы предотвратить разгромъ, но своевременно для того, чтобы обуздать торжествующихъ побѣдителей. „Неукротимый“ явился запоздалымъ „Заступникомъ“, прикрывъ щитомъ своимъ лишь кое-что уцѣлѣвшее, но, главнымъ образомъ, выступилъ въ роли „Мстителя“... Свирѣпа была месть, но не вернула жизни погибшимъ...

Тяжкую потерю понесъ въ этой борьбѣ заслуженный профессоръ рижского политехникума, Иванъ Дмитріевичъ Пантелеевъ. Среди истребленныхъ милиционеровъ „вольнаго города Риги“ были и его сынъ, Федоръ, и мужъ его дочери, Вѣры, свадьбу которой праздновали всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Отецъ и дочь, глубоко потрясенные катастрофой, рѣшили покинуть родной городъ и переселиться въ небольшое имѣніе (на Волгѣ, между Сызранью и Батраками), давно уже доставшееся имъ по наследству

отъ какой-то не то двоюродной тетки, не то троюродной сестры, о существованіи которой при жизни ея они даже не подозрѣвали.

Въ самомъ дѣлѣ—что, кромѣ тягостныхъ воспоминаній, могла дать имъ Рига, лежавшая въ развалинахъ?—Когда еще, въ какой срокъ возстанетъ вновь изъ обломковъ родной политехникумъ?—Да и понадобится ли въ немъ старый профессоръ?..

А ей—что могъ дать этотъ городъ, если бы даже онъ и возродился, какъ фениксъ, изъ пепла?..—Вѣдь это былъ бы новый городъ, а ея мужъ и братъ погибли въ рядахъ защитниковъ свободы стараго...

Они уѣхали спѣшно, почти бѣжали, не успѣвъ даже принять участія въ тріумфѣ „Царя царей“, ураганомъ смерти прошедшаго по владѣніямъ насильниковъ и, на развалинахъ городской ратуши Риги, провозгласившаго:—„Пусть знаютъ, что кто противъ Риги, тотъ противъ меня!.. Да воскреснетъ!..“

Шли годы. Иванъ Дмитріевичъ, отрекшись отъ профессуры, забившись въ глушь, предполагалъ первоначально строго слѣдовать примѣру Цинцината, но—привычка вторая натура—не долго выдержаль. Мало-по-малу кой-какіе приборы, взятые съ собою „на память о прошломъ“, разрослись въ лабораторію, при которой, вполнѣ естественно, возникла и маленькая механическая мастерская, такъ какъ „не посыпать же было въ городъ за всяkimъ пустякомъ“, который можно было бы исполнить въ нѣсколько минутъ самому, будь только подъ руками самыя примитивныя приспособленія.

Въ своемъ отступничествѣ отъ принятаго сгоряча рѣшенія — что „блестящій прогрессъ прикладныхъ наукъ только увеличиваетъ страданія человѣчества“ — онъ оправдывался такимъ разсужденіемъ: — „Всегда найдется (и много найдется) ученыхъ, готовыхъ посвятить себя разработкѣ и усовершенствованію средствъ и способовъ взаимоуничтоженія, такъ какъ именно въ этомъ направлениі существуетъ наибольшій спросъ, вызывающій усиленное предложеніе хорошо оплачиваемаго труда. — Въ правѣ ли я бороться съ ними „недѣланіемъ“, самоустраниемъ? — Не лучше ли, признавъ воздушную войну, какъ существующій фактъ, не отворачиваться отъ нея съ безплоднымъ, бездѣятельнымъ негодованіемъ, но приложить всѣ силы къ смягченію ея ужасовъ? Вѣдь каждая спасенная жизнь, это все-же — нечто“...

И съ юношескимъ увлеченіемъ онъ принялся за работу. Его трудами сложные приборы управлениія воздушнымъ кораблемъ, требовавшие первоначально значительного штата опытныхъ воздухоплавателей и самаго напряженного вниманія при обращеніи съ ними, были, если можно такъ выразиться, автоматизированы. Нагрузка и разгрузка производилась рабочими, проживавшими на поверхности земли въ пунктахъ отбытия и прибытия, въ пути же — экипажъ самаго большого транспорта не превышалъ пяти человѣкъ. Наконецъ, наступилъ день, когда имя его прогремѣло по всему свѣту, и даже свирѣпые флибустьеры объявили, что отнынѣ не только самъ онъ, но и жилище его, объявляются неприкосновенными, при чемъ (согласно обычая тѣхъ суровыхъ временъ) пояснялось, что всякий,

„помявшій траву, ему принадлежащую, будетъ разметанъ такъ, что и на Страшномъ Судѣ не соберетъ костей своихъ!“

Триумфъ этотъ являлся вполнѣ заслуженнымъ.

Дѣло въ томъ, что „generator“, совершившій міровой переворотъ, былъ веществомъ крайне опаснымъ въ обращеніи. Не только снарядъ, попавшій въ его хранилища, не только ударъ отъ столкновенія двухъ воздушныхъ кораблей, но даже слишкомъ стремительный спускъ на землю (вслѣдствіе поврежденія или просто по неопытности) вызывали всесокрушающей взрывъ. Легко представить себѣ тѣ катастрофы, то несчетное число жертвъ, которыхъ создавались этимъ его свойствомъ! „Огонь жизни“, какъ его называли, былъ въ то же время и „огнемъ смерти“, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось имѣть дѣло не съ неосторожностью, а съ преднамѣренностью.

Бой въ воздухѣ начинался взаимоистребленіемъ, но лишь только одинъ изъ противниковъ получалъ перевѣсь,—оно переходило въ одностороннее полное и конечное истребленіе слабѣшаго.

Івану Дмитріевичу, въ его изысканіяхъ, удалось такъ переработать этотъ „благодѣтель и губитель“, что ни непосредственный ударъ, ни детонація отъ взрыва какого-либо другого препарата, на него не вліяли. Онъ оказывался многою безопаснѣе даже давно забытаго пиронафта.

Дѣятельной помощницей въ трудахъ стараго профессора была его дочь, Вѣра, оказавшаяся чрезвычайно способной ученицей. Что касается ея усердія, то, вѣдь, въ наукѣ, въ работахъ при лабораторіи и

механической мастерской — тамъ только она и находила желанное забвение ужаснаго прошлага.

Объ этомъ прошломъ они никогда не разговаривали между собою, словно страшась дотронуться неосторожной рукой до старыхъ, но все еще болѣзненныхъ ранъ.—Бесѣда ограничивалась событиями текущаго дня, предположеніями на ближайшее будущее, обмѣномъ мнѣній по поводу результатовъ, достигнутыхъ послѣдними опытами, и обсужденіемъ программы новыхъ.—Чаще всего, въ часы досуга, каждый брался за книгу, при чемъ отецъ увлекался новѣйшими сочиненіями по садоводству (онъ искренно привязался къ своему фруктовому саду), а дочь перечитывала какого-нибудь любимаго писателя или поэта XIX вѣка — это были единственныя отголоски минувшаго, не возбуждавшіе въ ея сердцѣ жгучей горечи.

— „А что есть истина? Вы знаете ли это?—Пилатъ на свой вопросъ остался безъ отвѣта, но разрѣшилъ загадку — сущій вздоръ: представьте выпуклый узоръ на бляхѣ жестяной. Со стороны обратной онъ вглубину изображенъ; двоякимъ способомъ выходитъ съ двухъ сторонъ одно и то же аккуратно“, — неожиданно, вслухъ, прочла Вѣра и добавила: — Неправда ли, папа, оригинальная мысль?

Иванъ Дмитріевичъ, всегда радовавшійся слушаю, когда дочь „выходила изъ своей скорлупы“, поспѣшно загнулъ недочитанную страницу, захлопнулъ книгу, трактовавшую о возможности акклиматизаціи мангустовъ въ умѣренныхъ широтахъ, спряталъ очки и спросилъ:

- Это—что и откуда?
- Изъ „Донъ-Жуана“ А. Толстого...
- Хм... не помню. Стихи не изъ важныхъ. Даже не узналъ Толстого. Мысль—ничего. Хотя Донъ-Жуану, какъ будто, не по характеру...
- Да это не онъ говоритъ, а Сатана въ бесѣдѣ съ ангелами.
- А!.. Ну, чортъ, конечно, можетъ говорить и „подлымъ штилемъ“ о предметахъ самыхъ высокихъ, однако...
- Нѣтъ, ты послушай дальше: „Узоръ есть истина. Господь же Богъ и я—мы обѣ стороны ея; мы выражаемъ тайну бытія: онъ—верхней частью, я—исподней. И встѣ вся разница, друзья, между моей споровкой и Господней“.
- Да... „споровка“ — это тоже утрировано... Сатанъ не къ лицу бы такой жаргонъ... Но сравненіе мѣткое... Ты, собственно, почему же на немъ остановилась?
- Видиши ли... — послѣ недолгаго молчанія заговорила Вѣра, — это по поводу нашихъ работъ, т.-е. твоихъ изобрѣтеній и усовершенствованій... Минѣ ужъ давно и часто приходила въ голову мысль: что— зло? что— добро?.. А вдругъ нѣтъ ни того, ни другого, а просто—лицевая сторона и изнанка одного и того же вѣчнаго узора.—Но вѣдь если узоръ—истина, если обѣ стороны узора отъ него неотъемлемы, то почему злодѣйство заслуживаетъ наказанія, а добродѣтель— восхваленія?.. Вѣдь не чествуютъ же сахаръ и не проклинаютъ горчицу, щелочь и кислота пользуются же въ химії одинаковымъ уваженіемъ!..

— Къ чему ты ведешь?..— проворчалъ профессоръ, нелюбившій метафизики...

— Всѣ твои усовершенствованія способовъ управления воздушнымъ кораблемъ, наконецъ, этотъ „neo-generator“... Все это одинаково идетъ на пользу и тѣмъ и другимъ, вѣрнѣе даже — и на пользу и во вредъ! и что гдѣ перевѣшиваетъ, чего и гдѣ больше? — еще неизвѣстно!

— Ага!.. Вотъ что!.. Продолжай, продолжай! — отозвался тотъ, видимо довольный, что разговоръ переходитъ на почву реальныхъ фактовъ.

— Уменьшилось число гибнущихъ отъ несчастныхъ случаевъ — одинаково — у тѣхъ и у другихъ. Уменьшилось число жертвъ при нападеніи флибустьеровъ, но вѣдь и съ ихъ стороны уменьшились потери, а это значитъ, что имъ дается возможность съ тѣми же силами предпринять не одинъ, а нѣсколько набѣговъ!.. Отдѣльные междоусобныя столкновенія уже не носятъ такого ужасающаго характера поголовнаго истребленія, какъ раньше, но зато они участились и пріобрѣли затяжной характеръ... — Что хуже?.. — Что лучше?.. — Кому ты служишь своими трудами — добру или злу? — Въ чьихъ интересахъ работаешь? — угнетателей или угнетаемыхъ? Наконецъ — кто изъ нихъ правъ? Гдѣ истина? — Или она, дѣйствительно, только „узоръ на бляхѣ жестянной“ и результатъ, какъ говоритъ тотъ же Сатана, „отъ точки зрѣнія зависитъ“?..

— Ну, ну... вотъ ты опять оторвалась отъ жизни и метнулась въ „горнія сферы“! — Дѣло много проще. — Позволь высказать тебѣ нѣсколько „ума холодныхъ разсужденій и сердца горестныхъ замѣтъ“. (Какъ ви-

дишь, и я кое-какие стихи помню). Развѣ-жъ когда-нибудь я претендовалъ на безнадежную роль преобразователя человѣчества, изъ которого основныхъ чертъ его духовно-животнаго естества не вытравишь ни законодательствомъ какихъ угодно палатъ, ни взрывчатыми веществами, выработанными какими угодно лабораторіями?—Да, никогда!—„Плюнь въ глаза тому, кто скажетъ, что можетъ объять необъятное“, — изрекъ Кузьма Прutковъ, и онъ былъ правъ...—Если природа разныхъ Петровыхъ и Сидоровыхъ такова, что безъ драки имъ жизнь немила — бороться съ этимъ инстинктомъ, въ нихъ вложенными, было бы...—просто, глупо!.. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ я могу (а значитъ и обязанъ) прийти къ нимъ на помощь, облегчить страданія отдѣльной личности, хотя признаю себя безсильнымъ облегчить страданія человѣчества!

— Но, пока...

— Подожди! дай кончить!—Вѣдь, я тебя слушалъ?—Раньше, вмѣстѣ съ кораблемъ, въ бою, при столкновеніи, при случайной катастрофѣ, гибло 20—30 человѣческихъ жизней, а, благодаря мнѣ, это число свелось на 5. Какъ ни говори, а это—заслуга.—Потомъ—„neos-generator“.—Опять-таки известное число Сидоровыхъ и Петровыхъ, въ известный моментъ, сохраняются для ихъ семей.—Пусть даже, если они продолжаютъ свое рискованное ремесло, они кончатъ такъ, какъ имъ предопределено судбою (кому суждено быть повѣшенымъ, тотъ не утонетъ), но тогда, въ тотъ моментъ, когда имъ надлежало погибнуть, они уцѣлѣли и уцѣлѣли, благодаря мнѣ!—Что могу—то

дѣлаю! — Этимъ надо удовлетвориться, а попытки „объять необъятное“—оставить.

— Да нѣтъ-же, папа! — Ты просто не хочешь понять меня, или дѣлаешь видъ, что не понимаешь!.. Ты пробуешь меня увѣрить, будто примирился на „смягченіи ужасовъ братоубийства“, но, въ душѣ, самъ недоволенъ такимъ результатомъ своихъ работъ!.. Вѣдь ты можешь!.. Придумай! Изобрѣти способъ вырвать самое оружіе изъ рукъ враждующихъ!..

— Ну, матушка, тутъ ужъ ты зарапортовалась! — разсердился старикъ. — Богъ я, что-ли?..

VI.

— „Не бывать Батранамъ Сызранью!“ — Разгромъ. — „Они самые!“

Не только въ скромной усадьбѣ старого профессора, но по всему побережью южнаго изгиба Самарской Луки, господствовало необычайное волненіе.

Какъ водится, многіе утверждали, что давно это предвидѣли, даже предсказывали, и тѣмъ не менѣе событіе всѣхъ поразило своей неожиданностью.

Батраки (когда-то жалкая деревушка) давно уже разрослись въ огромный торговый центръ и, не годъ, не два, тяготились своей зависимостью отъ Сызрани, которая, въ качествѣ вольнаго города, имѣя собственную подземную крѣпость, обороняющую мѣсто стоянки ея воздушнаго боевого флота, и постоянное войско, господствовала надъ окрестнымъ райономъ, охраняла

его, но зато и собирала львиную долю его доходовъ,— Батраки, находившіеся на окраинѣ этого района, не разъ уже открыто заявляли, что имъ легче было бы у себя, на мѣстѣ, завести и воздушный флотъ, и подземную крѣпость, и войско, сохранивъ къ Сызрани союзническія, пожалуй, даже вассальные, отношенія, но все же обособиться, зажить своимъ хозяйствомъ.

Казалось бы, что и Сызрани не было особыхъ причинъ противиться такой автономіи, такъ какъ экономически Батраки были достаточно сильны, чтобы, пригрозивъ коммерческимъ воздействиемъ, не позволить себя эксплоатировать слишкомъ безцеремонно.

На бѣду „нутро“ русскаго человѣка за много сотъ лѣтъ сохранилось во всей его самобытности.—Какъ древніе новгородцы кричали на вѣчѣ: — „Не бывать Торжку Новгородомъ, ни Новгороду—Торжкомъ!“— цѣловали крестъ на смертный бой, клялись жертвовать „всю рухлядью и животишками“, лишь бы согнуть въ бараній рогъ зазнавшуюся вотчину, такъ и теперь сизранская дума уперлась на томъ, что „не бывать Батракамъ Сызранью!“

Извѣстіе о разрывѣ пришло ночью, а чуть заалѣло небо ранней весенней зарею, профессоръ съ дочерью уже были на вышкѣ своей усадьбы, оглядывая горизонтъ, прислушиваясь — не застучитъ ли пріемный аппаратъ безпроволочного телеграфа, не шевельнется ли его лента...

Утро было на рѣдкость погожее. Далеко, внизу, въ просвѣтахъ, уже начавшаго клубиться, предутренняго тумана, Волга поблескивала холодной сталью. Нѣжнымъ ароматомъ тянуло отъ фруктоваго сада, раскинувшаго

гося по скату къ рѣкѣ. Сливы уже отцвѣтали, зато вишни стояли, какъ облитыя молокомъ, и между ними, въ призрачной дымкѣ, слабо алѣли персиковыя деревья, только что раскрывшія свои цвѣточныя почки... Тишина стояла невозмутимая...

— Какъ хорошо!..—невольно сдерживая голосъ, проговорилъ Иванъ Дмитріевичъ, перегнувшись черезъ перила вышки и жадно дыша всей грудью.—Какъ хорошо!.. Знаешь ли, Вѣра... я это сейчасъ вспомнилъ... Какъ чудно сказано у одного японскаго поэта: „Сакура ва хана де араимась“...

— Ничего не понимаю, — сухо отозвалась Вѣра, провѣряя исправность телеграфнаго аппарата.

— Ну, ну... не сердись! Это значитъ—„Вишия умывается своими цвѣтами“... Правда, красиво?..

Вѣра на своемъ аппаратѣ дала такой разрядъ, который прозвучалъ въ тишинѣ словно пистолетный выстрѣлъ, и всполошилъ еще дремавшее пернатое населеніе сада.

— Не понимаю я,—первно заговорила она,—какъ это ты можешь любоваться цвѣточками, когда съ минуты на минуту тамъ,—она указала рукой въ сторону Батраковъ,—должна политься кровь, и люди начнутъ истреблять другъ друга во всеоружії знаній, которыми... многими... ты наградилъ ихъ!..

Профессоръ живо обернулся, хотѣль что-то отвѣтить... но какъ разъ въ это время застучалъ телеграфъ. Кровавый день начинался...

Вскорѣ уже можно было различить воздушный флотъ сызранцевъ, спѣшившій на усмиреніе непокор-

ныхъ. Ближе и ближе. Съ быстротою вѣтра, но невысоко, они пронеслись надъ усадьбой и черной стаей повисли надъ обреченнымъ городомъ.

Отецъ и дочь, оба, забывъ недавнюю размолвку, слѣдили за телеграфной лентой, съ тихимъ шелестомъ выходившей изъ аппарата.

Пока карательная экспедиція находилась въ пути, это была какая-то абрақадабра—очевидно, шифрованные сигналы—по по прибытіи къ мѣсту назначенія они заговорили общепонятнымъ языкомъ.

— „Именемъ Думы округа вольного города Сызрани требуетъ полной покорности!“

— „Чего вы хотите?“

— „Мы могли бы потребовать сдачи безъ условій, но Дума, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія, готова принять выраженіе вашей покорности на самыхъ мягкихъ основаніяхъ:— полная амнистія и забвеніе прошлаго, если вы подчинитесь изстари принятому порядку“.

— „Развѣ наши требованія признаны несправедливыми?“

— „Они отвергнуты Думой!“

— Но право на нашей сторонѣ! Мы платили метрополіи во много разъ больше, чѣмъ получали отъ нея, справедливость требуетъ...“

Телеграмма была прервана мощными разрядами, очевидно, пославшимися воздушной эскадрой.

— „Въ сторону вопросъ о томъ, чего требуетъ справедливость, и отвѣчайте на наше требованіе! Въ нашей волѣ—васъ уничтожить!..“

— „Дайте время обсудить положеніе. Наша Дума

должна сказать свое слово. Не ждали мы, что Сызрань будетъ грозить намъ истребленiemъ. Подождите немнога. Начать разгромъ—всегда успѣете“.

- „Наше рѣшеніе неизмѣнно. Сообщите ваше!“
- „Дайте обдумать. Дайте срокъ!“
- „Никакого срока!“
- „Хоть полчаса!“

Опять какая-то абракадабра—видимо, переговариваются съ Сызранью шифромъ—потомъ:

- „Хорошо! Идетъ на полчаса“.
-

Вѣра, не отрывавшая глазъ отъ телеграфной ленты, въ отчаяніи заломила руки.

— Совсѣмъ, какъ въ Ригѣ! какъ въ Ригѣ!—почти плача, говорила она.—Да развѣ же они сдержать свое слово?—Ловушка и ничего больше! Либо—рабство, либо—гибель!.. Безумцы! Безумцы!..

— Тише! тише!—прервалъ ее Иванъ Дмитріевичъ, приникшій къ телефонному пріемнику.—Мнѣ кажется... Не можетъ быть, чтобы они повторили нашу рижскую ошибку!.. Конечно!... Ну, да... я слышу!—„Онь“ никогда не опаздываетъ!.. Вотъ, вотъ!.. слушай, Вѣра! слушай!—„Держитесь, Батраки! не быть вамъ подъ Сызранью!“

Лента еще не шевелилась, но аппаратъ уже началъ слабо потрескивать, неся откуда-то, изъ глубинъ воздушного океана благую вѣсть...

Впрочемъ теперь слѣдовало уже не столько слушать аппаратъ или слѣдить за его лентой, какъ смотрѣть.

Черныя точки, все увеличивающіяся по мѣрѣ приближенія, пестрили нѣжную лазурь утренняго неба...

Маленькое отступленіе въ область „воздушной тактики“.

Какъ въ старину считались наилучшими пріемами (разумѣется при наличіи достаточныхъ силъ) обходъ или окруженіе, такъ и при господствѣ воздушныхъ флотовъ, исходя изъ того же принципа, считали, что полное уничтоженіе врага обезпечено въ томъ случаѣ, когда на него удастся „накинуть сѣтку“ или взять его „подъ колпакъ“.

„Накрыть сѣткой“—значило повести атаку одновременно сверху и со всѣхъ сторонъ, расположивъ свои силы по поверхности шарового сегмента, внутри которого находился непріятель, „прижимая“ его къ землѣ.

„Колпакъ“—это была та же сѣтка, но такая густая, сквозь которую невозможенъ былъ прорывъ даже отдѣльныхъ кораблей, пытающихся спастись бѣгствомъ. Ясно, что этотъ послѣдній пріемъ былъ осуществимъ лишь при условіи подавляющаго превосходства въ численности.

Въ данномъ случаѣ на сызранцевъ опускался „колпакъ“.

— Ахъ, чортъ возьми!—воскликнулъ Иванъ Дмитревичъ, не отрывая глазъ отъ бинокля.—Смотри, Вѣра, смотри!.. Никогда я не вѣрилъ, что въ рукахъ у „него“ могутъ быть такія силы!.. Сказками считалъ!.. Гляди, какъ онъ ихъ накрываетъ!..

Сразу оцѣнивъ весь ужасъ своего положенія, сизранцы метнулись, было, въ сторону родного города, надѣясь по-низу добраться до своего „воздушнаго порта“, охраняемаго подземными батареями, но „колпакъ“ двигался съ одинаковой съ ними скоростью, все уменьшая высоту сегмента, все уплотняясь...

Загремѣли выстрѣлы... Закипѣлъ Сой...

Самая ожесточенная схватка разыгралась невдалекъ отъ усадьбы, съ вышки которой можно было не вооруженнымъ глазомъ наблюдать за всѣми подробностями сраженія.

Видно было, какъ подбитые корабли то, медленно кружась, спускались на землю, то, опрокинувшись и нелѣпо кувыркаясь, стремительно падали... Торжествующій побѣдитель проносился надъ противникомъ, потерявшимъ способность управляться, осыпалъ его бомбами, разрывалъ въ клочья... Тѣ, что рѣшили, хоть недаромъ, погибнуть (пощады не было), кидались, очертя голову, таранить. Иногда удавалось—и два воздушныхъ чудовища, сплюшившись въ безформенную массу, летѣли внизъ... Порой около нихъ глазъ могъ различить какія-то отдѣльныя черные точки—вѣроятно воздухоплаватели, выброшенные силой удара, или сбломки...

— Папа, папа...—въ ужасѣ шептала Вѣра,—вѣдь тамъ люди... живые люди!..

Самъ Иванъ Дмитріевичъ, въ теоріи вполнѣ ясно представлявшій себѣ картину боя воздушныхъ эскадръ, наблюдалъ за этимъ зрѣлищемъ блѣдный, какъ ислотно, едва переводя дыханіе...

— Довольно, Вѣрочка... пойдемъ, пойдемъ... — несвязно бормоталъ онъ.

— Видишь? Видишь, какъ ты ихъ облагодѣтельствовалъ? Ха-ха-ха!...—истерично смѣялась та.—Они уже не боятся взрывовъ! Дѣйствуютъ безъ опаски!..

Съ этими—былъ покончено, и „Цари Воздуха“ двинулись на Сызрань.

Въ то же время надъ Батраками нависла и быстро спустилась внизъ новая туча.

— Это что такое? что еще они выдумали?—тревожно спрашивалъ старый профессоръ.

Ждать разъясненія пришлось недолго. Не прошло и часа, какъ туча вновь поднялась надъ Батраками и понеслась къ Сызрани, въ сторонѣ которой давно уже гремѣли неумолчные взрывы:—„Цари Воздуха“ бомбардировали городъ и воздушный портъ...

Туча, оказавшаяся ногой воздушной эскадрой, шла низко. Съ вышки усадьбы простымъ глазомъ можно было видѣть, что это транспорты, тяжело нагруженные десантомъ. Главную массу составляла милиція Батраковъ, по были и корабли съ отрядами профессиональныхъ воиновъ—„люфтскнехтовъ“, какъ ихъ называли современники; платформы многихъ кораблей щетинились задранными кверху жерлами полевыхъ орудій, весело поблескивавшихъ своей полированной сталью подъ лучами солнца.

Воздушный флотъ Сызрани былъ истребленъ, но для довершенія побѣды необходимо было овладѣть его цитаделью—подземной крѣпостью, защищавшей воздушный портъ.

Взять такую крѣпость при посредствѣ одного флота считалось невозможнымъ. Самая ожесточенная бомбар-

дировка мѣстности, на которой (вѣрнѣе—подъ поверхностью которой) прятались тщательно замаскированные подземные форты,—оказывалась мало продуктивной въ смыслѣ ихъ уничтоженія, такъ какъ, по необходимости, велась наудачу: для прицѣльного метанія бомбъ необходимо было опознать противника, т.-е. приспustиться къ поверхности земли настолько, чтобы имѣть возможность опредѣлить откуда, изъ какой точки стрѣляютъ (не такъ-то просто при бездымномъ порохѣ!), но уже задолго до этого момента, на тройной дистанціи, обороняющейся, все время видѣвшій врага, открывалъ по немъ огонь и билъ почти навѣрняка.

Дѣйствія воздушнаго флота противъ подземной крѣпости, при рѣшительной атакѣ ея, ограничивались подготовкой штурма, самый же штурмъ вела попрежнему пѣхота. Въ критическій моментъ, когда воздухоплаватели, изъ опасенія перебить своихъ, превращались въ зрителей, жерла крѣпостныхъ орудій, до того обращенные къ небу, склонялись къ землѣ и съяли смерть въ рядахъ наступающихъ; потери послѣднихъ бывали огромны, но тѣ, что достигали цѣли, ручными бомбами разрушали установки громоздкихъ орудій, истребляли прислугу—овладѣвали укрѣпленіемъ, если... не натыкались на пѣхотное прикрытие, встрѣчавшее ихъ грудь съ грудью... Тогда исходъ дѣла рѣшался рукопашнымъ боемъ, въ которомъ съ успѣхомъ примѣнялись не только ручныя бомбы, не только револьверы, но даже сабли и кинжалы, и, конечно, штыкъ—этотъ надежный инструментъ, который столько разъ кабинетными знатоками военнаго дѣла объявлялся сданнымъ въ архивъ.

Въ данномъ случаѣ сызранцы проявили во всемъ блескъ ту самонадѣянность и безпечность, которыя, обычно, присущи людямъ,увѣреннымъ въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ передъ возможнымъ противникомъ.—Они „послали свой воздушный флотъ для обузданія непокорныхъ“, но ни одному изъ отцовъ города и въ голову не приходило мысли, чтобы подъ угрозой оказались не только сама Сызрань, но даже и ея цитадель!..—Въ этой цитадели (образцово построенной) пушки стояли на своихъ мѣстахъ, но форты ея не были мобилизованы. Даже батарейная прислуга, и та мирно проживала въ комфортабельныхъ городскихъ казармахъ, оставивъ на позиціяхъ только незначительный караулъ. О пѣхотномъ прикрытии батарей, т.-е. гарнизонѣ цитадели, главную силу котораго составляла милиція,—и говорить нечего... Господа милиционеры проводили время у домашняго очага или въ своихъ конторахъ, магазинахъ и мастерскихъ, глубоко убѣжденные, что отряды люфтскнехтовъ и ландскнехтовъ, посланные къ Батракамъ, разрѣшать вопросъ просто и скоро.

Неожиданное появленіе „Царей Воздуха“, уничтоженіе воздушнаго флота (не одного своего—тутъ были подкрѣпленія, присланныя Самарой и Саратовымъ) круто измѣнило настроеніе, вызвало полное замѣшательство, почти панику...

Какъ водится, въ первый моментъ, всякое отвѣтственное лицо прежде всего было озабочено мыслью:— „Какъ бы въ отвѣтъ не попасть!..“—Заработали телефоны и телеграфы. Городской голова упрекалъ предсѣдателя комиссии обороны; этотъ, въ свою очередь,

сваливалъ отвѣтственность на департаментъ виѣшнихъ сношеній, который якобы умышленно держалъ его въ полномъ невѣдѣніи о ходѣ переговоровъ; комендантъ цитадели требовалъ немедленного прибытія гарнизона, а командующій милиціей заявлялъ, что по плану мобилизациіи на сборъ частей положено 8 часовъ; начальникъ артиллеріи вызывалъ резервные парки, но ему отвѣчали, что едва приступлено къ сбору перевозочныхъ средствъ (частновладѣльческихъ автомобилей и аэромобилей)... даже госпитали и тѣ не могли развернуться достаточно скоро, такъ какъ сестры милосердія раньше, чѣмъ спѣшить къ исполненію своего гражданскаго долга, должны были исполнить свой долгъ по отношенію къ малолѣтнимъ дѣтямъ (своимъ или чужимъ), ввѣреннымъ ихъ попеченію...

Всѣ ссорились, пререкались, обвиняли другъ друга... а время шло! Терялись минуты, десятки минутъ, даже часы!..—когда дорого было каждое мгновеніе.

Очевидно, „Неукротимый“ заранѣе предвидѣлъ тотъ эффектъ, который вызоветъ его внезапное появленіе, заранѣе учелъ его и составилъ свой планъ дѣйствій.

Какъ только бой въ воздухѣ превратился въ бойню, главныя силы его флота, предоставивъ спеціально назначеннымъ отрядамъ добивать противника и безжалостно бросая собственные подбитые корабли, просившіе о помощи (на поверхности земли, въ случаѣ вынужденного спуска, ихъ немногочисленный экипажъ попадалъ въ руки враговъ, не знаяшихъ пощады)—ринулись на Сызрань и, держась виѣ обстрѣла крѣ-

постныхъ орудій, принялись за истребленіе хорошо видимыхъ съ высоты отрядовъ милиціи и постоянныхъ войскъ, спѣшившихъ къ цитадели.

Въ результатѣ—десанту, прибывшему изъ Батраковъ, пришлось одолѣть только отчаянное, но безнадежное сопротивленіе постоянного гарнизона мирнаго состава крѣпости. Прибывавшія отъ времени до времени разрозненные, терроризованныя кучки милиционеровъ вносили въ ряды защитниковъ больше деморализаціи, нежели поддержки...—они искали спасенія...

Къ вечеру палъ послѣдній фортъ...

Беззащитная Сызрань лежала у ногъ побѣдителей.

Ночи не было.—Звѣзды меркли въ заревѣ пожаровъ...

Старый профессоръ давно уже спустился съ вышки и, какъ сѣль на свое кресло передъ письменнымъ столомъ, такъ и застылъ въ неподвижности, весь охваченный тяжелыми, несвязными думами.

Глухіе раскаты могучихъ взрывовъ потрясали стѣны дома; чудилось, что порою доносится издалека какой то гулъ—не то крикъ толпы, не то ревъ разбушевавшагося пламени; багровые отблески прорывались сквозь тяжелыя, плотно задернутыя, оконныя занавѣски...

Въ сосѣдней, ярко освѣщенной, комнатѣ, гдѣ накрытый для обѣда столъ давно уже ждалъ хозяевъ, порывистыми шагами, заложивъ руки за спину и сумрачно сдѣливъ брови, ходила изъ угла въ уголъ его дочь.

Оба молчали, чутко прислушиваясь къ звукамъ, доносившимся извнѣ...

— Матушка! Вѣра Ивановна! — ворвалась въ столовую горничная Маня...

Прическа у нея растрепалась, ротъ былъ широко открытъ, какъ для крика, но кричать она не могла,— видимо, горло перехватило со страху — и говорила сдавленнымъ, прерывающимся голосомъ...

— Ну что? — спросила Вѣра, прекращая свою прогулку.

— Къ вамъ подбираются!.. вовсе близко!.. Мельниковъ жгутъ!.. съ горы видать!.. Агафья тамошняя — ягодница... помните, чай? — прибѣжала... простоволосая... Все въ конецъ рушатъ!.. мужиковъ, бабъ, дѣвокъ — кого бываютъ, кого — въ полонъ... Пропали мы... ой! пропали!..

— Вѣдь ты-жъ знаешь, что насы не тронутъ! вѣдь самые лютые изверги и тѣ насы объявили своими благодѣтелями! — страннымъ, рѣзкимъ тономъ, отчеканивая каждое слово, заговорила Вѣра. — Чего-жъ обезумѣла?

Въ кабинетѣ что-то шевельнулось; какой-то, не то вздохъ, не то несвязное бормотаніе донеслось оттуда. — Онъ услышалъ и понялъ этотъ жестокій, незаслуженный упрекъ...

— То-жъ и Агафья... прибѣгла... укройте! — говоритъ, — ваше мѣсто свято!.. — А я... — барыня! милая! спрячьтесь вы! скроются въ саду!.. Нешто имъ, душегубамъ окаяннымъ, вѣрить можно? Али они крестъ цѣловали? Да и креста то, иоди, нѣтъ на ихъ?

— Нечего голосить! отъ судьбы не уйдешь! — сурово прервала ее молодая хозяйка. — И у разбойниковъ совѣсть есть... да и объявили они, что всякаго, кто пальцемъ тронетъ, въ клочки разнесутъ...

— Знаю, барыня! знаю, милая!.. Да нешто ежели онъ пьяный... въ угарѣ... Да пущай опосль того расказнятъ его, по косточкамъ разымуть — толку-то что?..

Вѣра стояла мрачная и молчаливая. Въ кабинетѣ царило безмолвіе. Тиканье старинныхъ часовъ слышалось особенно отчетливо, казалось необычно громкимъ на фонѣ могучаго гула толпы и грохота взрывовъ, доносившихся откуда-то издалека...

— Ай! Они самые! — дико взвизгнула Маня и, закрывъ лицо руками, сѣла на поль...

Черезъ стеклянную дверь столовой, выходившей на балконъ, въ отблескѣ зарева, охватившаго небо, былъ отчетливо виденъ аэромобиль, который, медленно опускаясь и помаргивая своимъ огненнымъ глазомъ, тихо кружился надъ садомъ, выбирая мѣсто, гдѣ бы удобнѣе осѣсть...

Огненный глазъ скрылся въ гущѣ кустарника...

„Тикъ-такъ, тикъ-такъ“ — отбивали часы...

Вотъ — шорохъ шаговъ по песку садовой дорожки...

Что это?.. — Какъ будто обтираютъ ноги о рѣшетчатую настилку, положенную передъ лѣстницей?..

Идутъ по ступенямъ... Смѣло, увѣренно идутъ...

Много-ли? — не разобрать...

Что-то мелькнуло за дверью, которая тотчасъ-же распахнулась, и въ столовую вошли двое...

Впереди — средняго роста, слегка сутуловатый, блондинъ съ холеными усами и небольшой бородкой, поблескивавшей преждевременно сѣдиной, а сзади него — гигантъ брюнетъ, заросшій волосами отъ самыхъ глазъ, огромныхъ, черныхъ, полныхъ какой-то

свирѣости, судя по тому взгляду, какимъ онъ окинуль все окружающее...

Оба были одѣты одинаково, въ обычный интернациональный костюмъ воздухоплавателей, но сразу же чувствовалось, что старшимъ является первый.

VII.

Старый знакомый. — Анархія или индивидуализмъ? — Мечта! — Признаніе.

— Смѣю ли я... — заговорилъ старшій, снимая фуражку (и въ тонѣ его голоса слышалось странное сочетаніе властнаго приказа и застѣнчивой просьбы), — смѣю ли я надѣяться встрѣтить гостепріимство въ этомъ домѣ?..

Маня все еще сидѣла на полу, закрывъ лицо руками, зато Вѣра, гордо выпрямившись и сверкнувъ своими черными глазами, надменно отвѣтила:

— Кто входитъ въ чужой домъ такъ, какъ вошли вы, тому нечего спрашивать!.. — онъ самъ хозяинъ! по праву сильнаго!..

— Скажи, пожалуйста, какой кара-гезъ! — не удержался гигантъ отъ восторженного восклицанія.

— Молчи, Джигитъ! — дружески, но рѣшительно остановилъ его первый. — Сударыня, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Вѣрѣ, — вцепиться въ волосы женщины — поступокъ возмутительный, но ухватить за косу утапающую — вполнѣ дозволено. Въ данный моментъ мы весьма близки къ подобному случаю, и если я почти-

тельнѣйше просилъ вашего гостепріимства, то единственно потому, что не хотѣлъ васъ обидѣть предложеніемъ... моего... покровительства...

— Кто бы вы ни были!.. — гнѣвно крикнула Вѣра, наступая на него. — Вы! — все можете!.. Можете — убить! — надругаться! — продать на рынкѣ!.. но не смѣете!.. такъ говорить!..

— Простите, сударыня... вы меня не поняли...

— ...Глумиться надъ беззащитными — позоръ! позоръ — даже для бандита! — продолжала Вѣра, ничего не слушая...

— Сергѣй Петровичъ!.. Вы ли?.. Дорогой мой! — неожиданно раздалось въ дверяхъ кабинета.

Это говорилъ старый профессоръ, поспѣшившій на помощь дочери при первомъ же появлѣніи незнакомцевъ въ столовой, но почему-то остановившійся на порогѣ и пристально вглядывавшійся въ лицо „начальника“, на которого такъ энергично нападала Вѣра.

— Иванъ Дмитричъ! Васъ-то я и искалъ! — воскликнулъ тотъ, бросаясь къ нему и радостно пожимая протянутыя ему руки. — Защитите меня отъ этой амазонки, охраняющей вашу неприкосновенность!

— Да вѣдь это-жъ дочь моя, Вѣрочка! Неужто забыли?..

— Вѣрочка? — изумился воздухоплаватель.

— Сережка-Нибелунгъ? — растерянно проговорила та, и вся кровь, казалось, хлынула ей въ голову такъ, что даже уши, и тѣ покраснѣли...

— Онъ самый и есть! Я сразу же призналъ! — торжествовалъ профессоръ. — Вотъ неожиданная встрѣча! Просите гостепріимства, а его — чуть не по

шеё...—Эй, ты, красавица!—тормошилъ онъ все еще не пришедшую въ себя горничную,—вставай, что ли, и давай обѣдатъ! давно пора!...

— Ну, я пошелъ!—рѣшительно заявилъ Джигитъ, окинувъ столовую своимъ огненнымъ взглядомъ, въ которомъ на этотъ разъ не было и тѣни свирѣпости.

— Почему же вашъ товарищъ...—неувѣренно отозвалась Вѣра...

— Служба—прежде всего!.. — также неувѣренно, стараясь (почему-то) не глядѣть на нее, отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ.—Хоть вы и неласково меня встрѣтили, но вѣдь я прибылъ сюда съ единственной цѣлью обезопасить... уважаемаго Ивана Дмитріевича...—Такъ вотъ, дорогой,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Джигиту,—поскучай, разъ самъ взялся...—Держи мои позывные, чтобы не сунулись со-слѣпу... Въ случаѣ чего — предупреди и распорядись „нашимъ“....—Такъ?

— Слыхалъ, слыхалъ! Знаю---понимаю!—бормоталъ тотъ, направляясь къ выходу, но въ самыхъ дверяхъ неожиданно повернулся и заявилъ:—Если такой кара-гезъ царица—это ничего!

— Итакъ, — ораторствовалъ Иванъ Дмитріевичъ, лѣвой рукой опираясь на письменный столъ, какъ бывало на кафедру, а правой дѣлая жестъ, долженство-вавшій особенно подчеркнуть его мысль. — Итакъ: *credo* вашего „Шовелителя“ имѣетъ основой—каждаго человѣка сдѣлать королемъ, отвѣтственнымъ только передъ Богомъ и своей совѣстью. По существу — это проповѣдь чистаго анархизма...

— Не анархизма, но индивидуализма!

— Называйте, какъ хотите, но фактъ остается фактомъ: такое распыление власти ведетъ къ полному ея упраздненію.—Если всѣ повелѣваютъ, то кому же обязательны ихъ повелѣнія?

— Имъ самимъ!

— Эффектно, но неубѣдительно!—Залогъ продуктивности труда—въ принципѣ его распределенія между работниками. Всякій дѣлаетъ то, что лучше всего умѣеть дѣлать (научившись своему ремеслу, или получивъ этотъ даръ отъ рожденія — вопросъ другой). Но если должно существовать такое распределеніе труда, долженъ существовать и органъ, исполняющій функции распределителя, а если указанное имъ распределеніе обязательно—это уже власть! ячейка государственности!..

— Ячейка—да! Но ни шагу далѣе!

— Я не совсѣмъ понимаю. Значитъ, по-вашему, вопросъ не въ качествѣ, а въ количествѣ? Не въ томъ, какъ живутъ люди, а въ томъ, сколько ихъ подчиняется определенному режиму?

— Отчасти—да!—Мы не отрицаемъ необходимости, неизбѣжности подчиненія однихъ лицъ другимъ, но признаемъ подчиненіе только сознательное и добровольное, а не вынужденное! Въ маленькой общинѣ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга, конечно, можетъ быть избранъ предводитель, верховный судія, президентъ, король (дѣло не въ названіи), который, лично зная каждого изъ своихъ добровольныхъ подданныхъ, будетъ править ими, имѣя физическую возможность самъ, безъ посредничества какихъ либо совѣтчиковъ, исполн-

нять свои обязанности. Это какъ бы суперъ-арбитръ, авторитету котораго подчиняются „не за страхъ, но за совѣсть!“ Допустите только, чтобы эти отдельныя ячейки слились во-едино, сплотились въ государство, и сразу же окажется, что глава его физически лишенъ возможности выполнять возложенные на него обязанности, тогда какъ права его будутъ, неизбѣжно, широко узурпированы кучкой приближенныхъ къ нему лицъ.—Децентрализація—вотъ нашъ лозунгъ!

— И вы, противорѣча сами себѣ, стремитесь привести его въ жизнь при посредствѣ организаціи, которая являетъ собою наиболѣе яркій примѣръ абсолютизма! — Вашъ „Повелитель Царей Воздуха“ развѣ не деспотъ?

— Вовсе нѣтъ!—Наша организація чисто военная, прототипомъ которой можно признать Запорожскую Сѣчь. Развѣ запорожцы по указу кошевого атамана шли воевать съ Польшей или султаномъ? Развѣ каждый изъ нихъ не былъ воленъ въ своихъ рѣшеніяхъ? Развѣ не одушевленіе общей идеей поднимало кошь въ далекій и трудный походъ?

— Пусть такъ! пусть такъ!—перебилъ его Иванъ Дмитріевичъ, видимо не желавшій останавливаться на щекотливомъ вопросѣ. — Мы отклонились отъ обсужденія предмета по существу: укажите мнѣ определенно не только идею, которой вы руководствуетесь въ данную минуту, но и цѣль, къ достижениію которой стремитесь.

— Наша цѣль — нигдѣ и никогда не допускать насильственного подчиненія, бороться противъ всякой попытки поработить ближняго!..

— А такъ какъ стремлениі этого рода прочно за-ложены въ душѣ двуногаго существа, которое мы на-зываемъ человѣкомъ, то вы поставили себѣ задачей до конца вѣка летать надъ поверхностью земли и воевать съ насильниками. Такъ ли?

— Не совсѣмъ такъ... Мы вѣримъ, что когда подрастетъ поколѣніе, никогда не видѣвшее картии всего сѣла, раскрашенной только въ небольшое число цвѣтовъ, соотвѣтствующихъ немногимъ великимъ царствамъ, когда люди опять научатся жить, работать (даже воевать!) только по собственной нуждѣ или въ интересахъ своей общины, гдѣ каждый знаетъ другъ друга въ лицо, состоить съ нимъ въ родствѣ или свойствѣ, — тогда настанетъ время и намъ сложить свое оружіе!.. И это время настанетъ!..

— Мечта! мечта!.. — воскликнулъ профессоръ.

Сергѣй Петровичъ поднялся со своего мѣста такъ порывисто, что кресло, на которомъ онъ сидѣлъ, отлетѣло всторону. Выраженія усталости и добродушной ироніи ужъ не было на этомъ сумрачномъ, сожженномъ солнцемъ, изборожденномъ преждевременными морщинами, лицѣ; сѣростальныіе глаза загорѣлись огнемъ; кисти рукъ судорожно сжались, и каждый мускулъ напрягся, словно у тигра, готоваго сдѣлать рѣшительный прижокъ...

— Мечта? Вы говорите — мечта? — повторилъ онъ не громко, но тѣмъ звенящимъ голосомъ, который въ бояхъ пробуждалъ къ жизни его измученныхъ, израненныхъ товарищѣй. — А стоитъ ли жить безъ мечты? — Укажите мнѣ другую, въ которую я могъ бы повѣрить, и я пойду за вами, хоть... на костеръ!

— Позвольте...—бормоталъ старикъ, смущенный этимъ порывомъ, невольно поддавшись очарованію властнаго требованія, искавшаго отвѣта.—Я только констатирую факты: Эдуардъ — хотѣлъ разоружить міръ, взявъ самое грозное оружіе въ свои руки, но это не удалось; Вильгельмъ—надѣялся умиротворить человѣчество на принципѣ свободнаго прогресса каждой отдѣльной народности, но ничего изъ этого не вышло; вы—думаете достигнуть того же водвореніемъ анархіи или, какъ вы говорите, индивидуализма — смѣю думать—не будете имѣть успѣха... Жизнь—борьба. Результатъ борьбы—побѣда или пораженіе. Побѣдитель торжествуетъ, побѣженный покоряется. Первый—диктуетъ свою волю второму. Это—насиліе. И это насиліе можетъ исчезнуть лишь при условіи, что не будетъ ни побѣдителей, ни побѣженныхъ, т.-е. не будетъ борьбы, т.-е.—не будетъ жизни!.. А между тѣмъ, пока живы на землѣ хоть два человѣка—они, неминуемо, будутъ спорить между собою изъ за первенства!—Вотъ заколдованный кругъ, изъ котораго не могутъ вырваться ни имперіализмъ, ни федерализмъ, ни... вашъ индивидуализмъ!.. У насъ такъ часто приводятъ, какъ антitezы, теорію и практику, но вѣдь это абсурдъ! — Профессоръ совсѣмъ оправился отъ мимолетнаго смущенія и снова чувствовалъ себя, какъ бы на кафедрѣ, передъ знакомой аудиторіей.—Практика, необоснованная теоріей—невѣжество! Теорія, неоправдываемая практикой— ошибочная гипотеза! Эдуардъ, Вильгельмъ и вы—тѣ же инквизиторы, пытавшіеся огнемъ и мечомъ доставить господство ученію любви, мира и всепрощенія!—Какія бы

теоріи вы ни измышили, но руками человѣческими вы не создадите на землѣ царствія Божія! Недаромъ самъ Онъ сказалъ—„Царство Мое не отъ міра сего!..“

Сергѣй Петровичъ давно уже, послѣ неожиданной вспышки, овладѣлъ собою, поднялъ опрокинутое кресло и сѣлъ на мѣсто. Горячую рѣчъ своего старого учителя онъ слушалъ... неслышкомъ внимательно— слова ея не имѣли большого значенія, а внутренній смыслъ ея онъ зналъ напередъ... Это были тѣ самыя назойливыя думы, которыя онъ такъ упорно гналъ отъ себя въ долгія, безсонныя ночи.

Вѣра вовсе не вмѣшивалась въ ихъ бесѣду, только слѣдила за ней, да и то съ перерывами, такъ какъ все чаще и чаще въ дверяхъ появлялась растрепанная физіономія горничной, дѣлавшей ей какіе-то таинственные знаки, въ отвѣтъ на которые она неслышно исчезала изъ кабинета, хотя вскорѣ же возвращалась.

Глухіе удары взрывовъ все еще (правда рѣже) заставляли вздрогивать стѣны старого дома и дребезжать стекла оконъ, а сквозь щели задернутыхъ портьеръ прорѣзывались временами отблески багроваго зарева.

— Жить безъ мечты...—заговорилъ, нарушая молчаніе, тотъ, чей властный окрикъ еще недавно смущилъ профессора, а теперь—такой усталый, такой... просто „человѣкъ“, а не „царь воздуха“...—Можетъ быть, я не точно выразился... можетъ быть, слѣдовало бы сказать: руководящая идея, путеводная звѣзда?.. Но вы меня понимаете?.. Можно ли жить безъ мечты, безъ надежды, что хотя бы на нашихъ

костяхъ, на почвѣ, удобренной нашей кровью, когда-нибудь, не скоро, далеко, далеко... но все же расцвѣтѣ счастье, и хотя бы самые отдаленные потомки помянутъ насъ добрымъ словомъ?..

— Я сказалъ уже,—не совсѣмъ увѣренно, но стараясь выдерживать авторитетный тонъ лектора, началъ опять Иванъ Дмитріевичъ,—что всеобщее замиреніе—мечта, которую не смогъ осуществить даже Христосъ, въ послѣдніе дни жизни своей пророчествовавшій, что „возстанетъ братъ на брата“...—Во имя чего?—Во имя любви и всепрощенія...—Такъ поступаете и вы, новые проповѣдники, считающіе себя предтечами Царствія Божія...—Вся природа человѣка возмущается, протестуетъ противъ всеобщаго равенства! Это органически невозможно! Сильный всегда будетъ господиномъ слабаго, а слабый будетъ искать покровительства сильнаго цѣною личнаго своего подчиненія...

— Постой!—внезапно вмѣшалась Вѣра.—Ты все говоришь о законахъ природы! Но развѣ какой-нибудь наследственный подагрикъ, который за всю жизнь свою палецъ о палецъ не ударилъ, владѣющій аэромобилями, нанимающій за свое золото люфтскнехтовъ и собирающій дань съ окрестныхъ селеній, гдѣ люди действительно трудятся, действительно „въ петь лица своего“ добываютъ хлѣбъ свой,—развѣ это законъ природы?

— Ну, ну...—недовольно заворчалъ стариkъ,—опять пошли высокія матеріи...

— Напрасно ты такъ отъ нихъ отмахиваешься! напрасно такъ нападаешь, даже хуже—высмѣиваешь—

„мечту“, о которой говорить Сережа, т.-е. Сергѣй Петровичъ...—поспѣшио поправилась она.

— Но пойми же: люди такъ созданы, что не могутъ жить безъ драки!...

— А если оружіе будетъ вырвано изъ ихъ рукъ? если имъ нечѣмъ будетъ истреблять другъ друга?

— Что вы хотите сказать?—заинтересовался воздухоплаватель.

— Не слушайте ея! Еще новая мечта!—сердито отозвался профессоръ.

Для Вѣры ночь выдалась беспокойная.—Вѣсть о томъ, что усадьба профессора дѣйствительно даетъ право убѣжища, быстро распространилась по окрестностямъ, и вскорѣ же не только домъ, службы, сараи и амбары, но даже садъ переполнились бѣглецами.—Всѣхъ надо было пристроить, накормить, многихъ—одѣть, инымъ—оказать медицинскую помощь.

Слушая ихъ разсказы, молодая женщина то холода отъ ужаса, то вспыхивала безумнымъ гнѣвомъ.—Никогда раньше не случалось ничего подобнаго!—Вѣдь все знали, что „Цари Воздуха“ только „воюютъ“, что оружіе ихъ направлено только противъ тѣхъ, кто оружiemъ же стремится подчинить себѣ своихъ близкихъ! Грабежи и насилия, которыми славились шайки флибустьеровъ, никогда не пятнали доброго имени этихъ странствующихъ рыцарей!—А теперь?.. Что случилось?..

Она рѣшила потребовать отчета у ихъ гостя, явившагося къ нимъ въ роли ангела-хранителя! Судя по всему, онъ занималъ въ организаціи достаточно

высокое положеніе, чтобы имѣть возможность, если не прекратить эти ужасы, то, по крайней мѣрѣ, обратить вниманіе „Повелителя“ на то, что творится его именемъ! Во всякомъ случаѣ онъ могъ и долженъ былъ дать ей свои объясненія!..

Сергѣй Петровичъ, распростившись съ хозяевами и пожелавъ имъ покойной ночи, рѣшительно отказался отъ предложеній ему спальни, но избралъ мѣстомъ своего пребыванія вышку, гдѣ находился аппаратъ безпроволочного телеграфа, который онъ попросилъ (тоже достаточно рѣшительно) предоставить въ его исключительное пользованіе.—Конечно, просьба эта была уважена.

Въ тотъ моментъ, какъ Вѣра, поднявшись по крутої, винтовой лѣстницѣ, ступила на верхнюю площадку и оглянулась кругомъ, онъ сидѣлъ за аппаратомъ, получая какія-то депеши и отвѣчая на нихъ, немедля, какимъ-то особенно увѣреннымъ, рѣшительнымъ постукиваніемъ ключа...—Спалъ ли онъ въ эту ночь?..—Врядъ ли...—Странное смущеніе овладѣло ею, и она, шедшая сюда съ горячимъ протестомъ на губахъ, замерла въ неподвижности, ожидая, когда онъ кончитъ, не смѣя помѣшать ему.

Онъ кончилъ, откинулся на спинку стула и досадливыми жестомъ потеръ себѣ лобъ...

Вѣра, словно впервые, ясно разглядѣла этотъ энергичный профиль, эти, прямыми линіями сдвинувшіяся къ переносицѣ и приподнявшіяся на вискахъ,

брови... а главное—это выражение глубокой, почти безпомощной усталости...

„И зачѣмъ же душу бѣдную усталь смертная томитъ“...—неожиданно вспомнилась ей какая-то строчка изъ какого то, въ дѣствѣ читаннаго, стихотворенія.

Весь горизонтъ былъ затянутъ дымомъ; зарево пожарищъ еще боролось съ разгоравшейся зарей; вчерашній аэромобиль исчезъ, но вместо него надъ домомъ тихо рѣялъ воздушный корабль, осѣненный чернымъ флагомъ съ бѣлой звѣздой...

Страшная догадка мельнула въ ея головѣ...— „Сережа - Нибелунгъ“, „Баронъ“, „Тотъ, котораго ждали“, „Мститель“ (за Ригу?), „Повелитель царей воздуха“...

— Сергѣй Петровичъ,—проговорила она, слегка тронувъ его за плечо,—это вашъ корабль и вашъ флагъ?

— Да! Мой корабль и мой флагъ!—отвѣтилъ онъ такъ спокойно, такъ увѣренно, словно давно уже ждалъ этого вопроса, и, тяжело поднимаясь со своего мѣста, добавилъ, странно усмѣхаясь:—Судить пришли? Въ добрый часъ!

— Такъ и это ваше?—продолжала она, указывая на столбы дыма, вздымавшіеся надъ пожарищами, на тaborъ бѣглецовъ, расположившихся въ саду.

— Мое!..—и вдругъ, словно рѣшившись на что-то важное, рѣзко перемѣнилъ тонъ и заговорилъ со страстью и горечью:—А что же я могу сдѣлать? Или вы думаете, что побѣды даромъ даются? что борьба ничего не стоитъ?..—Мои истинные товарищи—всѣ, или почти всѣ, погибли въ бояхъ!.. Дай Богъ, насчитать десятокъ изъ тѣхъ, что донынѣ, съ полнымъ

правомъ, смыть назвать себя „Царями Воздуха“... Остальные—люфтскнехты и даже флибустьеры, которые съ восторгомъ спѣшатъ стать подъ мое знамя, но при условіи, что я... позволю имъ распорядиться съ побѣжденными по ихъ обычая... Откуда иначе могъ бы я собрать такую силу?.. Въ бою они слѣпо мнѣ повинуются и храбро дерутся... а послѣ побѣды— я закрываю глаза... утѣшаюсь мыслью, что... напримѣръ... Сызрань, въ случаѣ удачи, поступила бы съ Батраками едва ли не хуже, чѣмъ эта орда съ Сызранью...—Не судите строго, Вѣра Ивановна!— Насъ, странствующихъ рыцарей, осталось такъ мало, что мы уже не въ силахъ собственными средствами выполнять тѣ обязательства, которымъ поклялись служить...—И что-жъ?—Отказаться отъ мечты, когда осуществленіе ея кажется такимъ близкимъ? Признать ее несбыточной?—Но развѣ можно жить безъ мечты?— За нее, за смыслъ нашей жизни мы еще боремся, ради этого идемъ на компромиссы, ради этого якшаемся съ людьми, противъ которыхъ нѣкогда выступали, какъ противъ бандитовъ, съ оружиемъ въ рукахъ... пока были достаточно сильны для войны на оба фронта!.. Какъ это ни тяжело, нельзя не сознаться, что ряды наши все таютъ, что приходится или отказаться отъ мечты... или искать союзниковъ.—А гдѣ можно найти ихъ?—Конечно, не въ средѣ умѣренныхъ и аккуратныхъ!..

— А въ результатѣ—вы, предъ чимъ именемъ благоговѣютъ народы и склоняются ихъ повелители, вы прибыли въ этотъ домъ, вами же объявленный неприкосновеннымъ, для чего?—чтобы обезопасить его

отъ разгрома!—И чѣмъ?—личнымъ вашимъ присутствиемъ!.. Но если такъ, то кто же и кому служить? Кто и кому подчиняется?—Вся выгода на ихъ сторонѣ, а не на вашей!—Подъ вашимъ предводительствомъ они вполнѣ достигаютъ намѣченной ими цѣли, а вы... вы сами признались, что каждая такая побѣда—только отерочка вашего конечнаго пораженія...

— Такъ, такъ! Будьте безжалостны!.. Да вѣдь я и не прошу состраданія!..—рѣзко отозвался Сергѣй Петровичъ, съ дѣланно - беспечнымъ видомъ стараясь поудобнѣе усѣсться на перилахъ.—Говорите, говорите! Я слушаю...

— Сережа...—промолвила она, подходя къ нему,—зачѣмъ вы прячетесь въ свою скорлупу даже... отъ меня?.. Или не я, тайкомъ, провожала васъ, бѣжавшаго въ ряды „Нибелунговъ“?.. Тогда вы иначе думали, иначе чувствовали!.. Да, нѣтъ! Вы и теперь тотъ же, только не хотите признаться!..

— А какой толкъ былъ бы отъ такого признанія?..

— Старая люб... то-есть, я хочу сказать—старая дружба, которая, какъ говорятъ, не ржавѣеть...

— Нѣжныя чувства молодой вдовы? Издание второе, исправленное и дополненное?..—ѣдко разсмѣялся онъ.

— Обижать всегда—нехорошо, но такъ обижать—стыдно... Развѣ я виновата? Ваша гибель была официально удостовѣрена... отецъ такъ просилъ... хотѣлъ видѣть внуковъ... зачѣмъ же... такъ жестоко... такъ грубо...

VIII.

Детонаторъ.—Смутные слухи.—Ночной гость.—
Первый опытъ.

Хорошо, что широко выдвинувшись за края вышки парусинный навѣсъ скрывалъ ея внутренность отъ нескромныхъ взглядовъ „сверху“. Не будь этой парусины, что подумали бы сигнальщики корабля, гордо несшаго флагъ „бѣлой звѣзды въ черномъ полѣ“, какъ растерялись бы капитанъ и чины штаба, услышавъ ихъ докладъ? А если бы, по чьей-нибудь нескромности, безпроволочный телеграфъ разнесъ эту сплетню по свѣту? Что бы было!..

Взявшись за руки, они сидѣли вдвоемъ на узенькомъ и короткомъ камышевомъ диванѣ (на томъ самомъ, который Иванъ Дмитріевичъ послѣ обѣда находилъ необычайно тѣснымъ) и говорили... говорили, перебивая другъ друга, забывая только-что заданные вопросы, не требовавшіе отвѣта, заранѣе отвѣчая на еще невысказанныя мысли... Старыя башни замка и Царскій садъ въ Ригѣ, закоулки зданія политехнікума, гигантскія подземелья нibelунговъ, титаническая борьба въ воздушномъ океанѣ, краткое замужество, разгромъ родного города, флибустьеры, цари воздуха—обо всемъ надо было вспомнить и разсказать, по всякому поводу подѣлиться впечатлѣніями, и, какъ ни странно, они успѣвали это дѣлать, обмѣниваясь только короткими, отрывочными фразами.

— Ну, а теперь? что-жъ дальше? ты такъ и не сказалъ самаго главнаго!—спрашивала Вѣра.

— Что-жъ говорить?.. сама знаешь — крахъ моей мечты, а вмѣстѣ съ ней — крахъ жизни... Ты не можешь упрекнуть меня въ скрытности или недовѣріи...

— А я?..

— Ты?.. Или думаешь — въ роли сестры милосердія при живомъ покойнике?.. — Ну, нѣтъ! Я еще не такъ слабъ!.. — Помнишь, въ „Крейцеровой сонатѣ“ говорится, что человѣкъ умираетъ не потому, что въ него ткнулся какой-то глупый штыкъ, или попала пуля, или кирпичъ свалился ему на голову, а потому, что къ моменту проявленія этой, чисто вѣнчаней, причины его смерти „смыслъ жизни его изжитъ“... Ну, такъ и со мной...

— А если мечта осуществима, но ты былъ, просто... на невѣрномъ пути?.. Отречешься ли ты отъ нея?.. Да и въ правѣ ли ты остановиться на полупути?..

— Я не вижу пути... Впереди — глухая стѣна... и нѣтъ никакой дороги...

— А если я выведу тебя на эту дорогу! — Надо воевать не оружиемъ противъ оружія, а вырвать его изъ рукъ враждующихъ! — Если нечѣмъ будетъ сражаться — сраженіе станетъ невозможнымъ!.. Не „накулачки“ же будутъ драться?!

— Я не совсѣмъ понимаю...

— Постой! вотъ идетъ отецъ. — Онъ лучше меня сумѣеть разскажать въ чемъ дѣло. — Раньше онъ только смѣялся, а теперь работаетъ вмѣстѣ со мной (вѣдь я его ученица) и уже не смѣется, а только сердится, когда я слишкомъ размечтаюсь о томъ, чего „этимъ“ можно достигнуть...

— Это она и вамъ о своемъ „детонаторѣ“?—перебилъ профессоръ.—Все еще, батенька мой, въ періодѣ опытовъ. — Ничего опредѣленнаго сказать нельзя, хотя задумано неглупо...

— Какой „детонаторъ“? Никогда о немъ не слышалъ!

— Да и никто не слышалъ. Это—ея секретъ, ея тайна! но разъ она сама ее вамъ открыла, то я готовъ дать необходимыя разъясненія...—А ты бы распорядилась, Вѣрочка, чтобы простоквашу и землянику сюда принесли...

Профессоръ, видимо, хорошо выспался, былъ въ самомъ благодушномъ настроеніи и готовился прочесть лекцію. Помѣхой плавности изложенія являлся только поминутно трещавшій аппаратъ телеграфа, на которомъ его слушатель немедленно „выстукивалъ“ ответы, при чемъ, конечно, слушалъ въ пол-уха...

— Помните ли вы, что я говорилъ когда-то объ эфирной волнѣ?... Хотя и самъ эфиръ—только гипотеза.—За предѣломъ фиолетовыхъ лучей спектра мы имѣемъ химическіе лучи, на которые вовсе не реагируетъ тотъ несовершенный приборъ, который мы называемъ человѣческимъ глазомъ... Далѣе: открытие Рентгена и всѣ за нимъ послѣдовавшія... Все это—въ эфирѣ (хотя, повторяю, самъ эфиръ—только гипотеза!), но не въ той средѣ, грубо-матеріальной, поддающейся взвѣшиванію, измѣренію, въ которую мы погружены... Электричество—стъ тѣхъ поръ, какъ оно освободилось отъ узъ проводниковъ, со временемъ безпроволочного телеграфа и телефона...—Развѣ не ясно, что это тотъ же лучъ, та же волна нашего гипотети-

ческаго эфира?..—Иду дальше: детонація, моментальный цѣлостный взрывъ огромнаго количества нѣкотораго вещества, происходящій отъ взрыва по сосѣдству, относительно ничтожнаго, количества другого химическаго соединенія, способнаго вызвать эту детонацію...— Въ чёмъ дѣло?—Въ толчкѣ?—Нѣтъ! ибо прослойка воздуха—наилучшій изоляторъ, а металлическое соединеніе—проводникъ... Но вѣдь въ томъ-то и дѣло, что эфиру, въ его колебаніяхъ, мы придаємъ свойства металла, хотя и считаемъ его невѣсомымъ и всепроникающимъ!..

Неистовый трескъ телеграфнаго аппарата, энергично требовавшаго отвѣта, вовсе отвлекъ на нѣкоторое время вниманіе слушателя.—„Отстучавъ“ что-то, онъ поспѣшилъ завѣрить профессора, что не упустилъ ни слова, и просилъ продолжать.

— Не очевидно ли,—продолжалъ тотъ,—что свѣтовой, химической, электрической и детонирующей лучи—явленія того же порядка?.. Что достаточно направить на какое бы то ни было взрывчатое, т. е. малостойкое, химическое соединеніе соотвѣтственный лучъ, пропустить сквозь него волну (гипотетического) эфира соотвѣтственной длины — и оно разложится на составные элементы—дастъ взрывъ?.. Это—моя идея, за которую ухватилась Вѣра, рѣшившая создать приборъ, посылающій по желанію эфирныя волны, требуемой длины, вызывающія детонацію всякаго соединенія, способнаго детонировать, отъ чернаго пороха — до generator'a!

— И оказалось?..

— Какъ будто можно... На пути къ осуществле-

нію... Это — меня заинтересовало... Не понимаю только, чего она ликуетъ и кричитъ—„Конецъ войнѣ!“

— Папа!—промолвила Вѣра, появляясь на вышкѣ,— я побоялась, что здѣсь мы будемъ мѣшать Сергею Петровичу.—Телеграммы на него такъ и сыплются; на каждую надо отвѣтить...—Я приказала твою простоквашу и землянику подать на балконъ...

— Пожалуй, что такъ... это неглупо, — ворчаль профессоръ.—Еще потолкуемъ, когда освободитесь!—крикнулъ онъ, уже спускаясь по лѣстницѣ.

— Я нарочно ушла, чтобъ не мѣшать ему разсказать тебѣ все въ строгого научномъ стилѣ, — смѣялась Вѣра и вдругъ... забезпокоилась:—ты не вѣришь?

— Во что?

— Въ детонаторъ!.

— Еще одно усовершенствованіе въ дѣлѣ взаимоистребленія и—ничего больше...

— Да нѣтъ же! пойми: все взрывчатое можетъ быть взорвано! Чѣмъ же драться?.. Ну, напримѣръ,—Батраки. — Они позвали на помощь тебя съ твоими пушками и бомбами противъ воздушнаго флота Сызрани, готовившагося смести ихъ съ лица земли.—Но еслибы у нихъ былъ одинъ—только одинъ!—мощный детонаторъ, возвышающійся надъ городомъ, съ райономъ дѣйствія... скажемъ—50 верстъ?—Спокойно, не торопясь, они посыпали бы одинъ за другимъ разряды, взрывающіе въ этомъ районѣ generator, мелинитъ, кордитъ, пироксилинъ, порохъ... даже старый, еще монахомъ Шварцемъ изобрѣтенный, порохъ!.. Тутъ нѣтъ предѣла! Мнѣ чувствуется, что нѣтъ такого химического соединенія, которое нельзя было бы разложить

детонирующими лучемъ... Вода и та, при разложеніи, даетъ гремучій газъ, значитъ и она, теоретически, способна детонировать!..

— И, теоретически, можно взорвать океаны, а съ ними всю поверхность земли, — перебилъ ее Сергѣй Петровичъ, — на практикѣ же выйдетъ вотъ что: придетъ добрая толпа народа, вооруженная дубинами, и такъ какъ въ районѣ дѣйствія детонатора всякий револьверный патронъ, и тотъ будетъ взорванъ, и защищаться противъ нея будетъ нечѣмъ, то детонаторъ разнесутъ въ клочья, а затѣмъ прибудутъ, находившіеся вънѣ дѣйствія лучей детонатора, отряды, обладающіе полнымъ боевымъ снабженіемъ, и... сдѣлаютъ свое дѣло!

— Но если всѣ и повсюду...

— Вотъ, вотъ! Опять сказка про бѣлаго бычка! Да если бы возможно было достигнуть этого „всѣ и повсюду“, этого всемирного соглашенія, то войны давно бы ужъ не было! — Ну, какъ ты принудишь человѣчество утилизировать твой детонаторъ только въ интересахъ огражденія отъ насилия, а не какъ средство поработщенія? — Въ любой точкѣ земной поверхности, кто первый возьметъ палку въ руки, тотъ и будетъ командовать!..

Снова энергично затрещалъ аппаратъ.

— Ого! — воскликнулъ Сергѣй, только взглянувъ на ленту и поспѣшно „отстучавъ“ что-то въ отвѣтъ. — Прощай, Вѣра!

— Что такое? Враги? Откуда?

— Еще неизвѣстно, но, можетъ быть... Прощай!.. Впрочемъ, нѣтъ — до свиданья!.. Работай надъ дето-

наторомъ! Мнѣ пришла идея... Если моя мечта рухнетъ... Ну, да, послѣ!..

Что-то зашуршало по крышѣ — это была веревочная лѣстница, сброшенная съ воздушного корабля, парившаго надъ домомъ...

Прошло три мѣсяца.

Старый профессоръ, не покладая рукъ, работалъ со своей дочерью, то въ лабораторіи, то въ мастерской. Иногда, несмотря на всю свою любовь къ дѣлу, онъ даже ворчалъ, что не угоняться же ему за „дѣвичenkой“, которая въ два раза его моложе, что надо же ей имѣть уваженіе къ почтеннымъ годамъ „лаборанта“, но Вѣра ни о чёмъ и слушать не хотѣла.

— Что за горячка! — протестовалъ Иванъ Дмитріевичъ. — Поспѣшишь — людей насмѣшишь... Выгоритъ — дѣло такое, что весь міръ повернетъ наизнанку, если только... твоё изобрѣтеніе умные люди не догадаются похоронить вмѣстѣ съ нами...

— Ахъ, папа!.. Вѣдь ты едва проглядываешь газеты, ты — не отъ міра сего! А я вижу, что каждый день, каждый часъ дорогъ!.. Вѣдь „онъ“ сказалъ: — „Если моя мечта рухнетъ...“ — Значитъ — онъ повѣрилъ?..

— А ты и обрадовалась? — Много онъ понимаетъ! — бѣглый студентъ, неокончившій курса!.. Ну, ну! не сердись! — добавлялъ онъ примирительнымъ тономъ. — Не понимаю, на кой чортъ тебѣ какой-то дѣтонаторъ, когда сама ты отъ одного слова взрываешься...

— Если бы ты отнесся внимательно къ тому, что пишутъ...

— Бумага все терпитъ!..

А писали, дѣйствительно, много странного.

Во-первыхъ (приводя примѣры), указывали, что во многихъ случаяхъ, на призывъ угнетенныхъ, вмѣсто „Царей Воздуха“ являются самые заурядные флибустьеры, и что отъ такой обороны—упаси Богъ!.. что если вмѣстѣ съ ними являются отряды люфтскнектовъ, такъ надо радоваться, потому что эти послѣдніе всегда готовы наняться на службу къ тому, кто больше дастъ, но зато свято блoudутъ подписанніе на извѣстный срокъ контракты, а не грабятъ всякого, кто подвернулся подъ руку... Писали еще, что давно ужъ никто не видѣлъ корабля подъ флагомъ „бѣлой звѣзды въ черномъ полѣ“, что „онъ“ устранился...—Потомъ пошли вѣсти еще хуже—говорили, что флаговъ этого образца появилось множество, но что они вовсе не означаютъ собою личнаго присутствія „Непобѣдимаго“, а являются просто фальсификаціей... Въ прежнее время такихъ самозванцевъ не было, потому что „онъ“ уничтожалъ ихъ съ безощадностью, заставлявшей трепетать сердца самыхъ отчаянныхъ бандитовъ...

И, одни со страхомъ, другие, не смѣя вѣрить радостной вѣсти, спрашивали: „Не погибъ ли онъ?“

— Только и жили мы упованиемъ на его могущественную поддержку!—думали слабые...

— Если „его“ нѣтъ больше—съ остальными легко управимся!—ликовали тѣ, чьи аппетиты до сихъ поръ сдерживались „его“ незримымъ контролемъ...

Но Вѣра не допускала подобной мысли. Ей такъ ярко вспоминалось ихъ прощанье, когда онъ уже

ухватился за веревочную лѣстницу, брошенную съ воздушного корабля, а она пыталась сберечь его для себя, удержать словами:

— Опять въ бой! Когда-жъ это кончится?..

— Не бойся за меня!—крикнулъ онъ, подымаясь все выше и выше.—Талисманъ на мнъ! Тотъ крестикъ—помнишь?—„спасаетъ и хранитъ!..“

Жаркая, душная ночь конца іюля была особенно темна. Низкія, дымныя тучи заволокли безлунное небо, и сквозь толщу ихъ не въ силахъ было прорваться робкое мерцаніе звѣздъ.

Вѣра только что улеглась въ постель, усталая, но довольная. — Огромный детонаторъ былъ готовъ. — Оставалось только собрать его и... испробовать.—Но какъ?—Если безъ предупрежденія—все кругомъ полетитъ на воздухъ, такъ какъ не было дома, въ которомъ не хранилось бы оружія, не хранилось бы взрывчатыхъ предметовъ... Предупредить?—Не разнесутъ ли ихъ домъ раньше, чѣмъ они успѣютъ собрать свой аппаратъ?..

Что-то,—или кто-то,—легонько застучало по оконному стеклу...

Молодая женщина привычнымъ жестомъ вынула изъ-подъ подушки револьверъ и, не зажигая огня, стала прислушиваться...

Въ комнатѣ было все же темнѣе, чѣмъ въ саду, и четыреугольникъ окна со спущенной на немъ легкой шторой обозначался довольно явственно, что давало ей значительное преимущество, въ случаѣ нападенія извнѣ.

Стукъ повторился. — Кто-то осторожно отбивалъ (по телеграфной азбукѣ) ея имя—„Вѣра! Вѣра!..“

— Кто тамъ, и что нужно?—отвѣтила она тѣмъ же способомъ, стуча рукояткой револьвера по ночному столику.

— Безъ свѣта. — Опасно. — Осторожно открой окно.—Впусти твоего Сергея.

Вѣра проворно набросила на плечи приготовленный на утро купальный халатъ и, не выпуская изъ рукъ вѣрнаго браунига, неслышными шагами подошла къ окну.—Въ узкій просвѣтъ между занавѣской и косякомъ она увидѣла высокую, черную стѣну деревьевъ сада, и надъ ними—чуть посвѣтлѣе—полоску неба, задернутаго тучами, среди которыхъ мигала одинокая звѣздочка...

— Слишкомъ странно...—отстучала она уже по рамѣ окна.

— Не медли.—Вспомни крестикъ—„спаси и сохрани“.

Сомнѣнія исчезли. — Окно пріоткрылось. — Кто-то ловкій, какъ кошка, скользнулъ въ него, на мгновеніе запутался въ занавѣсѣ и очутился рядомъ съ ней.

— Слушай!—заговорилъ онъ, даже не поздоровавшись.—Я боялся навлечь подозрѣніе на вашъ домъ, и вотъ почему „такъ странно“. Скажу въ двухъ словахъ:—ты была права. Эти негодяи вообразили, что я у нихъ на службѣ. Долго смотрѣлъ сквозь пальцы. Но есть границы. Сама идея дискредитировалась. Покрывать своимъ именемъ ихъ безчинства...—не могъ! Рѣшилъ примѣнить строгость. Должно быть—поздно. Возмутились. Предательское нападеніе. Какъ дрались

наши!.. Почти всѣ погибли... Симицу и его двойникъ—Икеда, Петровъ, Снѣжинскій, Сарміенте, Волькенъ, Османъ, Лятуръ, Фернандецъ, Сунъ, Багадуръ, Штейнбахъ—всѣ, всѣ... на моихъ глазахъ!.. Только мы троє—Ванъ-Дрюйеръ, Джигитъ и я—прорвались къ „Медвѣдицѣ“ (мой корабль), овладѣли имъ и успѣли взлетѣть... Джигитъ—серъезно раненъ; на Ванъ-Дрюйерѣ — живого мѣста нѣтъ, но ему—все ни-почемъ...—Досталось же имъ!—не многіе могутъ хва-литься побѣдой!..—На каждого изъ настѣ пришелся добрый десятокъ, если не больше!.. Буду спраше-дливъ—и они въ открытой схваткѣ лицомъ въ грязь не ударили! Подобрали головорѣзовъ!..

— Но ты?..

— Ну, я — „заговоренный“! Это — всѣмъ извѣ-стно!... Впрочемъ, къ дѣлу! къ дѣлу!—нельзя терять времени!—Насъ травятъ, какъ хищныхъ звѣрей, всѣ—и бывшіе подданные, и союзники, и старые враги... Меня ждутъ. Промедленіе можетъ стоить имъ жизни... Даже хуже—крушенія послѣдней мечты...—Отвѣчай коротко и опредѣленно:—Готовъ ли твой детонаторъ?

— Готовъ.

— Очень громоздко? Можно ли установить на „Медвѣдицѣ“?

— Вполнѣ! даже на аэромобилѣ!

— Успѣете ли за сутки, своими средствами, все собрать, уложить, приготовить къ погрузкѣ?

— Конечно!

— Уговори отца. Скажи ему (это правда), что флибустьеры Гималаевъ собираются захватить его, чтобы онъ работалъ только для нихъ. Съ моимъ па-

деніемъ—ваша неприкосновенность—миѳъ. За вами уже слѣдятъ, выбираютъ удобный моментъ. По счастью, кажется, они слишкомъ самоувѣрены и не торопятся. Эта ночь—наша. Что будетъ завтра—не поручусь, но, если они дадутъ намъ отсрочку еще на сутки, они должны найти гнѣздышко опустѣлымъ.—Поняла?—Завтра ночью, на вышкѣ!—И чтобы никто ничего не могъ заподозрѣть!—За профессора я не боюсь—этотъ умѣетъ молчать... Такъ?

— Такъ. Будь спокоенъ. Догадываюсь, а что дѣлать—хорошо поняла.

— До свиданья! меня ждутъ...

— Минутку!..

— Ни секунды!.. Насъ спасли только тучи... форменная облава! .

— Да нѣтъ же!—сердитымъ шепотомъ отозвалась Вѣра.—Или ты думаешь, что я собираюсь задерживать, губить тебя ради нѣжныхъ словъ?..

Она рѣшительно отстранила его, скользнула за занавѣску, пріоткрыла окно и, зорко взглядываясь во тьму ночи, чутко прислушивалась...

Невозмутимая тишина царила кругомъ. — Все спало.—Листъ не шевелился.—Было душно, и въ то же время въ лицо вѣяло прохладой, какъ бываетъ передъ грозой.—Ароматъ сиѣлыхъ плодовъ и блекнущей зелени туманилъ голову.—Было такъ тихо, что, облокотившись на подоконникъ рядомъ съ ней, онъ слышалъ біеніе ея сердца...

— Кажется, дорога свободна...

— Дорога... къ счастью!.. Вѣдь, если, Вѣра, намъ удастся?.. если мечта осуществится, и мы вер-

немся на умиротворенную землю?.. не будетъ ли это разрѣшеніемъ всѣхъ клятвъ и обѣтовъ?.. и, можетъ быть, тогда, ты согласишься быть мнѣ... больше, чѣмъ старымъ другомъ?..

— Не время, не время теперь думать о себѣ...— протестовала она, смущенная этой близостью, словно, сейчасъ только сообразивъ, что стоитъ рядомъ съ нимъ босая, въ одной рубашкѣ и купальномъ халатѣ, наскоро наброшенномъ на плечи...—Иди! иди! тебя ждутъ!..

Онъ давно уже скрылся во мракѣ, сгустившемся подъ сѣнью деревьевъ сада, а она все еще пытливо взглядывалась во тьму и напрягала слухъ, стараясь уловить, не прогремитъ ли гдѣ-нибудь отдаленный выстрѣлъ, не донесется ли глухой раскатъ взрыва брошенной бомбы...—Она поняла, изъ полусловъ, что тамъ, подъ крутымъ яромъ высокаго берега, куда и днемъ-то не всякий рѣсался пробраться по едва намѣченной тропинкѣ надъ самой стремниной, тамъ онъ долженъ былъ подать свой сигналъ—призывъ „Медвѣдицы“, скрывавшейся въ низко - нависнувшихъ тучахъ...

Она ждала долго... пока не забѣлѣлъ востокъ...

Ничего тревожнаго, ничего подозрительнаго...

Темная ночь не выдала своей тайны..

Счастье какъ будто улыбнулось.—Съ утра зарядилъ мелкій осенний дождь, которому, какъ говорится,—„конца не было видно“.—Правда, что, изъ-за ненастія, прислуга особенно усердно толкалась по

дому, мѣшала незамѣтно укладываться, собирать вещи...—но это было неважно по сравненію съ надеждой на успѣхъ самого предпріятія.

Совершенно неожиданно, труднѣе всего оказалось одолѣть упорство старого профессора, который требовалъ „всесторонняго обсужденія вопроса“, возмущался „горячкой“ и высказывалъ готовность лучше погибнуть подъ развалинами своей лабораторіи, нежели поступить опрометчиво. Только благодаря врожденнымъ дипломатическимъ способностямъ, удалось Вѣрѣ убѣдить его (да, и то къ вечеру), что никто не навязываетъ ему своихъ идей, но въ данныхъ обстоятельствахъ самъ онъ, путемъ логического мышленія, давно уже пришелъ къ тому выводу, который она своимъ женскимъ чутьемъ угадала раньше, чѣмъ онъ успѣлъ его точно формулировать.

По обычаю отпивъ вечерній чай, нѣжно распрошались и разошлись по своимъ комнатамъ, туша по дорогѣ лишніе огни. Горничная, Маня, еще погремѣла нѣкоторое время посудой, но потомъ и она ушла на кухню, гдѣ была встрѣчена недовольной воркотней дородной, любившей рано ложиться спать, кухарки:—„Угомонъ тебя не береть! не набѣгалась за день-то?.. завтра варенье варить!—смотри не отлынивай—„самому“ пожалуюсь!—Ну, ну! спи, что-ли!“

Дѣйствительно, вскорѣ же скромная усадьба со всѣми ея службами, какъ казалось, погрузилась въ глубокій сонъ.

Но это только казалось.

Въ глубокой тѣмнѣ спѣшно грузилась прильнувшая къ крылѣ дома „Медвѣдица“.

Работали, какъ въ лихорадкѣ, изрѣдка обмѣниваясь отрывочными замѣчаніями, вполголоса... Такимъ досадно-громкимъ казалось жужжаніе моторовъ, поднимавшихъ тяжесть... хотя, въ дѣйствительности, за шумомъ дождя, самое тонкое ухо не могло бы обнаружить ихъ присутствія даже на разстояніи нѣсколькихъ саженъ...

Спокойнѣе всѣхъ былъ Сергѣй, естественно, принявшій на себя роль руководителя. Это ему пришла идея не просто грузить части „детонатора“, а сразу ставить ихъ на мѣсто, пользуясь приспособленіями, служившими для безпроволочного телеграфа, „который всегда можно было возстановить“, если не завтра, такъ черезъ день—два... „вѣдь это—не къ спѣху“...

Спорить не приходилось.

Къ тремъ часамъ ночи все было кончено, и „Медведица“ уже тихо взмыла кверху, когда Джигитъ, стоявшій на вахтѣ, неожиданно задержалъ ея полетъ и, указывая внизъ, промолвилъ: — „Смотри, пожалуйста!“

Тихая усадьба была окружена какъ бы кольцомъ все сближающихся, блѣдныхъ огоньковъ, надъ которыми, временами закрывая ихъ, рѣяли какія то тѣни...

Профес sorъ и Вѣра ничего не понимали, но для старого воздушнаго волка не было сомнѣній.

— Во время выбрались... — заворчалъ Ванть-Дрюеръ.—Колпакъ строятъ, но опоздали!

— Вотъ случай испробовать нашъ детонаторъ!—сказалъ „онъ“, и въ тонѣ его голоса прозвучало что то такое неумолимое, что даже привычные, и тѣ вздрогнули...—Можетъ онъ дѣйствовать?

— Конечно, можетъ... — не сразу, нерѣшительно отозвалась Вѣра.

— Поставь его на малую дистанцію...

— Ну, вотъ! ну, вотъ! это я понимаю!.. это — опытъ! — радовался профессоръ, перегибаясь черезъ фальшъ-бортъ и протирая стекла очковъ, чтобы лучше видѣть.

— Готово?..

Никто не отвѣтилъ...

Повернулась рукоятка, и — рядъ одновременныхъ, грому подобныхъ, взрывовъ, сопровождаемыхъ криками ужаса, нарушилъ безмолвіе ночи... Зарево, грозное, какъ молнія, на мгновеніе охватило небо... Потомъ все стихло... Только, тутъ и тамъ, на поверхности земли, слабо теплились и чадили какие то костры — это догорали обломки...

Блѣдные огоньки заметались... Казалось, они спѣшили къ этимъ кострамъ, изъ пламени которыхъ, неслышные здѣсь, на высотѣ, неслись стоны искалѣченныхъ, заживо сгорающихъ людей...

— А, ну-ка! поставь на „порохъ“!

— Поставлено... — отвѣтила Вѣра, сама холода отъ ужаса...

Опять повернулась рукоятка, и — тысячи мгновенно вспыхнувшихъ огоньковъ явственно обрисовали то кольцо, окружавшее усадьбу, которое до того едва намѣчалось... Это — рвались патроны ружей и револьверовъ ландскнехтовъ, только что бывшихъ свидѣтелями гибели ихъ воздушныхъ собратій.

Отсюда, съ высоты, можно было лишь догадываться о томъ, что происходитъ тамъ...

— Исправно дѣйствуетъ! — прозвучалъ во тьмѣ „его“ торжествующій голосъ.—На сегодня хватить!— Полный ходъ!—Завтра обсудимъ! — Завтра — начало войны противъ оружія!..

IX.

Грозное предупрежденіе.—Паника.—„Красный Крестъ“. — На развѣдку.—Завѣщаніе стараго профессора.

Слухъ о происшествіи на берегу Волги съ быстрою молніи облетѣлъ свѣтъ и повсюду, въ самыхъ глухихъ углахъ, вызвалъ необычайное волненіе. Судили о немъ разно, въ зависимости отъ того, кто выступалъ въ роли судей.

— Исполнились времена и лѣта, ихъ же Господь положи во власти своей!.. Покайтесь! Покайтесь!—взывали одни.

— Горе роду сему! Народился антихристъ! Народился!—проповѣдывали другіе.

— Конецъ царству зла! Близится царствіе Божіе! Десница Его простерлась надъ нами! Се женихъ грядетъ въ полуночи устроить новый Іерусалимъ и новую землю!—пророчествовали третью.

— Если это не роковое совпаденіе случайностей, но сознательное выступленіе съ новымъ, еще невѣдомымъ, оружіемъ въ рукахъ, то зѣвать нельзя! Надо изыскивать мѣры!—говорили люди спокойные и уравновѣшенные.

Но какія мѣры?.. И противъ чего?..

Несомнѣннымъ являлся только фактъ полнаго разгрома и сухопутнаго, и воздухоплавательнаго отрядовъ, собиравшихся захватить стараго профессора, оцѣлившихъ его усадьбу со всѣхъ сторонъ, а сверху „накрывшихъ ее сѣткой“.

Что, именно, произошло? — Если истребленіе воздушныхъ кораблей еще можно было объяснить тѣмъ, что „сѣтка“ была „перекрыта“ другой, еще болѣе могущественной (хотя, откуда бы ей взяться?), то, во всякомъ случаѣ, сцены, разыгравшіяся на поверхности земли, не поддавались никакому разумному tolко-ванію!..

Немногіе оставшіеся въ живыхъ, искалѣченные люди единогласно утверждали, что не только не видѣли врага, но даже и не были подъ его огнемъ, что это — ихъ собственные ружья и револьверы стрѣляли! что патроны, заряды, снаряды — сами рвались въ ящикахъ, въ сумкахъ, даже... въ рукахъ!..

— Просто, прозѣвали и теперь сваливаютъ на какую-то чертовщину! — говорили скептики.—Пощупать бы хорошенько обитателей усадьбы, можетъ быть и открылась бы истина!

И ихъ „пощупали“...

(Тяжело сознаться, но „изъ пѣсни слова не выкинешь“. — Невѣроятный расцвѣтъ прикладныхъ наукъ, во главѣ которыхъ стояла наука взаимоистребленія, до такой степени понизилъ цѣну человѣческой жизни и человѣческаго страданія, что суды того времени охотно примѣняли давно-забытый „допросъ съ пристрастіемъ“).

Но что могли сказать люди, которые ничего не знали? — Подъ самыми жестокими пытками они могли только плести разный вздоръ, обвиняя себя и другихъ въ какомъ-то фантастическомъ сообществѣ, надѣясь этимъ способомъ избавиться отъ мученій, добиться, все равно не минуемой, но хотя бы скорой, смерти...

Прошло нѣсколько дней, и новыя вѣсти еще болѣе грозныя, еще болѣе смутныя, заволновали муравейникъ, коношившійся на поверхности земли...

Всѣ растерялись...

Сначала власти пробовали скрывать, потомъ, убѣдившись, что это невозможно, наоборотъ—стали широко распространять дикое извѣстіе, опровергая, доказывая его нелѣпость, даже смеясь надъ дерзкой мистификацией...

Никто не зналъ:—вѣрить или не вѣрить?..

Никто не зналъ:—что дѣлать?..

Въ теченіе двухъ недѣль всѣ главнѣйшія станціи мірового телеграфнаго агентства получали отъ неизвѣстнаго корреспондента (очевидно „сверху“) ниже-слѣдующее сообщеніе:

„Воздушный корабль, окрашенный въ бѣлый цвѣтъ и на бортахъ имѣющій изображеніе краснаго креста, снабженъ приборомъ, дѣйствующимъ на разстояніи свыше 30 миль, который Мы назвали „детонаторомъ“. — Дѣйствіемъ этого прибора въ указанномъ районѣ могутъ быть взорваны всѣ запасы веществъ, способныхъ взрываться. — Предлагаемъ немедленно освободиться отъ таковыхъ, ибо поставили себѣ задачей — уничтоженіе ихъ по всему лицу земли, почему самое сосѣдство съ ними отнынѣ является крайне опаснымъ.—

Срокомъ выполненія Нашего требованія назначаемъ 1-е сентября“.

Было надѣ чѣмъ задуматься!

Если это не мистификація (какъ знать?), то не покориться, значило бы погибнуть... А если мистификація? да еще съ вѣдома сосѣда, только и выжидавшаго момента, чтобы броситься на разоружившагося простака?

Переполохъ былъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, всесвѣтный...

Катастрофа, разразившаяся при атакѣ Пантелеевки, какъ будто, давала довольно яркое подтвержденіе основательности угрозы, но... для всей земли?..—Казалось—несбыточно!..

1 сентября появилось новое сообщеніе:

„Срокъ, Нами назначенный, Мы рѣшили продолжить. — Многіе еще колеблются, совѣщаются, не вѣрятъ Нашему могуществу, выжидаютъ событій. — Изъ чувства состраданія къ человѣчеству, ужасаясь мысли о каждой каплѣ крови, пролитой по недоразумѣнію или въ запальчивости,—даемъ вамъ отсрочку до 15 сентября, послѣ чего „детонаторъ“ начнетъ свою работу, и — горе тѣмъ, кто окажется въ числѣ непокорныхъ!“

Эта телеграмма имѣла дѣйствіе, обратное тому, на которое разсчитывали ея отправители.—Всѣ разувѣрились, и даже урокъ Пантелеевки вспоминали, какъ анекдотъ...

Если можно такъ выразиться, весь міръ покатился со смѣху.

Не смѣялись только разоружившіеся простаки, ко-

торыхъ болѣе осмотрительные сосѣди немедленно же взяли „подъ свою высокую руку“...

Слѣдующія двѣ недѣли были какимъ-то всесвѣтнымъ карнаваломъ, въ которомъ приняли дѣятельное участіе всѣ „власть имущіе“.

Сотрудники юмористическихъ журналовъ зарабатывали хорошия деньги, изощряя свое перо, кисть и карандашъ въ рассказахъ и карикатурахъ на тему о томъ, какъ „хвалилась синица море зажечь“. — Подъ конецъ это даже надоѣло...

Немногіе изъ сильныхъ и великихъ, мирно засыпая вечеромъ 14 сентября, помнили, что завтра — „пятнадцатое“!..

Если кто и думалъ обѣ этомъ, то развѣ тѣ, у кого не только бомбы, магазиннаго ружья или доброго браунинга, но даже самаго плохонѣкаго револьвера, и то не находилось въ домѣ, такъ какъ все, имѣющее цѣнность, давно было продано или заложено...

„Пятнадцатое“ наступило.

„Человѣколюбія ради, Мы начинаемъ свою дѣятельность съ южнаго полушарія, гдѣ теперь весна, и гдѣ люди, оставшіеся безъ крова по своему неразумію, не подвергнутся напраснѣмъ лишеніямъ.— Но (на все свое время) ждите насъ и въ сѣверномъ, и въ болѣе высокихъ широтахъ того и другого“.

Такова была радиограмма, полученная въ ночь на 15 сентября.

Власти (отъ правителей государствъ до исправниковъ), прочитавшія ее, сначала только разсмѣялись, но когда слѣдомъ за ней стали получаться другія изъ разныхъ точекъ земной поверхности, намѣчавшихъ

собою какъ бы дугу большого круга, по которому двигалось нѣчто стихійное и начинавшіяся словами: „Все взорвано...“ — „Безпричинный взрывъ...“ — „Адское злоумышленіе...“ — „Повидимому, изверженіе вулкана...“ — „Страшное землетрясеніе...“ и т. п.—они перестали смеяться...

Люди, заснувшіе наканунѣ въ самомъ безпечномъ настроеніи, пробуждались въ паническомъ ужасѣ.

Одни взывали о помощи къ властямъ, принявшимъ на себя обязанность огражденія ихъ неприосновенности; другіе пытались такъ или иначе избавиться отъ хранившихся у нихъ взрывчатыхъ веществъ; иные просто бѣжали въ мѣста, гдѣ не могло грозить близкое съ ними сосѣдство...

Паника достигла своего предѣла, когда стало известно, что люфтскнхты повсемѣстно отказываются отъ выступленія противъ таинственного врага и объявляютъ контракты нарушенными, указывая на „force majeure“, такъ какъ это, несомнѣнно, „онъ“. Бороться же съ „нимъ“—безнадежно!..

А зловѣщія телеграммы все приходили одна за другой, оповѣщающая о разгромѣ богатыхъ, сильно укрѣпленныхъ пунктовъ, заставляя трепетать обывателей, имъ подобныхъ, еще уцѣлѣвшихъ, возбуждала въ нихъ зависть къ жителямъ беззащитныхъ деревень, гдѣ нечemu было взрываться...!

А безпроволочный телеграфъ неустанно разносилъ по лицу земли таинственный призывъ:

— „Разоружайтесь, немедля! Насталъ часъ исполниться словамъ Его: „Подъявшій мечъ—отъ меча погибнетъ...“

Выбора не было.

Всё спешили разоружиться...

Время шло, а „онъ“ все рѣялъ надъ землей, посылая въ пространство волны, излучаемыя его единственнымъ аппаратомъ... И чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже приходилось наблюдать эффеクトъ взрыва, вызываемаго ихъ дѣйствіемъ... Еще немногого—и можно было бы надѣяться, что люди разучатся изготавливать взрывчатыя вещества, забудутъ объ этомъ средствѣ взаимоистребленія, которое превратилось въ средство самоистребленія...

— Чѣмъ они живы? Гдѣ пополняютъ свои запасы?—спрашивали умные люди.—Правда, что мѣста на землѣ много—каждаго уголка не осмотришь—но если бы удалось разыскать и разорить ихъ, эти самыя гнѣздашки...—Вѣдь, пришлось бы имъ закрыть лавочку!..

Но этого никакъ не удавалось, и виною тому было...—какъ бы сказать?—суевѣrie, что-ли, самыхъ отчаянныхъ вождей люфтскнхтсовъ и флибустьеровъ, которые рѣшительно отказывались идти противъ „него“, а что это былъ „онъ“—въ этомъ для нихъ не было сомнѣнія.

— Попробовали какіе-то дурни „имъ“ командовать—и получили по заслугамъ!—говорили они.—Сунулись уничтожить, и, кажется—чего бы легче—у себя дома, предательски...—Что-жъ вышло?—Ушелъ, перемѣнилъ пріемъ.—Вотъ и все.—И развѣ сейчасъ живъ хоть одинъ изъ тѣхъ, что осмѣлились возстать?—Ни единаго!..

Противъ такого довода людямъ, привыкшимъ покупать свою безопасность цѣною золота, но никогда не рѣшавшимся самимъ глянуть въ лицо смерти, а тѣмъ болѣе ихъ приспѣшникамъ, которые, взывая къ доблести и мужеству согражданъ, трусливо прятались за ихъ спины,—противъ такого довода возразить имъ было рѣшительно нечего...

Не самимъ же было идти въ первую голову, какъ нѣкогда сдѣлалъ „Король Нибелунговъ“?..

Воздушный корабль „Красный Крестъ“ не былъ невидимкой.

Выполнивъ свое назначеніе, онъ часто пролеталъ вторично надъ „обезвреженной“ мѣстностью, держась такъ низко, что всѣ могли его видѣть, всѣ могли посыпать ему свои проклятія или благословенія... Послѣднихъ было больше первыхъ ровно во столько же разъ, во сколько до его появленія угнетаемыхъ было больше угнетателей.

Кое-кто (люди рѣшительные) думали использовать этотъ обычай, но нашлись и такие, самоотверженные, которые, не страшась грозившей имъ (и своевременно постигшей ихъ) лютой казни, послали, по безпроволочному телеграфу, предупрежденіе: — „Остерегайтесь встрѣчныхъ. Васъ будутъ таранить. Такъ рѣшено. Люди найдутся“.

Съ той поры „Красный Крестъ“ сталъ осторожнѣе.

Казалось бы, что при новомъ положеніи дѣлъ, когда избитый возгласъ — „Руки вверхъ!“—потерялъ силу, такъ какъ, за отсутствиемъ бомбъ и револьве-

ровъ, доброму кулаку, дубинѣ или ножу всегда можно было противопоставить нѣчто равнозѣнное, имѣющееся въ домашнемъ обиходѣ любого гражданина міра,— самочувствіе обитателей поверхности земли должно было бы основой своей имѣть глубокую увѣренность въ личной неприкосновенности. — Вѣдь каждый могъ постоять за себя! — Человѣкъ становился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, и никто не имѣлъ власти, сидя у себя дома, въ полной безопасности, распоряжаться уничтоженіемъ враговъ, которыхъ никогда не видѣлъ!..

На дѣлѣ вышло иначе. — Господствующимъ чувствомъ оказался страхъ и неувѣренность...

Почему? — Можетъ быть потому, что никогда такъ называемое „общественное мнѣніе“ не создавалось самими массами, но было лишь отголоскомъ настроенія, господствовавшаго въ небольшой, сравнительно, группѣ руководителей этихъ массъ, пользовавшихся правомъ говорить отъ ихъ имени. — Пугалось правительство, — казалось, что перепугался весь народъ; деревенскій староста униженно кланялся становому — вѣрили, что это „міръ“ членомъ бѣсть... — Теперь террористы почувствовали, что орудіе террора вырвано изъ ихъ рукъ и... растерялись.

А такъ какъ печать, которую незаслуженно величаютъ выразительницей общественного мнѣнія, была въ ихъ рукахъ, то она, вѣрно отразивъ въ себѣ „ихъ“ перепугъ, и создавала впечатлѣніе какой-то паники, охватившей весь міръ. — Въ дѣйствительности этой паники не было; въ дѣйствительности среди инертныхъ массъ росло и крѣпло сознаніе, что только тру-

дящійся имѣть право на жизнь и ея блага, притомъ по мѣрѣ труда своего...

Бывали случаи, что досужимъ туристамъ, залетѣвшимъ въ какое-нибудь селеніе, въ обмѣнъ на яйца, овощи, молоко и куръ, предлагали прибраться въ хлѣву, наколоть дровъ на завтра, вообще, сдѣлать какую-нибудь работу, но отъ денегъ отказывались, заявляя, что изъ нихъ „ни шубы не сошьешь, ни щей не сваришь“...

Было отчего растеряться!..

И тѣмъ неукротимъ, тѣмъ выше вздымалась волна ненависти противъ самозванныхъ переустроителей тысячелѣтіями освященнаго порядка.

— Погубить ихъ какою бы то ни было цѣною! — вотъ было завѣтное желаніе тѣхъ, у кого шагъ за шагомъ, день за днемъ, власть ихъ, считавшаяся непотъемлемой, выскользывала изъ рукъ...

— Что-жъ, дѣти мои? — говорилъ старый профессоръ, обращаясь къ немногочисленному (всего четыре человѣка) экипажу корабля. — Вѣдь за время трехъ послѣднихъ кругосвѣтныхъ рейсовъ, куда ни посылали мы самые могучіе разряды детонатора, — нигдѣ ни одного взрыва! Не закончена ли первая часть нашей программы? Не пора ли спуститься на землю и сдѣлать тайну детонатора достояніемъ человѣчества?..

Непосильная работа (онъ съ непобѣдимымъ упрямствомъ несъ службу наравнѣ съ другими) замѣтно подорвала и его желѣзное здоровье. За послѣдній годъ онъ постарѣлъ лѣтъ на десять... Конечно, кромѣ тяжелой вахтенной службы и связанного съ ней пере-

утомлениі, немалую роль сыграло и скудное питаніе (кормиться приходилось исключительно консервами).

Сергѣй, этотъ бывшій „повелитель царей воздуха“, въ предвидѣніи катастрофы, еще задолго до нея и при содѣйствіи только старыхъ боевыхъ товарищѣй, на которыхъ могъ положиться, какъ на самого себя, въ наиболѣе затерянныхъ, уединенныхъ точкахъ земного шара, устроилъ склады „neo-generatorа“, сѣст-ныхъ припасовъ и всего необходимаго. Ими они и жили... Рѣдко, очень рѣдко, удавалось полакомиться тѣмъ, что моряки далекаго прошлаго называли „свѣжей провизіей“. Полученіе ея являлось результатомъ либо удачной охоты и сбора плодовъ въ какой-нибудь вовсе необитаемой мѣстности, либо—посѣщенія такого захолустья, на которое самые предпримчивые люди еще не обращали своего вниманія, и гдѣ жители не вѣдали о принудительномъ всесвѣтномъ бойкотѣ „Корабля Краснаго Креста“...

— Что вѣрно, то вѣрно!—отозвался Ванъ-Дрюйеръ, давно въ тайнѣ мечтавшій о кружкѣ свѣжаго марковскаго пива. — Пора бы справиться, что изъ этого вышло!..

По зреѣлому обсужденію рѣшили, однако, что прежде всего необходимо именно „справиться“, произвести развѣдку. Средства для этого, какъ оказывается, имѣлись.

На безымянномъ островкѣ въ южной части Индійскаго океана, близъ острова Гэрдъ (шир. $46^{\circ} 30'$ южн., долг. 75° вост.), въ кратерѣ потухшаго вулкана былъ спрятанъ Сергѣемъ его быстроходный аэромобиль, тотъ самый, на которомъ онъ сдѣлалъ свой первый визитъ въ усадьбу профессора.

Къ нему-то и направилъ свой полетъ „Корабль Краснаго Креста“.

На картахъ всего свѣта январская изотерма, проходящая черезъ островъ, отмѣчена +4° С (а вѣдь январь южнаго полушарія — это іюль съвернаго!), по вѣ глубинѣ кратера — вѣроятно, потому, что дѣятельность вулкана не угасла окончательно — температура была значительно выше, и на плодородной почвѣ, со всѣхъ сторонъ укрытой отъ вѣтровъ, развилась, какъ вѣ теплицѣ, богатая растительность субъ-тропического пояса. Свѣту для нея было достаточно, такъ какъ вѣ гигантскую воронку кратера посыпало свои лучи яркое солнце 46-градусной широты.

Вѣ этомъ райскомъ уголкѣ, гдѣ не было ни хищнаго звѣря, ни злого человѣка, воздушный гигантъ, вынужденный временно прекратить свою дѣятельность (изъ-за недостатка экипажа), нашелъ себѣ надежный пріютъ, а легкій аэромобиль отправился на развѣдку.

Относительно выбора самихъ развѣдчиковъ большихъ споровъ не было. Профессоръ явно не подходилъ; Вѣра предложила свои услуги, но даже не рѣшилась протестовать, когда онѣ были категорически отвергнуты; Ванъ-Дрюйеръ... — но типичная фигура дюжаго голландца, никогда и нигдѣ нескрывавшагося, былаувѣковѣчена вѣ столькихъ иллюстраціяхъ и карикатурахъ, что ни вѣ какомъ захолустѣ онѣ не могъ бы сохранить своего инкогнито... Оставались: Дживитъ, которому на его родномъ Кавказѣ можно было бы легко подыскать сотни двойниковъ, да Сергѣй, всегда окружавшій себя такой таинственностью, что только немногіе изъ его ближайшихъ подчиненныхъ (а боль-

шинства изъ нихъ уже не было на свѣтѣ) могли бы признать его въ случаѣ неожиданной встречи.

Странное дѣло, но съ отбытиемъ развѣдчиковъ старый профессоръ вдругъ круто „сдалъ“...

Казалось бы, наступило время отдыха, время набраться силъ на случай необходимости новой работы, а на случай успѣха,—чтобы насладиться плодами понесенныхъ трудовъ. Но старое сердце не выдержало...

Напрасно Вѣра окружала его самой нѣжной заботливостью, на какую способна чуткая душа женщины, а Вань-Дрюйеръ, этотъ геркулесъ съ сердцемъ ребенка, не позволялъ ему ни малѣйшаго утомительнаго движенія, носилъ его на рукахъ — короткое дыханіе, приступы удышья становились все чаще и чаще...

Профессоръ естественныхъ наукъ, да еще такой, какимъ былъ прославленъ Иванъ Дмитріевичъ, конечно, не могъ быть невѣждой въ медицинѣ и вполнѣ ясно давалъ себѣ отчетъ въ своемъ положеніи...

— Дѣти мои... — говорилъ онъ ровнымъ тономъ, не повышая голоса, стараясь не волноваться.—Если этотъ старый комокъ мускуловъ, который зовется моимъ сердцемъ, еще работаетъ; если аорта, пропитанная известкой, еще не ломается, — то это единственно въ надеждѣ узнать, чего мы достигли... Мнѣ такъ хотѣлось бы вѣрить, что мы послужили на благо человѣчеству... но я боюсь только вѣрить и хотѣлъ бы знать... Если не доживу до ихъ возвращенія, обѣщайте мнѣ... не хоронить меня здѣсь, гдѣ придется сгнить... Снизойдите къ глупой причудѣ старика... Что старый, что малый — ихъ желанія исполняютъ охотно... Я всегда былъ поклонникомъ культа древ-

няго Египта — стремлениі сберечь мумію... Если въ этомъ тѣлѣ жила душа, математически познавшая, что существуютъ трансцендентальныя величины, которые не могутъ быть выражены никакимъ конечнымъ числомъ цифръ, что существуетъ эллиптическій интегралъ, который мы можемъ рѣшить только въ приближеніи,—то... только подумать, что изъ этой оболочки великаго духа поползутъ червики, вырастеть трава... Дома, въ которыхъ жили отдельные люди, которыхъ называютъ великими, оберегаются, какъ святыни, но тѣло, въ которомъ жилъ духъ человѣка, остановленного въ своемъ совершенствованіи, въ стремлениі къ высшему познанію лишь невозможностью перешагнуть за грань конечнаго и постигнуть безконечное, доступное лишь пониманію, несвязанному съ убогими функциями нашихъ чувствъ,—это тѣло развѣ не заслуживаетъ вниманія и заботы еще больше, чѣмъ тотъ домъ, въ которомъ оно обитало?.. Обѣщайте, что похороните меня среди вѣчныхъ льдовъ, гдѣ въ тотъ часъ, когда наступитъ великое обновленіе ветхаго міра (а я вѣрю, что этотъ часъ придетъ), я могъ бы найти мое дряхлое тѣло, могъ бы опять заглянуть въ тѣ извилины моего мозга, въ которыхъ запечатлѣлось все, познанное мною въ предѣлахъ земной жизни...»

Вѣра въ отвѣтъ бормотала что-то несвязное, стараясь скрыть слезы, подступавшія къ горлу, зато Ванъ-Дрюйеръ отвѣчалъ увѣренno, основательно взвѣшивъ каждое слово: — „Будьте совсѣмъ спокойны.— Если бы никого не осталось, я одинъ свезу васъ туда, куда вы хотите!“

И чувствовалось, что ужъ это будетъ вѣрно.

X.

Результаты разведки.—Смерть старого профессора.—Конецъ Джигита.—Слабая надежда.—

Последний бой.—Неожиданно уцелевшие.

Аэромобиль вернулся много раньше, чѣмъ его ждали, но... съ однимъ только пассажиромъ...

— А Джигитъ? что съ нимъ?—тревожно спрашивала Вѣра.

— Его не будетъ...—сумрачно отозвался Сергѣй.—Впрочемъ, дайте разказать по порядку. Такъ выйдетъ скорѣе и понятнѣе. — Безъ особыхъ приключеній мы перелетѣли океанъ, видѣли кусочекъ Мадагаскара и часть восточной Африки, но тутъ не стоило задерживаться.—Спустились въ Луксорѣ, развалины котораго я хорошо знаю.—Здѣсь спрятали аэромобиль. — Было условлено, что Джигитъ поселится гдѣ-нибудь по близости, чтобы за нимъ присматривать и, въ случаѣ чего, въ зависимости отъ обстоятельствъ, либо извѣстить меня, либо, отъ меня получивъ извѣстіе, лѣтѣть ко мнѣ на выручку, или къ вамъ съ вѣстью о моей гибели. Самъ я направился въ Каиръ, полагая, что какъ бы ни измѣнилось лицо земли, но въ январѣ это мѣсто полно туристами, слетѣвшимися со всѣхъ концовъ свѣта, среди которыхъ мнѣ не трудно будетъ затеряться. Предположенія мои въ значительной мѣрѣ оправдались. Только въ городскихъ воротахъ (теперь, какъ въ средніе вѣка, всѣ города обнесены стѣнами) вышла заминка: спрашивали пропускъ, котораго у меня, очевидно, не было. Пробовалъ вывернуться, отгово-

риться незнаніемъ мѣстныхъ обычаевъ, — плохо вѣрили... Выручило изъ затрудненія старое свидѣтельство на право жительства, выданное нѣкогда студенту Сергею Дьячкову, которое съ давнихъ поръ хранилось въ моемъ бумажнике. Начальникъ караула, вызванный часовымъ, едва только взглянулъ на бумагу, которой я пытался (на отчаянную) удостовѣрить свою личность, какъ дружески усмѣхнулся и спросилъ: „Riga dictatory's emigrant?“ — Я, конечно, не сталъ спорить, но утвердительно кивнулъ головой, послѣ чего меня безпрепятственно пропустили. Почему это странное званіе имѣло такую силу, и до сего времени осталось мнѣ неизвѣстнымъ... Дальше, послѣ того, какъ я позавтра-каль въ какомъ-то caf  и бѣгло просмотрѣлъ кипу газетъ и журналовъ, прислушиваясь въ то же время къ разговорамъ многочисленныхъ посѣтителей, я былъ уже настолько ориентированъ, что все пошло довольно гладко. Правда, по началу курьезно было видѣть отряды полицейскихъ, вооруженныхъ алебардами, съ арбалетами за спиной... но это — мелочи. Я вовсе не собираюсь рассказывать вамъ моихъ приключеній и перехожу прямо къ дѣлу. Первая часть нашей программы дѣйствительно выполнена. Нѣтъ больше на поверхности земли ни огнестрѣльного оружія, ни взрывчатыхъ веществъ, но это не значитъ, чтобы человѣчество разоружилось. Нѣтъ! оно взялось за старое, испытанное, холодное оружіе!..

— Торжество индивидуализма... всякий можетъ постоять за себя, поскольку на это способенъ... — какъ-то странно усмѣхаясь, промолвилъ профессоръ.

— И мы упустили изъ виду,—продолжалъ Сергей,

словно не разслышавъ этого замѣчанія,—что вѣдь до самыхъ послѣднихъ дней существовали полудикіе народы, у которыхъ копье и сабля служили игрушками ихъ дѣтямъ... Хищные инстинкты этихъ массъ сдерживались только страхомъ передъ тѣми громами, которыми владѣютъ народы цивилизованные... Мы сняли съ нихъ эту узду, сломали плотину, ограждавшую свѣтлый міръ отъ царства слѣпого, всепоглощающаго хаоса!.. Ихъ орды хлынули по лицу земли могучимъ потокомъ, все губя, все уничтожая передъ собою!.. Мы думали, что, вырвавъ изъ рукъ цивилизованныхъ народовъ смертоносное оружіе, мы дадимъ имъ возможность мирно закончить уже начавшійся „великій перелетъ“, перемѣшаться, переродниться, слиться въ одну общую дружную семью... Но не успѣлъ еще этотъ перелетъ дать осязаемыхъ результатовъ, какъ подъ нашимъ же покровительствомъ началось „великое переселеніе“ народовъ, нашествіе новыхъ гунновъ и вандаловъ на очаги цивилизаціі!..

Вѣра слушала его молча, блѣдная, съ широкораскрытыми глазами; Ванъ-Дрюйеръ тоже молчалъ, тяжело дыша и низко опустивъ голову... Зато профессоръ, съ внезапной энергией откинувъ одѣяло, которымъ были укутаны его ноги, бодро вскочилъ съ кресла и заговорилъ, словно охваченный какимъ-то вдохновенiemъ:

— Мужайтесь, дѣти мои! Не падайте духомъ! Свято выполняйте то дѣло, которому предназначены Всеышнимъ! „Все—благо! бдѣнія и сна приходитъ часъ определенный!.. Придетъ и вашъ часъ, когда назначеніе ваше будетъ исполнено, и васъ смѣнятъ другіе,

но пока есть силы, не предавайтесь унынию!.. Новые гуны и вандалы разрушаютъ очаги цивилизаций! Почему же вы думаете, что это— зло?.. Римляне временем упадка империи не говорили развѣ, что на вѣки гибнетъ цивилизация, что никогда тевтонецъ, готъ, скифъ или сарматъ не постигнутъ прелести Горация, философіи Цлатона, мудрости Архимеда и Аристотеля?— Но прошли вѣка, и эти самые варвары дали миру Гете, Пушкина, Канта, Коперника, Ньютона!.. А до того? Развѣ жрецы Изиды не высказывали тѣхъ же жалобы при нашествіи римлянъ?.. Гибнуть очаги цивилизаций?.. И пусть гибнутъ! Это не случай! Если гибнутъ, то значитъ отжили свой вѣкъ! На ихъ развалинахъ возникнутъ новые! Мѣсто молодымъ и сильнымъ!.. День клонится къ вечеру— усталымъ пора на покой!.. Но впереди не вѣчная ночь! Опять зайдется заря! Опять взойдетъ солнце!.. Нѣтъ смерти! Только...

Онъ не договорилъ, судорожно схватился за сердце и тяжело опустился на руки вѣрныхъ друзей...

Послѣдняя воля его была свято исполнена: вѣчные льды южного полюса приняли прахъ старого энтузиаста.

— Ну, вотъ!.. А дальше-то что же?— спрашивалъ Ванъ-Дрюйеръ, заботливо приложивъ послѣднюю глыбу кристального льда, вѣнчавшую погребальный холмъ.

— Послѣдуемъ его завѣту, — тихо молвила Вѣра, подымаясь съ колѣнъ. — Будемъ выполнять возложенную на насъ миссію, пока не придетъ нашъ часъ.

— Не хочу васъ обманывать. Мнѣ кажется, что онъ уже близокъ... — рѣшительно перебилъ Сергій.

— Почему? Что такое?

— Вѣдь я не закончилъ отчета о моей развѣдкѣ... Самое важное осталось недосказаннымъ... Но нельзя терять времени! Можетъ быть, дорога каждая минута! — На корабль! — Къ отлету въ обратный путь!

Когда все было налажено, и „Красный Крестъ“ уже несся къ станціи „Кратеръ“ полнымъ ходомъ и прямымъ курсомъ (при этихъ условіяхъ на диво конструированные приборы управлениія дѣйствовали автоматически), Сергій заговорилъ снова:

— Десяти дней, проведенныхъ мною въ Каирѣ, было вполнѣ достаточно, чтобы уяснить себѣ общую картину положенія дѣлъ и прийти къ заключенію, что намъ возвращаться на поверхность земли, по меньшей мѣрѣ, преждевременно. Тамъ у насъ только враги. Новоявленные Аларихи и Тамерланы въ программѣ своихъ отношеній къ намъ очень мало расходятся съ защитниками старой цивилизациі. Первые мечтаютъ побѣдить насъ и овладѣть тайной детонатора, чтобы затѣмъ использовать его въ интересахъ завоевательныхъ, а послѣдніе болѣе скромны и стремятся только уничтожить насъ вмѣстѣ съ нашимъ приборомъ, чтобы снова получить возможность выступить противъ варваровъ во всеоружіи техники взрывчатыхъ веществъ и снова поработить ихъ... Я уже собирался покинуть Каиръ, когда неожиданное извѣстіе, разнесшееся съ быстротой молніи, вызвало среди обитателей города бурю восторговъ: — „Близъ Луксора захватили одного изъ послѣднихъ царей воздуха!“

— Это былъ Джигитъ?..

— Сначала я не повѣрилъ, но... видите ли... они, это звѣрье, подвергли своего плѣнника самымъ утонченнымъ пыткамъ, самой мучительной казни, и увѣковѣчили это зрѣлище на лентахъ кинематографа, которые разсылали по всему свѣту... Я самъ видѣлъ и... узналъ его... Ахъ, Вѣра!.. Если бы осуществима была основная идея твоего детонатора во всей ея полнотѣ! Если бы можно было его лучемъ всю воду океановъ превратить въ гремучій газъ и взорвать всю землю, со всѣмъ ея отродьемъ!.. Лучшаго люди не заслужили.

— Разумѣется!..—подтвердилъ голландецъ.

— Одновременно распространилось и другое извѣстіе, которое первоначально хотѣли сохранить въ тайнѣ, но не сумѣли... Говорили, что...—(не хорошо осуждать покойника, но, вѣдь, это-жъ было чудовищной ошибкой!)—въ его записной книжкѣ нашли полный перечень всѣхъ нашихъ тайныхъ складовъ и станцій съ точнымъ указаніемъ широты и долготы!..

— Но какъ онъ выдалъ себя?

— Не знаю ничего достовѣрнаго...—Такой клубокъ легендъ сплелся около этого событія!..—Не то предатель, втершійся ему въ душу, не то какая-то феллашка, которую онъ обѣщалъ сдѣлать царицей воздуха...—Такъ или иначе, но я долженъ быть предупредить васъ о грозящей опасности...—Какимъ путемъ?..—И, вдругъ, мнѣ пришло въ голову: писали и говорили только объ „одномъ изъ царей воздуха“, ни разу не заикнувшись ни объ его имени, ни объ его аэромобилѣ, строя лишь догадки о томъ, что занесло его въ окрестности Луксора...—Я выбрался изъ го-

рода (не безъ затрудненій) и посыпшиль къ нашему тайнику. — Аэромобиль былъ тамъ! — И мнѣ стало стыдно моего мимолетнаго, даже самому себѣ опредѣленно невысказаннаго, сомнѣнія въ вѣрности погибшаго друга!.. — Ясно, что никакія пытки не въ силахъ были вырвать отъ него ни единаго слова въ дополненіе къ тому, что выдано было его записной книжкой!..

— Такъ вотъ что... — протянулъ Ванъ-Дрюйеръ, нарушая воцарившееся молчаніе.— Ты, однако, распорядись, какъ быть... Вѣрно, что-нибудь придумалъ?..

— Полуофиціальное извѣстіе о томъ, что списокъ нашихъ станцій попалъ въ руки враговъ, вызвало всеобщее ликованіе... Всѣ вѣрили, что если разорить ихъ, то пришелъ конецъ нашей дѣятельности... — Единственная моя надежда — станція „Кратера“, такъ какъ о ней никто не зналъ, кромѣ меня... Въ старомъ спискѣ, у Джигита, ея, навѣрно, не было... Хотя, можетъ быть, онъ, не довѣряя памяти, вписалъ ее?.. — Все же — попробуемъ! — Складъ богатый. Нагрузимся по-уши. Перевеземъ въ новое мѣсто. Не за одинъ, такъ за два, три, четыре рейса!.. — Обеспечивъ себя такъ на первое время, взявъ отсрочку, — обсудимъ, что дѣлать дальше...

Возраженій не было.

Выбравъ моментъ, когда востокъ чуть брежжилъ зарею, „Красный Крестъ“ приблизился къ безымянному островку, нѣсколько разъ облетѣлъ его съ вѣнчанной стороны (какъ будто, все благополучно?), затѣмъ, самымъ малымъ ходомъ, описалъ кругъ по гребню кра-

тера, держась такъ низко, что, несмотря на сумракъ, простымъ глазомъ можно было видѣть неровности почвы (тоже ничего подозрительного) и началъ медленно опускаться въ глубину воронки, ежеминутно готовый взметнуться кверху.

— Кажется, ты напрасно заподозрилъ Джигита въ чрезмѣрной педантичности!—нервно засмѣялась Вѣра.—Повидимому, сюда не заглядывали...

— Смотри, не слазь!—пошутилъ Сергѣй.

Стаи, еще дремавшихъ, птицъ засуетились въ чащѣ, одѣвавшей внутреннія стѣнки кратера...

— Вотъ это — хороший знакъ, — замѣтилъ Вань-Дрюйеръ.—Будь тутъ чужіе, которые жгли и взрывали, птицы были бы распуганы...

Дѣйствительно—складъ оказался въ полной непри-
косновенности.

Всѣ трое работали, не покладая рукъ. Время близилось къ полдню. Изрядно припекало. Собирались наскоро позавтракать, подкрепить силы...

— Стойте!—окликнула Вѣра.

Аппаратъ безпроволочного телеграфа слабо, не-
внятно потрескивалъ, еще не давая на лентѣ никакого отпечатка...

— Можетъ быть гроза собирается?—атмосферные разряды?..—неувѣреннымъ тономъ спросилъ Сергѣй...

— А я думаю, что будетъ грозно, хотя не гроза!—
заявилъ Вань-Дрюйеръ и, довольный своимъ калам-
буромъ, указалъ на черныя точки, ясно выступавшія
въ глубинѣ безоблачнаго неба.

Приказанія были бы излишними.—Всякій слишкомъ хорошо понималъ, въ чемъ дѣло...—Но когда „Крас-

ный Крестъ“ взвился надъ гребнемъ кратера, — безнадежность положенія стала очевидной...

Ванъ-Дрюйеръ бормоталъ какія-то проклятія...

Вѣра оглянулась и странно-спокойнымъ тономъ промолвила:

— Какъ будто подъ „сѣткой“?..

— И даже не подъ „сѣткой“, а подъ надежнымъ „колпакомъ“! — рѣзко прервалъ ее Сергѣй. — Пришелъ нашъ часъ!.. Жаль только, что нѣтъ подъ руками ни пушекъ, ни бомбъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, дорого продать свою жизнь!..

— А детонаторъ?..

— Что?.. — недоумѣвающе переспросилъ Сергѣй.

— Если я еще не добилась луча, способнаго взорвать океаны, то neo-generator взорвать уже могу!.. А тогда... — широкимъ жестомъ она повела рукой по горизонту, — всѣ вмѣстѣ!..

— Ты можешь?.. и ты готова?.. — восторженно воскликнулъ Сергѣй...

— Минутку терпѣнія! — проговорила Вѣра, склоняясь надъ аппаратомъ и переставляя какие-то коммутаторы...

Ванъ-Дрюйеръ не сразу сообразилъ, но, догадавшись, пришелъ въ восторгъ.

— Вотъ это дѣло! Вотъ это называется — похоронить себя не безъ салюта!.. Ну, мингеръ! Пока наша дама хлопочетъ съ детонаторомъ, постараемся повеселиться послѣдній разъ! Заманимъ ихъ поближе, потѣснѣ!.. Чтобы безъ ошибки — всѣ вмѣстѣ! Вотъ чего они не ожидаютъ! Слово стараго голландца! — никакъ не ожидаютъ!.. Ха-ха-ха!..

„Красный Крестъ“ испуганно и безтолково (какъ казалось со стороны) заметался по всѣмъ направлѣніямъ, то взлетая кверху, то камнемъ падая къ самой поверхности океана, какъ бы въ тщетныхъ попыткахъ найти путь, наиболѣе удобный для прорыва сквозь медленно, но вѣрно осѣдавшій надъ нимъ „колпакъ“.

Эта явная растерянность придала смѣлости нападающимъ.—Взять живьемъ было бы еще лучше!..

— Сдавайтесь, и ваша жизнь будетъ пощажена!—телеграфировали они, замедляя ходъ.

— Готово ли?—торопилъ Сергѣй...

— Сейчасъ... сейчасъ...—Готово!

— Убирайтесь, пока цѣлы! Никому не будетъ пощады!—телеграфировалъ „Красный Крестъ“...

Уже можно было различать силуэты рулевыхъ, склонившихся надъ штурвалами

Сергѣй, снявъ фуражку, широко перекрестился...

Вань-Дрюперъ послѣдній разъ глубоко затянулся и бросилъ за бортъ недокуренную сигару...

— Прощайте—здѣсь! и до свиданья—тамъ!—крикнула Вѣра, всею силой налегая на рукоятку замыкателя...

Болѣе сотни воздушныхъ кораблей составляли тотъ „колпакъ“, которымъ было накрыто послѣднее убѣжище „Краснаго Креста“.

Всѣ они взорвались одновременно.

Казалось—само небо вдругъ было охвачено все-пожирающимъ пламенемъ.

Казалось — огненный вихрь, зародившийся въ зенитѣ, раскинулъ свой пологъ надъ моремъ.

Не было ни криковъ, ни стоновъ.

Никто не успѣлъ даже подумать о томъ, чтобы крикнуть.

Пламенный куполъ всыхнулъ надъ гладью океана и стремительно рухнулъ въ его нѣдра.

Грохотъ взрыва потрясъ вѣковѣчные скалы, и снова все смолкло.

Только кипѣла и пѣнистыми столбами взметывалась кверху вода, поглощавшая пылающіе обломки.

Еще нѣсколько мгновеній — и она успокоилась.

Словно и не было здѣсь никогда грознаго воздушного флота, слетѣвшагося со всѣхъ концовъ свѣта...

Только одинъ, видимо, никѣмъ не управляемый корабль нелѣпо кружился въ лазури безоблачнаго неба, подымаясь все выше и выше...

Весь бѣлый, съ огромнымъ краснымъ крестомъ на бортахъ...

Первымъ опомнился отъ ошеломляющаго удара Сергѣй и, чисто по привычкѣ, выработавшейся въ бояхъ, бросился къ покинутому рулевому аппарату...

— Почему же мы... Какъ это странно... — говорила Вѣра, глядя передъ собой широко открытыми глазами.

— Ущипните меня, пожалуйста! — воскликнулъ Ванъ-Дрюйеръ, — чтобы я зналъ навѣрно, живъ я или нѣть?

— Это ты выдумала?

— Клянусь Богомъ!.. Я сама ничего не понимаю!—отозвалась она, еще не вполнѣ давая себѣ отчетъ въ совершившемся событии.—Отъ этого разряда должна была бы взорваться каждая капля „neo-generatorа“ въ раionѣ десяти миль!.. Почему же у насъ...

— Стопъ все! Я понимаю!—крикнулъ Сергѣй и разсмѣялся такъ, какъ смѣются только разъ въ жизни.—Вѣдь складъ Кратера я устраивалъ давно, когда о „neo-generatorѣ“ еще и не думали!—У насъ въ систернахъ простой, первобытный „generator“!—Твой адскій разрядъ былъ слишкомъ глубокъ для него и потому онъ не детонировалъ!..

— Такъ! Такъ! Конечно!.. Хотя все-же...

— Дѣти мои,—перебилъ ихъ Ванъ-Дрюйеръ, — оставимъ разрѣшеніе вопроса съ научной точки зре-нія до болѣе благопріятнаго времени, когда вы займетесь этимъ дѣломъ на досугѣ, сейчасъ же намъ нужно решить: что предпринять?

— Исполнимъ завѣтъ покойнаго!—страстно заговорила Вѣра.—Не будемъ умничать! Богу угодно было возложить на насъ великую, хотя бы и непонятную намъ, миссію!—Выполнимъ ее до конца!..

— Такъ, такъ! Конечно! — поддержалъ ее Сергѣй.

Какъ разъ въ это время „Красный Крестъ“, задержанный на своемъ произвольно-взятомъ курсѣ, проносился надъ островомъ Гэрдъ.—Можно было различать группы немногочисленныхъ обитателей острова, спѣшившихъ къ станціи безпроволочного телеграфа.

Подъ впечатлѣніемъ только что избѣгнутой, казалось бы, неминуемой смерти, неудержный задоръ,

желаніе „припугнуть и посмѣяться“ охватили бывшаго „Повелителя Царей Воздуха“.

— „Слушайте вы!—телеграфировалъ онъ.—Тщетны всѣ ваши ухищренія! Дetonаторъ бодрствуетъ надъ міромъ! Горе тѣмъ, кто осмѣлитсѧ возстать противъ него!“

— А надолго ли нась хватитъ? — спросилъ невозмутимый голландецъ, никогда не оставлявшій своей мысли недосказанной.—Ужъ если „Красный Крестъ“ караулили у Кратера, то не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ прочія наши станціи давно разорены... Смѣю думать, что даже облетать ихъ съ цѣлью удостовѣриться въ печальной дѣйствительности—не стоитъ труда.—Слишкомъ очевидно... — А такъ, какъ мы есть...—Я опять повторяю мой вопросъ—на долго ли нась хватитъ?

— Мѣсяца на два!..—холодно, въ тонъ ему, отвѣтилъ Сергѣй.

— Мы „работали“ годы, — продолжалъ Ванъ-Дрюйеръ.—Во благо или во вредъ человѣчества—не берусь судить—совершили великій переворотъ. Что же прибавятъ два мѣсяца къ тому, что уже сдѣлано? Думаю—немного, даже—ничего... Если, вообще, задача, хотя бы въ томъ видѣ, какъ ее обрисовалъ профессоръ передъ смертью, осуществима,—она ужъ осуществлена. Если нѣтъ, если детонаторъ долженъ... ну, хоть не вѣчно, а еще десятки лѣтъ, носиться надъ землей, препятствуя появлѣнію на ея поверхности взрывчатыхъ веществъ,—мы къ этому дѣлу оказываемся непригодными... Просто и убѣдительно...

— Значитъ...—прервалъ Сергѣй тягостное молча-

nie,—остается просить Вѣру, чтобы она поставила контакты своего прибора на старый generator, и...— повернуть рукоятку...

— Кажется, такъ...—тихо отозвалась Вѣра...

— А мнѣ такъ вовсе этого не кажется!—оживленно заговорилъ Ванъ-Дрюйеръ.—Надоѣла мнѣ эта возня съ вашимъ человѣчествомъ хуже горькой рѣдьки! Я имъ больше не пильщикъ!.. Слушайте, дѣти мои! Плюнемъ на нихъ и заживемъ сами по себѣ и сами для себя!—Какъ-то разъ случилось мнѣ, для какого-то исправленія въ машинѣ, спуститься на островокъ еще восточнѣе Рапа-Нуи *), совсѣмъ необитаемый и маленький-маленький!—Не только человѣка, но и звѣря нѣтъ. Растиутъ, однако же, кокосы и бананы...— Махнемъ туда и заживемъ „Робинзонами“!—Довольно мы намотались по свѣту, довольно послужили человѣчеству, чортъ бы его взялъ!.. Никакихъ міровыхъ вопросовъ, ни міровой скорби, ни міровой радости!.. Чудесно!..

— Эхъ, дядя!—остановилъ Сергѣй размечтавшагося приятеля.—Ну, пусть твой островокъ былъ и есть необитаемъ, но кто поручится, что въ любой моментъ его не посѣтитъ какой-нибудь воздушный корабль, какъ это сдѣлалъ нѣкогда ты самъ? Вотъ и къ чорту пошло твоё уединеніе!

— Но мы изолируемся!

— Чѣмъ?

— Детонаторомъ! Мы его установимъ въ центрѣ острова; достаточная изобрѣтательница наладитъ его

*) Островъ Рапа-Нуи находится въ долготѣ 250° восточной и въ широтѣ 27° южной.

контакты такъ, чтобы онъ безпрерывно и послѣдовательно посыпалъ въ пространство разряды: на порохъ, на пироксилинъ, на лидитъ, на шимозу, на generator, на neo-generator... Какой же дьяволъ сможетъ прилетѣть къ намъ при такихъ условіяхъ и помѣшать намъ жить, какъ въ раю, какъ было указано жить Адаму и Евѣ? Я лично ничего большаго не желаю! Къ чорту всякую заботу о человѣчествѣ!..

— А вѣдь это возможно...—подтвердила Вѣра, и слабый румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ!—торжествовалъ Вань-Дрюйеръ.—Заживемъ такъ, какъ никогда не жили!.. Пиво, я думаю, можно варить изъ банановъ, а за табакъ сойдутъ листья агавы...—добавилъ онъ, какъ бы про себя.

„Красный Крестъ“ взялъ курсъ восточнѣе Рапа-Нуи.

ЭПИЛОГЪ.

Завоеваніе „необитаемаго“ острова.—Дикарь.—
Отгородившись отъ міра.

— Да будемъ же спускаться!—сердился голландецъ.

— Надо убѣдиться въ необитаемости,—возражалъ Сергѣй.—Помни, что каждый человѣкъ—нашъ врагъ!..

„Красный Крестъ“ тихо рѣялъ надъ островкомъ, затеряннымъ въ юго-восточной части Тихаго океана, едва не касаясь винтами растрепанныхъ кронъ кокосовыхъ пальмъ.

Всѣ трое, приникнувъ къ зеркальнымъ стекламъ
Вл. Семеновъ. Цари воздуха.

пола капитанской рубки, зорко высматривали, не откроется ли чего-нибудь подозрительного.

— Ну, вотъ, и „необитаемый“! Смотри!..

На небольшой лужайкѣ, въ самой чащѣ тропической заросли дѣственного лѣса, дымился догорающей костеръ...

Положеніе усложнилось...

— Однако, вотъ что... — заговорилъ Ванъ-Дрюйеръ, — костеръ есть, а значитъ есть и люди, которые его зажигали. Это—безспорно. Но если они спрятались—значить они насъ пугаются, значитъ ихъ немного. Если боятся—мы сильнѣе. Спускаемся и посмотримъ!..

Еще разъ облетѣли островокъ, тщательно оглядывая его сверху. Обнаружили вытащенную на берегъ пирогу, искусно замаскированную валежникомъ и ліанами. Общимъ совѣтомъ, по разнымъ признакамъ, рѣшили, гдѣ, вѣроятнѣе всего, могутъ скрываться ея владельцы, и тихо спустились на землю близъ намѣченаго пункта.

Въ роли авангарда выступилъ Ванъ-Дрюйеръ, вооружившійся арбалетомъ, а за поясъ заткнувшій добрый топоръ; за нимъ слѣдовалъ Сергѣй, обязанный поддерживать связь между головными силами и кораблемъ, на которомъ держался резервъ. — Вѣра, имѣвшая подъ рукой цѣлый арсеналъ самострѣловъ, готовыхъ къ дѣйствію... Это—чтобы, въ случаѣ нужды, прикрыть отступленіе...

Старые коршуны не ошиблись въ своихъ догадкахъ о мѣстѣ нахожденія противника...

Едва только Ванъ-Дрюйеръ приблизился къ подо-

зрительной заросли, какъ въ воздухѣ свистнуло метательное копье...

По счастью, какъ разъ въ этотъ моментъ, онъ обо что-то споткнулся (чуть не упалъ), и острое лезвіе только оцарапало его шею... Безъ того—было бы прямо въ сердце!..

Съ боевымъ кличемъ — „Airking“! — голландецъ прикрывшись щитомъ, ринулся впередъ...

Навстрѣчу ему выскочилъ молодой, стройный остро-витяинъ.

— Бэкъ! Мори-татакау! *)—крикнулъ онъ, размахивая обнаженнымъ крисомъ.

Ни минуты не колеблясь добродушный богатырь кинулъ свой арбалетъ и даже топоръ изъ-за пояса, стѣснявшій его движенія, бросился на противника, вырвалъ крисъ изъ его рукъ, оглушилъ его ударомъ по лбу и подмялъ подъ себя...

Это великодушіе могло бы обойтись ему довольно дорого. Двѣ женщины, вооруженные тяжелыми каменьями, бросились на побѣдителя. Имъ помѣшалъ Сергѣй, поспѣшившій на шумъ схватки. Ловко наброшенный арканъ швырнулъ на землю одну изъ нихъ, зато отъ другой самъ онъ получилъ ударъ въ голову, свалившій его съ ногъ.

По счастью Ванъ-Дрюйеръ, успѣвшій уже скрутить своего плѣнника, во-время остановилъ руку, готовившуюся размозжить черепъ стараго товарища, схватилъ

*) Плохой образчикъ того, что современники называли «airspoke»:—англійское «back» (назадъ), итальянское «mori» (умри) и японское «tataku» (сражаясь).—Въ общемъ это значило—«Не подходи! Буду биться на смерть!»

воительнице въ охапку, кинулъ ее на земль рядомъ съ ея подругой, тщетно пытавшейся вывернуться изъ петли аркана, и крѣпко спеленалъ ихъ обѣихъ свободнымъ его концомъ.

— Ну, — обратился онъ къ Вѣрѣ, которая, покинувъ свою цитадель, съ арбалетомъ въ рукахъ и съ кинжаломъ за поясомъ прибѣжала на выручку,—присмотрите за ними и помогите ему! (онъ указалъ на Сергея). Слава Богу, кажется, не серьезно... А я пойду, погляжу, нѣть ли еще кого...

Когда онъ вернулся со своей рекогносцировки, Сергей уже сидѣлъ, прислонившись спиной къ стволу дерева, и тщетно пытался успокоить хлопотавшую надъ нимъ Вѣру, убѣдить ее, что никакой опасности нѣть, что „кокосъ“ цѣлъ, и все кончится синякомъ да здоровой шишкой.

Обѣ женщины, спеленатныя арканомъ, лежали неподвижно, словно мертвыя въ тѣхъ же странныхъ позахъ, какъ голландецъ бросилъ ихъ на землю.

— Не придушилъ ли въ горячкѣ старый бегемотъ?—мелькнула въ головѣ его укоризненная мысль.

Зато ихъ защитникъ, связанный по рукамъ и по ногамъ, катался по травѣ въ конвульсіяхъ безсильнаго бѣшенства...

— Убей! убей! убей!—запопилъ онъ, увидѣвъ возвращающагося Ванъ-Дрюйера.—Убей сразу! — Рабомъ твоимъ я не буду!.. Убей сразу, чтобы мнѣ не видѣть ихъ рабства!.. Убей сразу!..

Нѣкоторое время голландецъ съ недоумѣвающимъ видомъ разглядывалъ это мѣдно-красное тѣло, извивавшееся у его ногъ, потомъ заговорилъ:

— Послушай, ты, глупый человѣкъ! Ни тебя, ни ихъ (если онъ живы) мы вовсе не собираемся обращать въ рабство! Почему же нужно, чтобы я тебя убилъ?

— Убей сразу! убей сразу!..

— Но этотъ совсѣмъ дуракъ, или сейчасъ сошелъ съ ума!—рѣшилъ Ванъ-Дрюйеръ и, обращаясь къ Вѣрѣ, добавилъ: — Попробуйте поговорить съ нимъ! Можетъ быть, онъ слишкомъ меня боится?..

Вѣра не заставила себя ждать (такъ какъ Сергѣй, вполне оправившись, уже твердо стоялъ на ногахъ) и немедленно вступила въ переговоры съ островитяниномъ, пока товарищи ея занялись скрученными въ безформенный комокъ женщинами. Эти послѣднія, какъ выяснилось, были только „слегка помяты“, быстро пришли въ себя и тотчасъ же бросились къ ногамъ своихъ освободителей, моля о пощадѣ.

— Какой удивительно-глупый народъ! И кто напалъ на нихъ такого страху? — изумлялся Ванъ-Дрюйеръ.

Всѣ трое—плѣнникъ и обѣ плѣнницы—принадлежали къ тому, довольно рѣдкому, типу обитателей острововъ восточной Полинезіи, относительно происхожденія которого много и долго, но безплодно, спорили великие энтомологи. — Мѣдно-красный оттѣнокъ кожи, удлиненный овалъ лица, рѣзко очерченный профиль—дѣлали ихъ болѣе похожими на индѣйцевъ Америки, нежели на прародителей прочихъ полинезійцевъ—малайцевъ, тагаловъ, яванцевъ, дакотовъ и папуасовъ. Смѣлые умы допускали мысль, что крайніе острова восточной Полинезіи были заселены выходцами изъ Ю. Америки, которыхъ занесъ сюда SO

пассатъ, и, наоборотъ, тотъ же пассатъ помѣшалъ достигнуть до этихъ острововъ монгольской волнѣ, шедшей изъ Азіи.

Справедлива эта гипотеза, или нѣтъ — для насъ неважно, — засвидѣтельствуемъ лишь тотъ фактъ, что если Ванъ-Дрюйеръ отдергивалъ и пряталъ свои руки, которые пытались цѣловать эти двѣ женщины, то вовсе не изъ чувства врожденного отвращенія къ прі-плюснутымъ носамъ и широкимъ скуламъ монгольской расы (которыхъ въ данномъ случаѣ не было), а единственно... изъ скромности...

— Ну, что же? уgomонили вы вашего паціента?..

— Мнѣ кажется, что да!.. Онъ довѣрился... и его можно бы развязать... — отозвалась Вѣра.

— Отчего не развязать! — согласился Ванъ-Дрюйеръ, обращаясь къ Сергею. — Вѣдь чуть что — стукъ по темечку — и опять безопасность.

— Грѣхъ вамъ, если вы глумитесь надъ моей довѣрчивостью!.. Духъ Неба не проститъ этого!.. Хоть вы, бѣлые, и не вѣрите въ Него, но Онъ есть! Навѣрно, есть!.. Если страданіе „здѣсь“ не возмѣщается блаженствомъ „тамъ“, то вѣдь нѣтъ справедливости!.. А развѣ можно жить, если справедливости нѣтъ и не будетъ ни „здѣсь“, ни даже „тамъ“?.. Тогда — кончить скорѣе!.. Если бы рыба могла знать, что ее вытащатъ изъ воды и будутъ жарить на огнѣ, развѣ она не искала бы смерти, скорой, простой смерти, чтобы избѣжать такого конца?.. Но только не знаетъ, не понимаетъ; а если бы и знала, и понимала, то не можетъ, не умѣетъ... Почему же человѣкъ, который

и знаетъ, и понимаетъ, и умѣетъ, и можетъ,—не убиваетъ себя сразу? Потому, что вѣрить въ его справедливость...

Такъ говорилъ молодой дикарь, а цари воздуха слушали его рѣчъ, и не было на лицахъ ихъ даже тѣни усмѣшки...

— Во имя Его справедливости я вѣчной ненавистью поклялся бѣлымъ!.. О, какъ хорошо умѣютъ они затягивать свои сѣти!.. И вамъ я бы не повѣрилъ, хоть вы... странные, непохожіе на другихъ... совсѣмъ другіе... но Ей, Дочери Солнца, не могу не повѣрить — и все скажу!.. Я — Мануи, вотъ жена моя — Ваганга, а вотъ сестра моя — Тематенги. Жили мы мирно на своемъ родномъ островѣ, и хоть давно ужъ (старики не запомнятъ, когда въ первый разъ) заглядывали къ намъ бѣлые, но не очень нась притѣсняли. Взять съ насъ было нечего... Многому даже на пользу себѣ отъ нихъ научились... Пришелъ и нашъ черный день. Прилетѣли по воздуху... Первый разъ—ничего, а потомъ—все хуже и хуже... Стали забирать, силой увозить съ собою дѣтей и женщинъ... говорили, смѣясь, что „неплоскомордая“ и на рынкѣ идутъ дороже другихъ... Долго терпѣли, потомъ не выдержали... Худо вышло! Худо кончилось!.. Прилетѣли великой силой... все разорили... Ночью—была гроза... Я подумалъ—все равно! Подговорилъ жену и сестру. Захватили съ собой, что могли, сѣли въ лодку и отдались на волю бури... Вѣдь буря отъ Него, а не отъ людей! она—милостивая!.. Сколько дней она мчала нась по океану, и принесла сюда. Вотъ все...,

Мануи умолкъ, низко склонивъ голову.

Ваганга и Тематенги, прижавшись другъ къ другу, пугливо прятались за его спиной, плохо понимая ломанный „airspoke“, на которомъ онъ давалъ свои объясненія.

— Будьте же хоть разъ слугами Его справедливости!—снова съ необычайнымъ оживленіемъ заговорилъ Мануи.—Поймите людей, которые не хотятъ быть рабами! Если нѣтъ такого уголка въ мірѣ, гдѣ насъ не настигли бы поработители, верните мнѣ мой крисъ! Я не направлю его противъ васъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Я буду цѣловать тѣ руки, которыя вернутъ мнѣ мое оружіе! Имъ я убью—вотъ ихъ и себя! И мы умремъ свободными!..

— Да онъ совсѣмъ смѣшной, но славный малый!— проворчалъ Ванъ-Дрюйеръ.

— Вѣдь и у васъ есть сердце? вѣдь и у васъ былъ человѣкъ, который назывался „царь воздуха“, который не позволялъ „имъ“ обижать слабыхъ?

— Мы—послѣдніе, вѣрные слуги того, кого ты называлъ,—отвѣтилъ ему Сергѣй.—Онъ такъ же, какъ и ты, ищетъ по свѣту уголка, гдѣ могъ бы преклонить голову, гдѣ люди не могли бы его настигнуть... Оставайся съ нами, если хочешь быть свободнымъ! Мы утратили власть надъ міромъ, но все еще достаточно сильны, чтобы отгородиться отъ него!

Шли годы...

Былъ ли кто-нибудь жертвой разрядовъ, посылавшихся детонаторомъ въ пространство,—сказать трудно. Если и взрывался какой-нибудь корабль, на-

правлявшійся къ островку, то настолько злаговременно и на такой дистанціи, что замѣтить этотъ взрывъ оказывалось невозможнымъ.

Во всякомъ случаѣ, благодаря ли исправному дѣйствію аппарата или просто уединенному мѣстоположенію, никто сюда не заглядывалъ и не тревожилъ спокойствія маленькой колоніи.

Ничтожные, сами по себѣ, запасы различныхъ сѣмянъ, захваченные въ пирогу краснокожими при ихъ бѣгствѣ отъ „бѣлыхъ воздушныхъ дьяволовъ“, подъ опытнымъ руководствомъ Вѣры, послужили основой для развитія такой „грядковой культуры“, о которой не снилось и самому Демчинскому. Вань-Дрюйеръ, дѣйствительно, добился того, что изъ банановъ варилъ пиво „не хуже мюнхенскаго“, а изъ листьевъ какого-то, специально имъ культивированного растенія дѣлалъ сигары. Мануи находилъ ихъ великолѣпными; Сергѣй въ сужденіяхъ воздерживался, самъ же фабрикантъ любилъ отмѣтить тотъ фактъ, что и въ Гамбургѣ онѣ изготавляются, преимущественно, изъ капустныхъ листьевъ...

А что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ послѣ того, какъ станція острова Гэрдъ приняла послѣднюю телеграмму проносившагося надъ ней корабля „Красный Крестъ“?..

Конецъ
„Царей Воздуха“.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ГЛАВА I. — Вместо предисловия.—Café Montr閑 tout	Стр. 1—18
ГЛАВА II. — Пираты воздуха. — Конгрессъ въ Вѣнѣ. — «Universal Airkingdom's Regulation». — Отзывъ «Короля Нибелунговъ»	18—32
ГЛАВА III. — Начало борьбы.—Baron von Deutsch-korpf.—Противъ анархіи. — «Прискорбный случай»	32—45
ГЛАВА IV. — «Хорошо придумано!»—Тотъ, кото- рого ждали	45—54
ГЛАВА V. — Паденіе великихъ царствъ. — Вели- кій «перелетъ» народовъ.—Старый профессоръ.—Отецъ и дочь	54—73
ГЛАВА VI. — «Не бывать Батракамъ Сызранью!» Разгромъ.—«Они самые!»	73—87
ГЛАВА VII. — Старый знакомый. — Анархія или индивидуализмъ?—Мечта! — При- знаніе	87—100
ГЛАВА VIII. — Детонаторъ. — Смутные слухи. — Ночной гость.—Первый опытъ . . .	101—117
ГЛАВА IX. — Гроздное предупрежденіе.—Паника.— «Красный Крестъ». — На раз- вѣдку. — Завѣщаніе старого про- фессора	117—130
ГЛАВА X. — Результаты развѣдки.—Смерть ста- рого профессора. — Конецъ Джин- гита.—Слабая надежда.—Послѣд- ний бой.—Нежданно уцѣлѣвшіе. .	131—145
ЭПИЛОГЪ. — Завоеваніе «необитаемаго» острова.— Дикарь.—Отгородившись отъ міра.	145—153

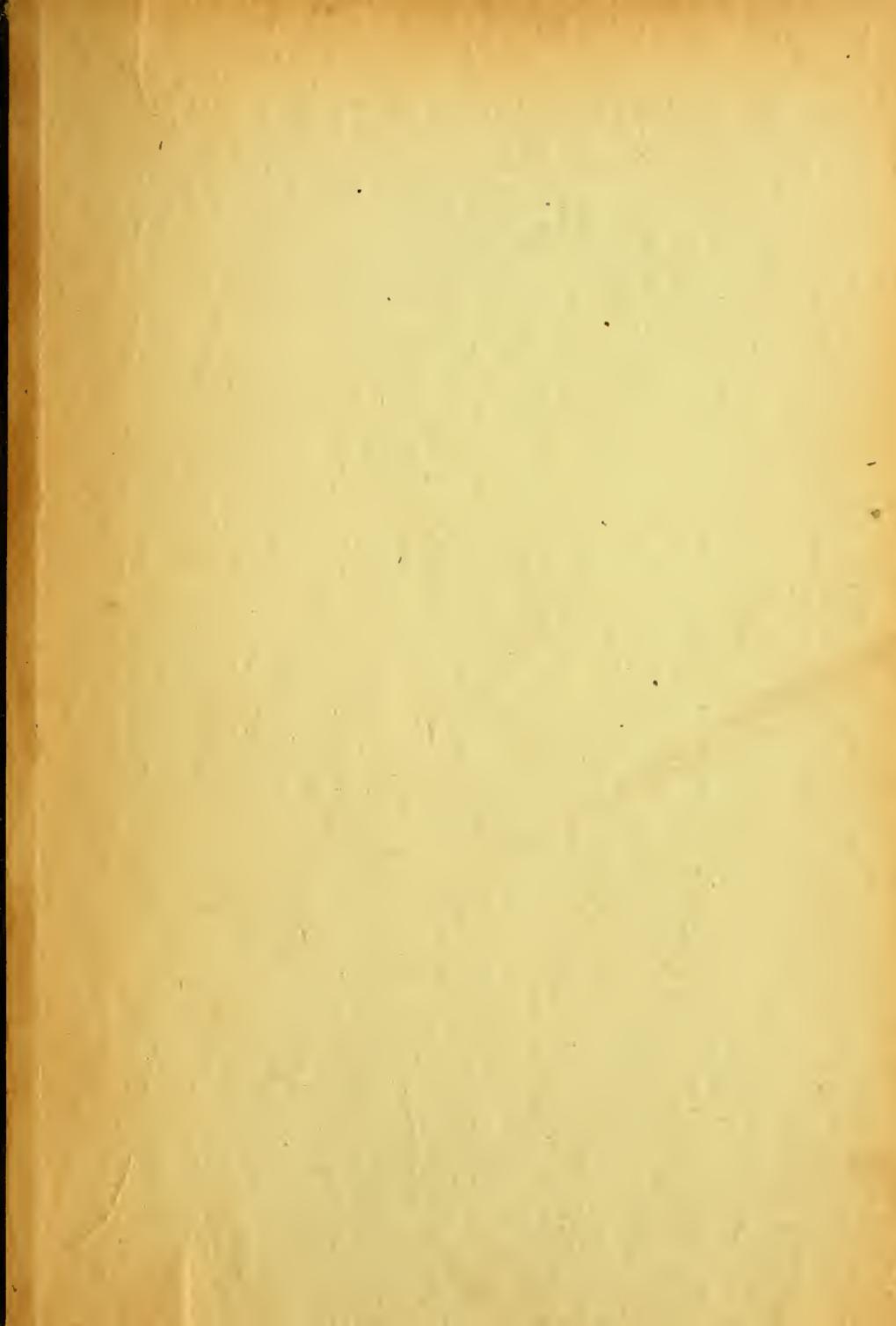
31.

BOSTON PUBLIC LIBRARY

3 9999 06561 231 7

Того же автора:

Забытый путь изъ Европы въ Сибирь. — *Енисейская экспедиция* 1893 г.—СПБ. Типографія Т-ва „Общественная Польза“.—1894 г.—Цѣна 75 коп.

На Дальнемъ Востокѣ.—(Очерки и Рассказы).—СПБ. Типографія А. С. Суворина.—1901 г.—Цѣна 1 рубль.

Стихотворенія.—СПБ. Типографія А. С. Суворина.—1902 г. — (не продается).

Стихотворенія.—II—СПБ. Типографія А. С. Суворина.—1903 г.— (не продается).

БОЙ ПРИ ЦУСИМЪ.—(*Памяти Суворова*).—Издание второе, исправленное и дополненное.—СПБ. Типографія Т-ва М. О. Вольфъ.—1908 г.—Цѣна 50 коп.

РАСПЛАТА.—Часть I—Портъ-Артуръ.—Часть II—Походъ второй эскадры.—Съ картами и планами.—СПБ. Типографія Т-ва М. О. Вольфъ.—1908 г.—Цѣна 3 рубля.

ЦАРИЦА МИРА.—Романъ-фантазія.—СПБ.—Издание Т-ва М. О. Вольфъ.—Цѣна 75 коп.

„**БОЙ ПРИ ЦУСИМЪ**“ переведенъ на англійскій, испанскій, нѣмецкій и французскій языки отдельной книгой, на голландскій, итальянскій, норвежскій и шведскій—въ повременныхъ изданіяхъ.

„**РАСПЛАТА**“ вышла отдельной книгой на нѣмецкомъ языкѣ, готовится англійское изданіе въ переводѣ принца Людовика Баттенбергскаго, заканчиваются переводы на голландскій, французскій и шведскій языки.

Выписывать можно черезъ магазины Т-ва М. О. Вольфъ.

Цѣна 75 коп.